

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Р. Р. Каримов, Ю. В. Бондаренко, А. Х. Султанов

**МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА В ЭПОХУ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)**

Монография

Уфа 2019

УДК 342.24 (479)(091)
ББК 67.400.532.2 (2Рос)
К23

*Рекомендована к опубликованию
редакционно-издательским советом Уфимского ЮИ МВД России*

Рецензенты: кандидат юридических, доцент К.А. Орлов
(Уральский юридический институт МВД России);
И. М. Гаскаров (Отдел полиции № 3 УМВД Рос-
сии по г. Уфе)

Каримов, Р. Р.

К23 Многонациональные государства в эпоху глобализации (историко-
правовое исследование) [Текст]: монография /Р. Р. Каримов,
Ю. В. Бондаренко, А. Х. Султанов. – Уфа : Уфимский ЮИ
МВД России, 2019. – 136 с.

ISBN 978-5-7247-1008-4

Монография содержит анализ и исследование основных этапов развития многонациональных государств Западной Европы на фоне ускоряющихся процессов глобализации.

Монография предназначена для обучающихся образовательных организаций системы МВД России, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

ISBN 978-5-7247-1008-4

© Каримов Р. Р., 2019

© Бондаренко Ю. В., 2019

© Султанов А.Х., 2019

©Уфимский ЮИ МВД России, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. РОССИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ.....	9
ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	37
ГЛАВА 3. ХРИСТИАНСТВО В ИСТОРИИ МИРОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ.....	57
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	93
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	100
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Извлечение из Указа Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года».....	111
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Извлечение из Указа Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».....	120
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Извлечение из Распоряжения Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р (ред. от 30.03.2018 «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года».....	125
ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Извлечение из Распоряжения Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной поли- тики Российской Федерации на период до 2025 года».....	130
ПРИЛОЖЕНИЕ 5. Извлечение из Распоряжения Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р(ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года».....	132

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях происходят одновременно два процесса – усиливается глобалистское начало в повседневной жизни всех государств и одновременно набирают обороты усилия государств по обеспечению собственной внутренней безопасности от внешнего воздействия значительного числа факторов: от ввоза генетически модифицированной продукции до проблем иммиграции.

Термин «глобализация» был введен в оборот активно в середине 80-х годах XX века прежде всего со ссылкой на процесс интеграции глобального рынка посредством новой экономической политики, когда крах коммунизма, конец «холодной» войны, технологический и информационный прогресс положил начало новой стадии для развития глобальных связей. Определения глобализации являются многократными и противоречащими. Но, мы имеем дело с политическими, социальными и прежде всего, экономическими процессами.

Интеграционные процессы в современном мире являются важнейшей движущей силой, определяющей экономические, политические и социокультурные перемены в самых различных плоскостях и регионах мирового геополитического пространства, ведущими к либерализации и демократизации общественных отношений.

Глобализация означает создание глобального гражданского общества, заинтересованного в развитии ценностей гуманизма, в правосудии, в защите прав человека. Права человека и глобализация – две формы универсального характера, два глобальных явления, в которые, в их непрерывном преобразовании, вовлекаются различные государства.

В свою очередь, права человека превысили национальную юрисдикцию государств и стали частью международного права, имея универсальный характер. Глобальные и региональные международные механизмы (Совет по правам человека, Комитет против пыток, Европейский Суд по правам человека и т. д.) открыли индивидуумам путь к международной защите своих прав, предназначенной для преодоления государственных границ¹.

Глобализация дает возможности и производит изменения, которые затрагивают юридический порядок и международное право. Права человека являются частью этих изменений. Этот процесс возможен в мире, где политический, культурный, экономический и социальный прогресс не мо-

¹ Aurora Ciucă. Human rights in the era of globalization // Faculty of Law at «MihailKogălniceanu» University, Iași, Romania.

жет быть ограничен национальными границами или государственными рамками.

Но параллельно с прогрессивными следствиями данных процессов, глобализация влечет за собой и негативные последствия, размывая этническую культурную самобытность, усиливая в отдельных регионах нарастание социальной напряженности на почве конфессиональных и национальных противоречий, вторгаясь в суверенное пространство внутригосударственных отношений в плоскости «центр – регионы».

Процессы глобализации неизбежно приводят к определенной нивелировке национальной идентичности в экономическом, социальном, языковом и культурном плане. Естественно, что подобные процессы сказываются на негативном восприятии указанных изменений среди значительной части населения любого государства. Достаточно сказать о том, что у истоков движения антиглобалистов в Западной Европе стояли производители сыра из Швейцарии и французские виноделы.

Европа представляет собой классический пример постоянных конфликтов между институтами Европейского Союза и населением отдельных государств. Примером тому являются результаты недавнего референдума о выходе Великобритании из ЕС.

Культурный облик современного общества переживает серьезную трансформацию, когда относительно сохранявшийся партикуляризм национальных культур вытесняется готовностью общества следовать новым культурным образцам, преимущественно транслируемым современным Западом, включающим в сферу своего прямого воздействия все мировое сообщество. Ведь говоря о глобализации, мы должны объективно признавать тот факт, что интеграция различных государств в единое социально-экономическое, политическое, правовое поле не является следствием равноправного диалога всех участвующих в данном процессе субъектов. Речь идет, прежде всего, о влиянии определенных государств, занимающих доминирующее положение на международной арене, и использующих возможности влияния в собственных интересах.

С новым витком глобализации возникает закономерный вопрос о месте и роли в новых условиях исторических представлений, традиционных верований, языка, национального характера и самосознания, того, что в комплексе формирует особенности менталитета народа, некий «национальный код».

Наиболее зримо глобализация проявляется в экономической сфере, усиливая взаимозависимость стран и народов. Эта взаимозависимость проистекает из того, что в наше время не только общенациональная, но и региональная экономика испытывает сильное воздействие процессов, происходящих в мировой экономике.

Экономическая глобализация выглядит как «рынок» в сфере товаров и услуг, где приоритет имеют учреждения глобального характера, затрагивающие суверенитет государств, в рамках которого они теряют контроль за некоторыми инструментами (финансовыми, кредитными и т. д.). Конечно, обмен товарами существовал много столетий, но в наши дни это ускорено развитием транспортировки, технологиями, коммуникацией. Государства больше не главные и уникальные игроки глобализации, их превозмогли межнациональные корпорации и межправительственные учреждения.

Глобализация, принимающая различные организационно-правовые формы, в том числе в виде международных надгосударственных образований, нивелирует определяющую роль государства, вторгаясь в область его суверенного пространства. Транснациональные корпорации и различные международные объединения теснят государства, еще вчера монополично господствовавших на мировой арене как основных субъектов международных отношений. Новые и старые глобальные учреждения приобретают все более и более важную роль на мировом уровне: Всемирная торговая организация, международные неправительственные организации, Международный валютный фонд, МБРР (Международный банк реконструкции и развития).

Внешние факторы неизбежно оказывают влияние на различные сферы внутренней политики национальных государств, но степень рецепирования ими новых стандартов и подверженность их влиянию на внутренние процессы зависят от конкретных условий, отражающих особенности восприятия новаций политической элитой, обществом каждой отдельной страны, специфику ее культуры, религии и, безусловно, экономическими факторами, способствующими или затрудняющими интеграцию данного государства в мировую экономику.

При этом суверенная политика национальных государств ставится во всю большую зависимость от международных стандартов, определяющих общие правила мирового порядка и, как следствие, тех обязательств, что принимают на себя государства взамен на блага, что сулит им интеграция. В этой связи возникает проблема ограничения суверенитета национальных государств, степень которого определяется уровнем интеграции государств в различные международные образования и готовностью поступиться частью своей свободы и передать решение многих вопросов на наднациональный уровень.

Так для Великобритании оказалась неприемлема политика Евросоюза по многим ключевым позициям. Одним из таких вопросов стала проблема активных потоков беженцев, устремившихся в европейское пространство, которая обозначила нежелание Великобритании делить бремя

ответственности ЕС за распределение и перераспределение «неопознаваемых перемещающихся лиц». И это лишь один из примеров разности интересов. Если к этому добавить необходимость поддержки более развитыми странами экономик отсталых стран, а также значительные экономические затраты на различные проекты ЕС, то желания налогоплательщиков сократить расходы, связанные с членством в Евросоюзе вполне очевидны.

Прогнозы политиков и экономистов в отношении последствий выхода Великобритании из Евросоюза сильно разнятся, но на данном примере представляется очевидной готовность отдельных государств занять активную позицию в вопросе сохранения приоритета своего суверенитета над механизмом надгосударственного уровня принятия решений.

Ряд современных исследователей ставят под вопрос дальнейшие перспективы самой конструкции национального государства, подвергая сомнению адаптивность данной политической структуры к современным условиям развития мирового экономического порядка, их значимость и функциональность как эффективного и рационального механизма ведения международной политики.

Например, высказывается точка зрения, что европейская интеграция разрушает национальные государства, отнимая у них суверенитет и возвышая регионы: «Теперь национальное государство, – говорится в одном из зарубежных изданий, – как экономический партнер для развития регионов потеряло свое значение. Национальные границы больше не мешают происходящей в масштабе Европы конкуренции за рабочие места, инвестиции и размещение промышленных объектов. Немецкие регионы вступили в прямую конкуренцию с другими европейскими регионами и не могут больше надеяться, что национальное правительство поручится за них, если возникнут затруднения. Потому что даже если бы национальное правительство имело намерение сделать это, оно столкнулось бы с брюссельским режимом контроля за субсидиями, который не разрешает финансовую поддержку регионов с негативными последствиями на ровном игровом поле, каким, как предполагается, является Единый Рынок»¹.

В мире без границ «национальное государство стало неестественным, даже дисфункциональным образованием для организации человеческой активности и управления экономической деятельностью ... Оно не представляет никакой истинной общности экономических интересов; оно не определяет никаких содержательных потоков экономической активности»².

¹ Sturm R. Germany – United But Not Uniform. The Revival of Regional Pluralism // Regional Pluralism and Good Governance: Problems and Solutions in ASEAN and EU-countries. Bad Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 1999. P. 142-143.

² Ohmae K. The Rise of Region State // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. N 2. P. 78.

В контексте состояния современной европейской политики ставится под сомнение статус-кво таких концепций, как гражданство, государственность и сплоченность сообщества.

Но одновременно набирает обороты и скептицизм относительно прогнозов развития интеграционных процессов в тех организационно-правовых формах, что ныне превалируют. И, прежде всего, речь о Евросоюзе. По мнению лидера французских консерваторов Марин Ле Пен, ЕС сейчас представляет собой «диктатуру, уничтожающую народы». С призывом расформировать Евросоюз в его современном виде и вернуть европейским государствам независимость в рамках нового союза равноправных государств, построенного на общности европейской цивилизации и культуры – Союза европейских наций, лидер «Национального объединения» Ле Пен собирается идти на выборы в Европарламент, намеченные на май 2019 года.

На подобном фоне рассмотрение проблем воздействия процессов глобализации на отдельные государства представляется актуальным как в теоретическом, так и в прикладном плане.

ГЛАВА 1. РОССИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Обращаясь к истокам российского федерализма, нельзя не принять во внимание историческое наследие Российской империи как многонациональной державы в контексте исторической перспективы.

Формирование территориального пространства России растянулось на несколько столетий и проходило в несколько этапов, границы которого установились лишь во второй половине XIX века.

Процесс вхождения в состав государства различных регионов и народов имеет неоднозначную природу. Расширение территориальных границ осуществлялось преимущественно военным путем, как, например, были завоеваны Казанское и Астраханское ханства. Но в ряде случаев мы можем говорить о весьма спорном с позиции современной науки характере присоединения тех или иных территорий к России, что с достаточным основанием применимо и к Башкирии, и Грузии. Сторонники добровольного вхождения интерпретируют данные события как оптимальный исторический выбор в условиях угрозы порабощения со стороны более агрессивных соседей, когда народы принимали российское подданство, надеясь обеспечить «мирную жизнь» под сенью могучей державы или меняя одну политическую зависимость на другую. В то время как другие ученые склонны давать оценку данным событиям скорее в русле принудительной интеграции.

Вхождение Украины в состав Русского государства также трактуется крайне неоднозначно: «...если большинство украинских историков рассматривают акт 1654 г. как альянс двух независимых партнеров, в крайнем случае как временно ограниченный московский протекторат, но никак не включение Украины в состав Московского государства»¹, то в отечественной историографии преобладают иные оценки трактовки воссоединения Украины с Россией в контексте освобождения от гнета Речи Посполитой.

В любом случае, добровольное или нет, включение в состав российского государства неизбежно приводило к ликвидации в той или иной степени автономии, что изначально гарантировалось царским правительством. Так, если на протяжении почти столетия, последовавшего после заключения договора о вхождении башкир в состав Московского государства, центральная власть не посягала активно на их права, что во многом объясняется ее относительной слабостью в период «смутного времени», то с усилением самодержавия интересы монархии все более приходили в противоречие с сохранением автономии башкир, прежде всего в вопросах

¹ Капеллер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000. С. 50.

землевладения, а также вероисповедания. Нарушения прав башкирского населения приобретали все более открытый и систематический характер и с началом активной колонизации башкирских земель все чаще принимали форму насильственной христианизации мусульман, что наряду с покушениями правительственной администрации на вотчинные права башкир вызвало целый ряд войн-восстаний, сопровождавших XVII–XVIII столетия. И если поначалу государство, встречая жесткое сопротивление башкир, апеллировавших к условиям договора, допускало политику переговоров, вынужденно идя на признание неправомерности своих отдельных действий, то с переходом к абсолютизму власть жестоко и бескомпромиссно подавляла любые неповиновения.

Российская империя, как и любая империя, создавалась «железом и кровью». В то же время политика царского правительства по отношению к нерусскому населению державы не была всюду одинаковой. На украинцев и белорусов смотрели как на часть русского народа, состоящего из трех родственных, включая великороссов, этнических групп.

«Восточные» земли были в значительно большей степени интегрированы в российское пространство, что позволяло царской власти осуществлять управление, опираясь на местную знать. В то время как на западных территориях была более выражена конфронтация между устоявшимися формами российского общественного устройства и региональными традициями. Но посредством постепенной консолидации дворянского сословия российское шляхетство впитывало в себя феодалов различного национального происхождения. По мере расширения территории империи дворянство принимало в свои ряды польских, немецких помещиков, румынских бояр Бессарабии, аристократию украинского казачества и др. Почти половину их, таким образом, составляли потомки польской шляхты, украинской казачьей старшины, остзейских рыцарей, грузинских князей, мусульманских ханов и беков. Сохранялось функционирование преобладающих в регионах языков: немецкого – в Прибалтике, шведского в Финляндии, польского – на территориях Речи Посполитой и румынского – в Бессарабии. По переписи 1897 г. только 58 % потомственных дворян называли родным языком русский.

Степень интеграции областей в единое социокультурное пространство зависела от их административно-политического статуса. Так, если Царству Польскому и Великому княжеству Финляндскому была предоставлена широкая автономия, то территория Восточной Украины была подвержена значительно более форсированной интеграции.

В регионах с преобладающим мусульманским населением одним из важнейших направлений внутренней политики была попытка насильственной христианизации местного населения, что должно было не только

укрепить позиции Церкви, но и создать необходимую социальную опору царской власти в лице новообращенных. Добровольный переход из магометанской веры в православную, поощряемый властью, не стал частым явлением и чаще всего имел место среди служилого люда.

Башкир-повстанцев, обращенных в крепостных, равно как их жен и детей, закон открыто позволял насильственно крестить. В отношении же тех, кто самовольно возвращался в ислам, применялись казни. Так, 14 марта 1739 г. генерал Соймонов подписал конфирмацию по делу Кисябки-Байрасовой: «Пойманную башкирку, которая была крещена и дано ей имя Катерина, за три в Башкирию побега и что она, оставя Закон Христианский, обасурманилась, за оное извольте приказать на страх другим казнить смертью – сжечь, дабы впредь, на смотря, другие казнились»¹.

В правление Екатерины II конфессиональная политика в отношении иноверцев несколько смягчилась. В Наказе для Уложенной комиссии 1767 г. императрица говорила о вредности для спокойствия и безопасности своих граждан запрещения или недозволения их различных вер. Зримым проявлением большей толерантности в отношении ислама, равно как и иных верований, стал Указ Святейшего Синода 17 июня 1773 г. «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставляя все сие светским начальствам», которым разрешалось строительство новых мечетей и не дозволялось вмешательство церковных иерархов в дела мусульман. Указом 1788 г. «Об определении мулл и прочих духовных чинов магометанского закона и об учреждении в Уфе Духовного собрания для заведования всеми духовными чинами того закона в России пребывающими» учреждалось Духовное собрание мусульман во главе с муфтием, что способствовало существенному изменению положения мусульманского духовенства, в юрисдикцию которого власть определила достаточно широкий круг вопросов, прежде всего брачного и вероисповедного характера, а также разрешение брачно-семейных, имущественных споров и др. Одновременно его учреждение отвечало и правительственным интересам, позволяя в большей степени осуществлять контроль за башкирским мусульманским сообществом.

Одновременно царское правительство продолжало проводить сознательную политику русификации и христианизации населения национальных регионов. Увеличивалось количество церковных приходов, прежде всего, усилия Церкви были направлены на создание таковых в селениях крещеных инородцев. Власть активно поощряла активную миссионерскую

¹ Еникеев З. И., Еникеев А. З. История государства и права Башкортостана. Уфа: Китап, 2007. С. 181.

просветительскую деятельность РПЦ, чему объективно препятствовала и языковая среда, и отсутствие подготовленных квалифицированных миссионерских кадров. Одним из наиболее значимых образовательных и миссионерских центров Российской империи стала Казанская духовная академия, где осуществлялась подготовка квалифицированных специалистов для осуществления активной миссионерской деятельности среди иноверцев Поволжья, Приуралья и Сибири. Одним из отделений, открытых при академии, стало противомусульманское.

Это не могло не ущемлять чувство национального достоинства народов. Не случайно, подъем революционного движения в стране в начале столетия характеризуется бурным ростом национально-освободительной борьбы на окраинах России, формированием национальных партий.

К концу XIX века российские мусульмане, численность которых приблизилась к 14 млн, стали второй после православных вероисповедной группой населения империи, этноконфессиональная активность которых вызывала определенную тревогу среди правительственных верхов, усматривавших в том угрозу и попытку обособления от общегосударственных задач¹.

Накануне Первой мировой войны национальный вопрос стал одним из тех, что оказался в центре внимания, так как грядущая война объявлялась «борьбой за освобождение малых народов». Грандиозные военные столкновения между державами Антанты и Тройственного союза, безусловно, заставили все политические силы Российской империи в значительной степени пересмотреть свои взгляды по многим кардинальным вопросам стратегии и тактики борьбы.

Как известно, «либеральным лицом» России являлись кадеты. Правые кадеты настаивали на признании великороссов господствующей нацией и на введении в Финляндии общеимперского законодательства. П. Н. Милюков и его сторонники настаивали на демонстративном отклонении всех законопроектов, направленных против национальных меньшинств. Здесь необходимо сделать оговорку. В своих записях, не предназначенных для печати, Милюков обвинял национальное движение нерусских народов в «жалкой ограниченности», «провинциализме» и выражал твердое убеждение в том, что национальный вопрос может выдвигаться лишь для усиления оппозиционного натиска на самодержавие. В публичных выступлениях Милюков, напротив, приветствовал «последовательный, упорный и уважающий себя национализм».

¹ Арапов Д. Ю. Мусульманский мир в восприятии верхов Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 4. С. 132–137.

Кадетская политика отличалась от правительственной тем, что она претендовала на третейскую роль в спорах между националистами. Мелкобуржуазные партии поддерживали кадетов (в том числе и материально) в качестве главных «защитников прав народов». Это было вполне объяснимо, так как избирательный закон ограничивал их собственное представительство, связь с массами была непостоянной, а их партийная деятельность растворилась в культурнической работе различных «общенациональных» организаций.

Эсеры осуждали шовинистическую официальную пропаганду, скептически воспринимали и основные установки либерально-кадетского «патриотизма». Некоторые деятели партии эсеров принимали лозунг поражения царизма в империалистической войне, но преобладали сторонники «обороны отечества». Этим обусловлена двойственность идейно-политических позиций в программно-пропагандистских документах эсеров.

Один из лидеров II Интернационала Карл Каутский, рассматривая проблемы социально-экономического развития различных народов в эпоху империализма, констатировал факт огромного разрыва между «руководящими» и отсталыми народами. В перспективе только социализм мог ликвидировать такое историческое отставание, но лишь на путях ассимиляции, утраты особенностей национальной культуры. Карл Каутский подчеркивал, что целью социалистического развития является не дифференциация, а ассимиляция национальностей.

Другой теоретик европейской социал-демократии О. Бауэр был известен в общественных кругах именно своими разработками в области национального вопроса. В противоположность К. Каутскому он считал возможным сохранение национальных различий в эпоху социализма. Более того, в политическом и культурном отношении социализм все более обособляет народы друг от друга. Исходя из подобной перспективы и была выдвинута теория «культурно-национальной» автономии, призванная отстаивать интересы представителей любого народа независимо от места жительства.

В. И. Ленин подчеркивал, что в первом случае национальный нигилизм Каутского мог в будущем привести социалистов на позиции шовинистов. Теория «культурно-национальной» автономии содержала огромную опасность «развести пролетариат по национальным квартирам». Двум этим позициям был противопоставлен интернационалистический подход, вытекавший из признания неизбежности двух тенденций в национальном вопросе: стремления к независимости и к интернационализации.

Необходимо подчеркнуть, что лидер большевиков учитывал и изменившиеся условия, в том числе фактор пробуждения и роста национально-

го самосознания угнетенных народов России. Так, на рубеже 1913–1914 годов и в период начавшейся Первой мировой войны он категорически отрицал саму возможность федеративного устройства России после победы социалистической революции. Вместе с тем В. И. Ленин выступал по-прежнему против раздувания национального вопроса, одностороннего акцента на национальных требованиях в ущерб классовым интересам пролетариата. Однозначное противостояние национализму не означало, однако, сугубо конъюнктурного подхода к такой сложной и чувствительной сфере общественной жизни. Основой программы большевиков по национальному вопросу было требование права на самоопределение. Данное положение уже в 1903 г. встретило сопротивление части польской социал-демократии, увидевшей в содержании § 9 проекта Программы РСДРП уступку буржуазному национализму. Как известно, именно из-за разногласий по указанному вопросу польская делегация покинула зал заседаний II съезда РСДРП.

Как известно, в июне 1917 г. лидер партии большевиков В. И. Ленин кардинальным образом пересматривает свой подход к решению вопроса о возможной форме государственного устройства России после победы социалистической революции. Речь идет о признании им федеративного государства как неизбежной реалии в условиях обострения национального вопроса, сосуществования полиэтнической массы населения в России. Данный лозунг усиливал социальное звучание программы партии, где важнейшее место занимало положение о праве нации на самоопределение.

После победы социалистической революции в нашей стране был реализован ленинский принцип подхода к решению национального вопроса. Среди первых мероприятий Советской власти в указанной сфере можно назвать следующие шаги. После победы Октябрьской революции в Советской России был создан уникальный орган – Народный Комиссариат по делам национальностей. В том же 1917 г. Советская Россия реализовала право на самоопределение, предоставив независимость Польше и Финляндии. В годы военной интервенции и гражданской войны начался процесс предоставления автономии народам, населявшим территорию РСФСР. Первой на политической карте России появилась Башкирская Автономная Советская Республика.

События октября 1917 г. повлекли за собой начало принципиально новых национальных отношений между образовавшимися республиками на территории бывшей Российской империи.

Летом 1919 г. оформился военно-политический союз советских республик. Юридически союз был определен 1 июня 1919 г., когда состоялось заседание ВЦИК РСФСР с участием представителей республик. В тот же день был издан декрет «Об объединении советских республик: России,

Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии для борьбы с мировым империализмом». В указанном документе говорилось: «Провести тесное объединение: 1) военной организации и военного командования, 2) советов народного хозяйства, 3) железнодорожного управления и хозяйства и 4) комиссариатов труда Советских Социалистических Республик России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии и Крыма с тем, чтобы руководство указанными отраслями народной жизни было сосредоточено в руках единых коллегий.

Объединение должно было быть проведено путем соглашения с Центральными исполнительными комитетами и Советами народных комиссаров указанных республик.

Форма объединения была своеобразной. Она предусматривала особое положение органов РСФСР, выполнявших одновременно функции органов власти и управления для всего объединения советских республик. Такое положение было предопределено рядом факторов. Россия была самой крупной советской республикой, накопившей богатый организационный и политический опыт. Советская Россия представляла наиболее политизированный, промышленно развитый центр, вокруг которого группировались все остальные республики.

Данный статус-кво сохранялся фактически и после гражданской войны, когда в центре внимания встали вопросы хозяйственного строительства. Это не могло не вызывать ответную, как правило, негативную реакцию.

Тот факт, что роль общесоюзных органов продолжали играть органы государственной власти и управления одной из равноправных договорных республик – РСФСР, не способствовал борьбе против великодержавного шовинизма и местного национализма.

К лету 1922 г. решение национального вопроса преимущественно рассматривалось в русле развития федеративных начал во взаимоотношениях советских республик.

Приступая к реализации намеченного плана в решении национального вопроса, Политбюро ЦК РКП(б), опираясь на инициативу партийных и советских органов советских республик, 10 августа приняло решение по подготовке проекта предложения по вопросу об усовершенствовании федеративных взаимоотношений РСФСР с другими республиками. С этой целью была образована комиссия, которую возглавил И. В. Сталин.

Результатом деятельности данной комиссии стал проект, согласно которому предполагалось, что УССР, БССР, Азербайджанская ССР, Армянская ССР, Грузинская ССР должны были войти в состав РСФСР на правах автономий. По указанному проекту высшими органами государственной власти и управления Союза должны были стать ВЦИК, СНК и СТО РСФСР.

Следует заметить, что в указанном вопросе Сталин соблюдал определенную последовательность в своих взглядах. Так, в 1920 г. при подготовке ко II Конгрессу Коминтерна Ленин подготовил тезисы по национальному и колониальному вопросам. В них Владимир Ильич выделял две ступени федеративного устройства в стране. Отношения между РСФСР, Украиной и Азербайджаном как между самостоятельными республиками, – отношения федеративные, подчеркивал В. И. Ленин. С другой стороны, особо выделены отношения между РСФСР и автономными республиками на ее территории (на примере Башкирии и Татарии). После просмотра ленинских тезисов И. В. Сталин выдвигает предложение о включении в тезисы положения о конфедерации, затрагивавшие вопросы не столько национально-государственного строительства, сколько международных отношений. Вместе с тем, он подчеркивал отсутствие, по его мнению, всякой разницы между башкирским и украинским типом федеративной связи. В. И. Ленин тогда возразил, что федерация может быть разных типов.

Сталинский проект «автономизации» вызвал резко отрицательную реакцию Владимира Ильича. В письме к Л. Б. Каменеву Ленин подчеркнул особо тот факт, что Сталин торопится в архиважном вопросе. Особо отмечена следующая фраза из ленинского письма: «Важно, чтобы мы не давали пищи «независимцам», не уничтожали их независимости, а создавали еще новый этаж, федерацию равноправных республик».

Проект, предложенный В. И. Лениным, предполагал объединение в федеративный союз свободных и равноправных республик, что и было реализовано при подписании Договора и Декларации об образовании СССР 30 декабря 1922 г. между РСФСР, УССР, БССР, ЗСФСР, а затем подтверждено Конституцией СССР 1924 г.

Указанные принципы национальной политики были существенно деформированы в период культа личности И. В. Сталина, когда допускались грубые нарушения самой идеологии демократизма и интернационализма. Выступая на словах противником ассимиляции, Сталин на деле проявлял явное стремление к «упрощению» национальной структуры страны, сопровождавшееся негативным отношением к самому факту существования национальных групп. Весьма показательным в этой связи его утверждение в докладе о проекте Конституции 1936 г.: будто в стране существует лишь 60 национальных общностей (между тем их и в современных условиях, по крайней мере, в два раза больше). Не случайно именно к этому времени были ликвидированы такие формы национально-административного деления, как национальные районы и национальные сельские Советы. В 1933 г. в нашей стране районных национальных Советов было 250, а сельских национальных Советов – 5300.

Тенденция к «упрощению» национальной структуры страны сказалась и на переписях населения. Если в 1926 г. по переписи было определено 194 народности, то по переписи 1939 г. зафиксировано менее 100 национальностей. Хотя такое уменьшение в известной мере связано с изменением критериев в выделении национальных единиц, а также с происшедшими в этот период консолидационными процессами, тем не менее сокращение численности национальностей за 13 лет почти в 2 раза объясняется, главным образом, простым игнорированием реального существования многих из них (особенно малочисленных). Постепенно недостаточное внимание стало также уделяться специфическим культурным, языковым и бытовым потребностям национальных групп.

Одновременно провозглашалась недопустимость ассимиляторства со ссылками на ленинское наследие¹. На деле же подспудно проводилась линия на ликвидацию организаций, практически занимавшихся национальным вопросом. Эта тенденция начала проявляться сразу же после образования СССР, когда был ликвидирован Наркомнац. Совет национальностей, созданный впоследствии, фактически перестал заниматься столь важнейшей сферой общественной и государственной жизни.

Аналогичные явления происходили и в науке. В первые послереволюционные годы была создана целая научная служба страны по национальным (этнографическим) проблемам: Комитет народов Севера, Центральное этнографическое бюро Наркомнаца и др. Активизировала свою деятельность созданная до революции комиссия по изучению племенного состава России и сопредельных стран. Однако в 30-е годы все эти учреждения были закрыты. В то же время введение паспортной системы с графой «национальность», применение многочисленных официальных анкет с этой графой облегчили осуществление национального неравенства, придавая в общественной практике неоправданную значимость фактору этнического происхождения граждан страны.

Многие трудности социально-экономического развития различных регионов многонационального государства были порождены сложившимися еще в довоенные годы командно-административными, централистскими методами управления без учета национальной специфики, порой без элементарного уважения к истории, традициям, нуждам той или иной нации или народности, а иногда и прямого произвола в решении этнонациональных проблем.

Великая Отечественная война наглядно продемонстрировала на фронте и в тылу сплоченность большинства советских людей разной национальности, их преданность Отчизне. С другой стороны, именно в эти го-

¹ См.: Сталин И. В. Национальный вопрос и ленинизм: соч. Т.11. М., 1949. С. 377.

ды были «наказаны» переселением в восточные районы целые народы. Депортация в 1941–1944 гг. немцев, калмыков, карачаевцев, ингушей, чеченцев, балкарцев, крымских татар (всего около 2 млн человек) привела к массовым жертвам и нанесла существенный ущерб национальному развитию этих народов. Лишь в конце 50-х годов у большинства из них была восстановлена национальная государственность. Одновременно с этих народов было снято несправедливое обвинение в союзнничестве с немецко-фашистскими войсками; по отношению к немцам и крымским татарам это было сделано в 60-е годы.

Однако и здесь была допущена характерная половинчатость при решении проблем межнационального общения. Так, «забытыми» оказались турки-месхитинцы. Не получили своей государственности советские немцы. В условиях перестройки, когда мы вновь «открыли» для себя национальный вопрос, вновь обострился национальный вопрос. Достаточно вспомнить о событиях лета 1989 года в Средней Азии, когда последовал буквально прямой поток советских граждан немецкой национальности, принявших решение выехать из страны. Причем в последнем случае большинство выезжавших отмечали в качестве одной из основных причин отсутствия в Советском Союзе национально-государственного образования для лиц немецкого происхождения.

В первые послевоенные годы огромная работа по восстановлению народного хозяйства тех регионов, территория которых оказалась оккупированной в ходе войны, по-прежнему сочеталась с недостаточным вниманием к потребностям национальных групп. Вместе с тем обострению национальных чувств у отдельных групп граждан способствовали такие кампании, как борьба против космополитизма, принявшее антисемитский характер дело врачей-«отравителей» и т. п.

В середине 50-х начале 60-х годов, ознаменованных определенной демократизацией отдельных сторон нашего общества, наряду с достижениями в дальнейшем выравнивании экономического, социального и культурного уровня крупных народов, стали более отчетливо проступать негативные тенденции – своеобразное порождение централизаторских методов управления. В некоторых республиках, получавших дотации от государства, стали утверждаться иждивенческие настроения, насаждались привилегии на национальной почве.

Н. С. Хрущёв собственное видение проблем национально-государственного строительства формировал, безусловно, за счёт отказа от наиболее одиозных черт национальной политики, связанных с культом личности. Речь идёт о попытке решить проблему репрессированных народов, передаче больших полномочий союзным республикам. Но для Никиты Сергеевича «национальная» окраска проблем, связанных с управлением в

стране, была не столь важна. Его интересовала скорее проблема децентрализации властных структур по чисто ведомственному принципу.

В 1962 г. приступила к работе комиссия по подготовке новой Конституции СССР. Особое внимание предполагалось уделить вопросам расширения прав союзных республик, чёткому распределению отношений между центром и регионами. Любопытно, что подкомиссию по вопросам национальной политики и национально-государственного устройства возглавил старейший член Президиума ЦК КПСС А. И. Микоян. О решительности настроя руководителя подкомиссии свидетельствовало содержание поручения Институту права АН СССР. Документ был призван обобщить все критические замечания западных исследователей о содержании национальной политики. Подготовленный анализ содержал ошеломляющие по меркам марксистско-ленинской доктрины выводы. К ним можно отнести следующие моменты: советский федерализм провозглашался фикцией, национальная политика характеризовалась как форма колониализма. Вызывала особую тревогу та часть документа, в которой были зафиксированы факты умаления полномочий союзных республик. Речь шла о необходимости расширения прав пятнадцати республик в области формирования бюджета, развития международных связей и реального наполнения суверенитета¹.

На волне преодоления последствий сталинской национальной политики в 1959 г. центральные комитеты Компартий Латвии и Азербайджана приняли постановления, согласно которым все граждане указанных республик были обязаны изучать и знать язык титульной нации. Решением ЦК КПСС данные постановления были расценены как «националистические ошибки». Последовали и организационно-кадровые решения. Соответственно руководители партийных организаций Латвии и Азербайджана были освобождены с занимаемых постов.

Следует подчеркнуть тот факт, что и в руководстве страны происходил процесс осмысления и пересмотра сложившихся стереотипов в вопросах национальной политики, в том числе и в сфере распределения полномочий центра и регионов. В этом плане заслуживает внимания попытка руководителя партийной организации Украины П. Е. Шелеста наполнить реальным содержанием объявленную в конце 50-х годов политику расширения прав союзных республик. В августе 1965 г. он направил в президиум ЦК КПСС записку, в которой предложил предоставить Украинской ССР право на самостоятельное заключение торговых соглашений с международными партнёрами.

¹ Зубкова Е. Ю. Власть и развитие этноконфликтной ситуации в СССР 1953–1985 годы // Отечественная история. 2004. № 4. С. 7.

Возник своеобразный юридический гандикап. С одной стороны, как союзная республика и как член международного сообщества (Украинская ССР была членом Организации Объединенных Наций), безусловно, могла претендовать на более весомую роль в области международных экономических отношений. Вместе с тем В. И. Лениным еще на заре существования советского государства был провозглашен принцип монополии внешней торговли, лишивший республики возможности ведения самостоятельной внешнеэкономической деятельности.

Интересно проследить дальнейшую судьбу записки Шелеста. На заседании президиума ЦК КПСС выступавшие говорили о слабой борьбе на Украине с «буржуазным национализмом», о пропаганде украинского языка в ущерб русскому. Тон большинства выступлений можно было свести к одному тезису: Украина претендует на особую роль в союзном государстве. П. Е. Шелест в целях сглаживания ситуации снял свое предложение, признав его ошибочным¹.

Таким образом, можно говорить о сохранившейся инерции восприятия проблем национальной политики, когда с 20-х годов предложения руководителей национальных республик по обеспечению реального наполнения декларированного и гарантированного в Основном законе суверенитета (прежде всего в экономической сфере) получали соответствующую оценку в решениях партийных органов как «отклонения в сторону национализма».

Более осторожную и прагматичную позицию по вопросам дальнейшего развития национально-государственного строительства занял Л. И. Брежнев. Представляет интерес в этой связи его выступление на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 4 октября 1977 г. Как известно, доклад руководителя партии и государства был посвящен итогам всенародного обсуждения проекта Конституции Союза Советских Социалистических Республик. Данное выступление позволяет не только констатировать сложившуюся в партийно-советском руководстве концепцию национально-государственного строительства страны, но и выделить наиболее существенные моменты, связанные с попытками пересмотреть отдельные принципы в указанной сфере. В речи, затрагивающей вопросы национально-государственного устройства страны, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР фактически выступил против подобных предложений, поступивших в Конституционную Комиссию. Анализ содержания указанных материалов свидетельствует о массовом характере поступивших писем.

¹ Зубкова Е. Ю. Власть и развитие этноконфликтной ситуации в СССР 1953–1985 годы // Отечественная история. 2004. № 4. С. 7.

Следует отметить, что руководитель партии и государства фактически признал, что большинство предложений берет свое начало из утвердившейся в этот период идеологической установки. Она официально признала сложившуюся новую историческую общность людей – советский народ. Л. И. Брежнев отметил: «Некоторые товарищи – их, правда, очень немного сделали из этого неправильные выводы. Они предлагают ввести в Конституцию понятие единой советской нации, ликвидировать союзные и автономные республики или резко ограничить суверенитет союзных республик, лишив их права выхода из СССР, права на внешние сношения»¹. В докладе было подчеркнуто, что поступили предложения упразднить Совет национальностей и создать однопалатный Верховный Совет.

Л. И. Брежнев следующим образом объяснял принципиальную невозможность включения в текст Основного закона подобных предложений. Аргументация основывалась на традиционных идеологемах социалистической доктрины. Сюда относились тезисы об успешном решении национального вопроса, неуклонном сближении, взаимном обогащении их духовной жизни. Председатель Конституционной Комиссии подчеркнул в этой связи: «Но мы встали бы на опасный путь, если бы начали искусственно форсировать этот объективный процесс сближения наций. От этого настойчиво предостерегал В. И. Ленин, и от его заветов мы не отступим»².

С другой стороны, было высказано положительное отношение к поступившим многочисленным предложениям по вопросам организации и деятельности государственных органов. Значительное количество обратившихся просили «более определенно сказать о полномочиях союзных и автономных республик и местных Советов по обеспечению комплексного экономического и социального развития на их территории».

Он принципиально не воспринимал даже малейших попыток обсудить на Пленумах ЦК вопросы национальной политики. Вместе с тем он одобрял попытки отдельных обществоведов, разрабатывающих концепцию формирования в СССР новой общности – советского народа. Однако он высказался против предложений «левацкого» толка, которые в многочисленных письмах были направлены в Москву в процессе обсуждения проекта Конституции в 1977 г. В его выступлении на сессии Верховного Совета СССР в октябре этого года содержится раздел, полный отрицательно осторожных характеристик подобных предложений.

Ю. В. Андропов, как известно, попытался совершить своеобразную переоценку сложившихся к концу 70-х- началу 80-х годов стереотипов в

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 6. М., 1978. С. 525.

² Там же.

большинстве сфер, связанных с реализацией задач социалистического строительства, в том числе и в национальной политике.

Необходимо подчеркнуть, что с последствиями политики партии и правительства в области национально-государственного строительства Ю. В. Андропову пришлось столкнуться в тот период, когда он занимал ответственный пост председателя КГБ при Совете Министров Союза ССР. В частности, ему было поручено встретиться с представителями крымских татар, которые в конце 1966 г. провели в Ташкенте, Чирчике, Самарканде и Фергане массовые митинги. В такой форме представителями этой национальности отмечалось 45-летие Крымской АССР. Несмотря на разгон указанных демонстраций и арест десятков людей, ЦК КПСС вынужден был провести встречу с 20 представителями крымских татар.

На встрече, состоявшейся 21 июня 1967 г. в ЦК КПСС, кроме Ю. В. Андропова приняли участие секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. Георгадзе, генеральный прокурор Р. Руденко, министр внутренних дел Н. Щелоков. С самого начала «переговоров» представители крымских татар поставили вопрос о статусе Ю. В. Андропова на указанной встрече: представляет ли он Политбюро ЦК КПСС либо выступает в качестве Председателя КГБ? Далее произошел следующий диалог: «А разве это не все равно?» – спросил Андропов. «Нет, не все равно, – ответили делегаты. Если вы здесь как представитель Политбюро, мы начинаем высказываться, если же как председатель КГБ, мы покинем зал». «Конечно, – ответил Андропов, я поставлен во главе комиссии как кандидат в члены Политбюро».

Своеобразным итогом состоявшейся встречи стал указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 г., который снимал с крымских татар обвинение в предательстве, на основании которого они были лишены своей автономии в годы Великой Отечественной войны. Представители этой нации были реабилитированы. Однако главный вопрос – о возвращении национально-государственной территории не был решен. Более того, в документе было сказано об «укорененности крымских татар в новых местах проживания», что свидетельствовало о нежелании высших органов руководства страны довести решение вопроса о политической реабилитации крымских татар до логического завершения¹.

Таким образом, в 60–70-е годы прошлого века советское руководство предпринимает попытки несколько перестроить модель национально-государственного устройства страны. Но фактор преобладания идеологических установок в менталитете партийного и государственного руководства страны стал препятствием на этом сложном пути.

¹ Медведев Р. А. Андропов. М., 2006. С. 95–96.

После своего избрания Генеральным секретарем ЦК КПСС Ю. В. Андропов значительно усилил свое внимание к проблемам реализации национальной политики партии и государства. В частности, более сдержанно прозвучали оценки достигнутых итогов в этом направлении на торжественном собрании, посвящённом 60-летию образования Союза ССР.

В своем выступлении Ю. В. Андропов уделил внимание различным проблемам, связанным с теми аспектами национальной политики, которые традиционно оставались в тени при проведении соответствующего анализа. Речь шла о необходимости «тесного и умелого соединения усилий различных регионов и республик в одной и той же стране. Наиболее разумное использование природных и трудовых ресурсов, климатических особенностей каждой республики, наиболее рациональное включение этого потенциала в общесоюзный, – вот что принесет наибольшую выгоду каждому региону, каждой нации и народности, равно как и всему государству»¹.

В этом плане руководитель государства фактически констатировал наличие проблем в вопросах размещения производительных сил региональной специализации и кооперации, развития хозяйственных связей и перевозок. Столь серьезное внимание вопросам развития экономического взаимодействия республик, выраженное Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР на торжественном мероприятии, свидетельствовало о наличии значительных проблем в сфере реализации задач национальной политики государства. Весьма осторожно прозвучали слова о необходимости организации более продуманной транспортной сети многонационального государства.

Ю. В. Андропов отметил в этой связи: «Развитие транспорта, дорожной сети, приближая село к городу, будет в немалой мере способствовать, например, укреплению и кадров на селе. Поможет это, конечно, и решению большой социальной задачи – рациональному и гибкому использованию трудовых ресурсов».² Подобное сравнение свидетельствовало о том, что государственные и партийные органы фактически смирились с происходившим процессом миграции сельского населения в города. Это приводило, в свою очередь, к исчезновению социальной основы функционирования и проявлению основных черт самовыражения этнических общностей. Понятно, что сельская среда обитания в значительной степени способствовала указанному процессу.

С другой стороны, прибывая в город, молодые люди различных национальностей отнюдь не торопились пополнять ряды рабочего класса – социальной опоры советского общества. В этом плане в речи

¹ Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. М., 1983. С. 9–10.

² Там же. С. 10.

Ю. В. Андропова прозвучали тревожные нотки: «Ныне рабочие составляют самую крупную социальную группу во всех союзных республиках. Однако в некоторых из них в составе рабочего класса должна быть более полно представлена коренная национальность. Отсюда и задача... – расширять и улучшать подготовку квалифицированных рабочих из всех проживающих в республиках наций и народностей. Это нужно для развития экономики. Это важно и политически»¹. Речь шла о том, что в многонациональных коллективах «лучше всего воспитывается интернационалистский дух, укрепляются братство и дружба народов СССР».

Было обращено внимание на вопрос о представительстве трудящихся в партийных и государственных органах республик и Союза в целом. Речь, конечно, идет не о каких-то формальных нормах представительства. Арифметический подход к решению таких проблем неуместен. Но нужно последовательно добиваться, чтобы все национальности, которые есть в той или иной республике, были должным образом представлены в различных звеньях партийных и советских органов. Учет деловых и морально-политических качеств, внимание и заботливость, большой такт при подборе и расстановке кадров особенно необходимы в условиях многонационального состава союзных и автономных республик»².

О серьезном анализе проблем в области реализации задач национальной политики свидетельствовали также замечания докладчика о необходимости внимательного отношения к вопросам интернационалистического воспитания советских граждан, углубления и совершенствования всей системы идеологической работы в указанном направлении.

Тон критического подхода начал усиливаться на Пленуме ЦК, посвященном вопросам идеологической работы, который состоялся летом 1983 г. По воспоминаниям А. Бовина, незадолго до своей кончины Ю. В. Андропов просил подготовить развернутую справку по национальному вопросу.

Во второй половине 80-х гг. XX века усилились центробежные тенденции в республиках Советского Союза. Основная проблема, которая вызвала в указанный период разногласия среди руководителей союзных и республиканских органов власти, сводилась к вопросам экономической жизни. С точки зрения идеологической доктрины государственного управления происходила абсолютизация значения интернационального начала, в отдельных случаях дело доходило до отрицания интересов населения национальных республик. Это проявилось, в частности, в подходах к решению вопроса о размещении производительных сил в стране. Многие ре-

¹ Андропов Ю. В. Указ.соч. С. 11.

² Там же. С. 11–12.

гионы и даже целые республики по своей сути превратились по экономической составляющей в монокультурные. Как результат был нанесен большой вред экологии и экономическому потенциалу России, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и других республик.

Нравственные основы бережного отношения человека к земле, среде обитания оказались во многом деформированными. Узбекистан и Таджикистан задыхались от хлопководства, хотя доходы республик от садоводства, по подсчетам специалистов, росли бы в 15–16 раз быстрее, от интенсивного развития культур винограда в 5–6 раз. Правительство Таджикистана неоднократно ставило вопрос о размещении в республике предприятий по переработке хлопка и легкой промышленности, других трудоемких производств, однако поддержки у союзных органов это предложение не находило. До конца 80-х годов 90 % производимого хлопкового волокна в стране вывозилось из среднеазиатских республик. Кроме того, производители хлопка-сырца, занимаясь тяжелым и изнурительным трудом, получали за него мизерную плату. В регионе и на сегодняшний день миллионами исчисляются трудовые ресурсы, не занятые в сфере производства.

Таким образом, регионы неизбежно должны были поднять вопрос регулирования отношений с центром. В частности, причинам нарастания определенных противоречий в развитии экономики Казахской ССР способствовала однобокая структура народного хозяйства союзной республики. В промышленности доля добывающих отраслей здесь была в 1,7 раза выше, чем в целом по стране. По расчетам экономистов, из-за неполной переработки и вывоза исключительно сельскохозяйственного сырья ежегодно терялось чистая продукция на сумму около 1 млрд рублей. Республика продавала государству твердую пшеницу по 8 рублей за тонну, а цена её на международном рынке в тот период составляла 250 долларов.

Больше половины экономического потенциала Казахстана находилось в ведении союзных министерств. Ежегодный вклад их предприятий в республиканский бюджет ограничивался 30 млн рублей, а общая прибыль, которую они получали, составляла 15 млрд рублей.

Положение не изменилось и с объявленной в СССР «перестройкой». Когда наступила полоса, вошедшая в историю как «парад суверенитетов», обнаружилось, что Россия владеет лишь 10 % промышленных предприятий, расположенных на ее территории. На территории Башкирии подобный показатель равнялся всего лишь 3 процентам. Естественно, что в условиях, когда от единого общенародного хозяйственного комплекса осталось, так сказать, только единое экономическое пространство, все республики и регионы стали преследовать, прежде всего, свои собственные интересы. В этом случае многое зависело от четкой программы и содержания деятельности центрального правительства по урегулированию экономической си-

туации в стране. Однако мероприятия центра, как известно, не способствовали стабилизации экономического положения в стране.

Вместе с тем, союзные органы принимали запоздалые, а подчас и ошибочные решения при рассмотрении вопросов, связанных с усилившейся в условиях перестройки тенденцией к росту национального самоопределения. Особенно ярко это проявилось на примере Нагорного Карабаха и Прибалтики. В последнем случае отдельные действия Центра способствовали росту сепаратистских настроений в Латвии, Литве и Эстонии. Как известно, в немалой степени активизации движения за национальную независимость в этих республиках послужили события осени 1988 года. Именно в это время были опубликованы предложения по изменению Конституции Советского Союза.

В проекте Основного закона предлагалось реформировать избирательную систему страны, создать новый высший орган власти – Съезд народных депутатов СССР. Однако в своем стремлении отказаться от наследия Конституций 1936 и 1977 годов авторы конституционных поправок фактически лишили союзные республики одного из важнейших принципов федерации – права выхода из состава СССР. Данная ошибка впоследствии была исправлена, но лидеры национальных движений в прибалтийских республиках получили в свои руки неотразимый аргумент относительно сохранения у Москвы «имперских амбиций».

Когда же центр подталкивался к использованию силы при решении национальных проблем, последствия были разрушительны. Так было в апреле 1989 года в Тбилиси, в январе 1990 года в Баку, в январе 1991 года в Вильнюсе. Подобное развитие событий не могло не вызвать защитной реакции: в отдельных республиках стали поговаривать о необходимости создания сил самообороны. Руководство страны в лице М. С. Горбачева вынуждено было признать: СССР развивался не как федеративное, а как чисто унитарное государство. Начался поиск компромиссных вариантов. С внешней стороны он привел к достижению новоогаревских соглашений. Был дан новый импульс для обновления федерации. В этой связи стали актуальными слова В. И. Ленина о необходимости сохранения за СНК СССР только функций координации усилий республик в сфере обороны и внешней политики. Спустя семь десятилетий вновь вернулись к этой формуле.

Дестабилизации общественно-политической обстановки в стране в немалой степени способствовали непродуманные шаги руководства Центрального комитета КПСС в области кадровой работы. В этой связи стоит напомнить о событиях 1986 г. в городе Алма-Ата. Как известно, после отставки старейшего члена Политбюро ЦК КПСС Д. А. Кунаева руководителем партийной организации Казахстана был избран человек, представлявший (как было принято тогда выражаться) не «титуюльную нацию». Это вы-

звало неадекватную реакцию среди части вузовской молодежи столицы республики. Молодые люди вышли на улицы города, протестуя против решения пленума ЦК Компартии Казахстана. В результате действий правоохранительных органов значительная часть молодых людей была задержана. Не обошлось, к сожалению, без жертв.

В данном случае, представляется очевидным, что руководство Политбюро и лично М. С. Горбачев допустили серьезный стратегический просчет в оценке особенностей кадровой работы партийных организаций в национальных республиках. До этого существовала практика, когда первые секретари партийных организаций в республиках, как правило, представляли этнос, определявший название национально-территориального образования. Очевидно, что в этом проявилось стремление инициатора перестройки отойти от сложившихся и устаревших, на его взгляд, штампов кадровой работы, игнорируя при этом огромный опыт работы партийного аппарата на местах. В этом смысле «казахский инцидент» продемонстрировал нежелание нового руководства учитывать сложный комплекс задач интернационального воспитания населения, где не последнюю роль играло внимательное и чуткое отношение к национальному самосознанию различных народов.

В этой связи вызывает интерес трактовка алма-атинских событий, которая была дана через полгода на заседании Политбюро ЦК КПСС. Генеральный секретарь ЦК КПСС заявил в начале обсуждения: «В алма-атинской истории мы сначала действовали, а потом приступили к глубокому изучению проблемы. Хорошо, что хоть начали изучать. Нужно глубоко, политически оценить, что происходит. Межнациональные отношения – важнейшие из устоев нашей государственности. Если эти устои не выдержат, начнет трещать все остальное. Здесь коренной вопрос»¹. Подобное признание о скоропалительном характере принятого решения сопровождалось традиционным набором общих рассуждений об интернациональной природе советского государства, необходимости борьбы с проявлениями национализма, питательной средой для появления которой, по его словам, являлась интеллигенция в республиках.

Исследуя проблемы, связанные со сменой партийно-советских руководителей в период перестройки, как в Центре, так и на местах, невольно обращаешь внимание на определенную психологическую подоплеку действий М. С. Горбачева в этом направлении. Обратимся к фактам.

¹ Союз можно было сохранить. Белая книга: Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 16.

Одним из авторитетных руководителей партии и государства в сложный период перестройки считался Г. А. Алиев. По мнению отдельных исследователей Гейдара Алиевича прочили преемником председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонова, однако это решение не состоялось.

Когда его отправили на пенсию, на Пленуме ЦК М. С. Горбачев теплыми словами отозвался о нем и его работе. Следует, однако, отметить, что при публикации стенограммы эти слова были вычеркнуты по прямому указанию Генерального секретаря ЦК КПСС.

Несмотря на все попытки первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана А. Н. Муталибова помешать Г. А. Алиеву возвратиться во власть, осенью 1990 г. он был избран народным депутатом Азербайджанской ССР от Нахичеванской АССР. На сессии Верховного Совета Азербайджана бывший член Политбюро выступил против проведения референдума по вопросу сохранения СССР, назначенного союзной властью на 17 марта 1991 г. Объясняя свою позицию, он подчеркнул, что объективные процессы ведут к распаду СССР, к обретению союзными республиками независимости. Можно предположить, что за этими словами современники видели итог мучительных размышлений Г. А. Алиева о событиях в стране, происходивших в этот сложный период. В то же время представляется очевидным, что непродуманная кадровая политика руководителя партии привела авторитетного и сохранившего высокую работоспособность политика в стан оппонентов М. С. Горбачева.

На этом фоне отнюдь не случайными выглядят слова Генерального секретаря ЦК КПСС, сказанные им после обсуждения на заседании Политбюро вопроса об обстановке в Нагорном Карабахе. Михаил Сергеевич в этот день следующим образом выразил собственное отношение в области национальной политики: «Уважительность и принципиальность – вот наш принцип. Пока события не ставят под сомнение ленинские принципы национальной политики. Много идет от всяких этих кунаевых, алиевых, рашидовых. Хотят спровоцировать народ против перестройки»¹. Подобные формулировки не могли не вызвать реакции отторжения у руководителей партийных и государственных органов в союзных и автономных республиках. Более того, они свидетельствовали о своеобразном подходе М. С. Горбачева к вопросам этики и полном отсутствии уважительного отношения к таким категориям, как чувство национального достоинства.

События августа 1991 года, к сожалению, опрокинули последние надежды на возможность сохранения Союза. В результате попытки госу-

¹ Союз можно было сохранить. Белая книга: Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 29.

дарственного переворота, направленного на отстранение М. С. Горбачева, судьба Союза фактически была предопределена. Получили, как известно, государственную независимость Литва, Латвия и Эстония. Во всех остальных бывших союзных республиках прошла полоса провозглашения суверенитета и были избраны свои президенты. Процесс распада союзной государственности окончательно был завершён в декабре 1991 года. Одновременно завершился и советский этап в развитии отечественного федерализма. Не будет преувеличением подчеркнуть, что исчезновение с политической карты Союза ССР в конце XX века вызвало кардинальные изменения геополитического характера.

Последствия межнациональных конфликтов сказываются и сегодня на геополитическом пространстве бывшего Советского Союза. Достаточно напомнить о событиях в Приднестровье, о последствиях карабахской проблемы, конфликтной ситуации в Грузии. Многие специалисты полагают, что события в Узбекистане (проявления исламского терроризма) также являются следствием невнимания властей на протяжении многих десятилетий к проблемам развития ферганской долины, где традиционными являются низкий уровень жизни и ассимиляторская политика руководства Узбекистана по отношению к основной массе населения, считающей родным таджикский язык. В отношении России следует отметить, что за исключением событий недавнего прошлого на территории Чеченской Республики преобладали тенденции слабо выраженного развития конфликтов на межнациональной почве, которые, в конечном счёте, разрешались на основе поиска разумного компромисса.

Как известно, с начала 2000 годов на правовом пространстве нашей страны происходит процесс определенной унификации законодательной базы субъектов государства, уточнения объема хозяйственной самостоятельности регионов. Последнее касается, прежде всего, сферы распределения бюджетных средств, направляемых на места, а также вопросов регулирования сбора налогов с учетом взаимоотношений «Центр–регионы». Проблемы укрепления федеративных основ российской государственности стали одной из основных составляющих Послания Президента России Д. А. Медведева Федеральному Собранию 5 ноября 2008 года. Руководитель государства, в частности, подчеркнул необходимость уточнить перечень «имущества, необходимого для федерального, регионального уровня, для того, чтобы полноценно исполнять свои функции. Считаю, что надо вернуться к этому вопросу, и, наконец, определиться, сколько и какого имущества надо регионам»¹.

¹ Российская газета. 2008. 6 ноября.

Государственная политика в сфере укрепления федеративных основ России в этом смысле должна исходить из строгого учета фактора многонационального состава населения нашей страны. Особое значение приобретает, при этом, внимательное прочтение и изучение отечественного и зарубежного опыта развития федеративного государства, в том числе и вопросов управленческого характера.

В контексте определения перспектив дальнейшего развития России особое внимание следует уделить анализу проблемы «Будущее России и правовое государство». Ведь Россия в начале XXI в., как и в прежние времена, опять оказалась на перепутье, когда общественно-политическую мысль довольно остро волнует проблема выбора между двумя направлениями развития. Великий спор, начатый еще славянофилами и западниками в далекие времена, сегодня продолжается в новых условиях. Хотя сегодня себя никто славянофилами или западниками не называет, но, несмотря на это, явно выделяются сторонники традиционализма и модернизации российского общества. Отсюда появились как сторонники, так и противники и идей правового государства.

В частности, сторонники традиционализма выдвинули так называемый цивилизационный код России, который расшифровывается ими как духовно нравственное наследие русского народа, и он должен определять основу общественно-политического строя и в современной России. Ко всему этому традиционалисты добавляют, что если Россия отойдет от духовно-нравственного наследия русского народа, примет ценности западной демократии прав и свобод человека, то она разрушится, потеряет свою целостность и единство. При этом во главе современного традиционализма находится Русская Православная Церковь. К ней тесно примыкают некоторые общественно политические движения, отдельные ученые и представители действующей власти.

Сторонники модернизации общественно-политического строя России также считают, что духовно-нравственное начало должно лежать в основе организации и деятельности любого государства. Но духовно-нравственное начало и духовно-нравственное наследие русского народа, по их мнению, – это не одно и то же. Духовно-нравственное наследие русского народа, как известно, сводится к «православию, соборности, державности», а духовно-нравственное начало в русле модернизации современного российского общественно-политического строя – к общечеловеческим ценностям, то есть к правовому гражданскому обществу, уважительному отношению к естественным правам и свободам человека, верховенству права в обществе, законности и правопорядку.

Сторонники модернизации общественно-политического строя считают, что ориентация исключительно на духовно-нравственное наследие

русского народа становится сильнейшим тормозом на пути развития России к свободной экономике, рыночным отношениям, восприятию институтов демократии, что особенно заметно в условиях развития процессов глобализации, международной интеграции. В результате капитал зачастую бежит из России, состоятельные люди уезжают на Запад, а богатая природными и энергетическими ресурсами Россия пребывает в роли сырьевого придатка технологически развитых стран, а значительная доля россиян находится за чертой бедности. Не переосмыслив веками сложившуюся основу организации общественной жизни в России просто невозможно выйти из исторически затянувшегося кризиса.

Современная Россия в условиях интеграции в глобальное пространство, как и многие другие государства, стоит перед необходимостью переосмысления культивируемых в мире ценностей. Прежде всего ценностей, связанных с идеей правового государства, реализация которой в России очень важна и в плане ее интегрирования в мировое сообщество.

Нашедший в достаточно широких научных кругах свое утверждение тезис об особом пути исторического развития России в контексте общих тенденций, определяющих современное геополитическое состояние, частью которых является и процесс глобализации, порождает ряд знаковых вопросов.

Высказываются мнения, что решение проблемы современного правового регулирования общественных отношений в нашей стране вряд ли может быть достигнуто без учета исторически сложившихся особенностей российской ментальности¹. Правовые нормы бессильны, если они не опираются на национальную культуру, на ее идеалы, святыни, верование. Российское общество всегда строилось на воспитании в человеке прежде всего твердого сознания своих религиозных, гражданских и семейных обязанностей. Философия права в России утверждала, что исправление правовых пороков возможно лишь на путях духовного очищения.

Вместе с тем возвышение религиозно-нравственного начала при игнорировании и даже принижении роли правового может оказывать обратно пропорциональное воздействие, способствуя развитию нигилистических настроений в правовом понимании, что имеет негативные последствия для стабильного функционирования социального организма.

Слабое понимание значимости права для социального бытия, пренебрежительное отношение к государственному закону характеризовало почти всю русскую общественную мысль вплоть до середины XIX века. Сла-

¹ Павкин Л. М. Проблема правового регулирования общественных отношений и российская ментальность // Право и культура: проблемы взаимосвязи. Ростов-на-Дону, 1996. С. 52.

вянофилы А. С. Хомяков и И. В. Киреевский были убеждены в невозможности регулирования общественных отношений в России на основе формального права. Ключевым понятием для славянофилов было понятие «соборности» как органическом единстве христиан на основе православия как истинной веры, основанное на христианских принципах любви и братства. Из того, что в ожидаемом Царствии Божием не будет юриспруденции, делался вывод, что и в земных условиях на нее не следует обращать особого внимания.

Но очевидно, что все человеческое общество не может находиться в таком общении: «Необходимо раз и навсегда понять и убедиться, что общественная жизнь невозможна вне порядка, т. е. вне устойчивой правовой организации; что разрушить эту организацию легко, а создавать трудно. Тяготение к порядку и организации подсказывается народу чувством самосохранения, ибо можно с уверенностью сказать, что народ, оказавшийся без организованного порядка, или создаст его, или погибнет», – так писал великий русский философ И. А. Ильин¹.

Думается, что взгляд о приоритете религиозно-нравственных идеалов над правовыми установлениями в процессе социального регулирования не имеет сколько-нибудь серьезных оснований, ибо христианство предъявило обществу требования, поднимающие его пока на недостижимую высоту, а потому следует признать, что на сегодняшний день правосудие является наиболее универсальным, эффективным и целесообразным регулятором общественных отношений, необходимым для обеспечения жизнеспособности общества.

Построение правового государства возможно обеспечить лишь посредством признания закона неоспоримой ценностью, в том числе и с религиозной точки зрения: «...подлинная религиозность может отрицать известное правовое содержание или известный способ правовой организации, но не может отрицать само право в его принципе, не впадая в недоразумение. Право есть необходимая форма духовного бытия человека», а потому «религия, отвергающая положительное право и государство, или сознательно отворачивается от эмпирической жизни человека, или бессознательно упускает из вида объективные свойства этой жизни, самого человека и государства»².

Общепринято полагать, что российскому менталитету в определенном смысле не хватает западного рационально-рассудочного отношения к закону. Попытки искусственной дополнительной легитимации права скорее подрывают авторитет права. И очень важно воспитание в человека

¹ Ильин И. А. О сущности правосознания. М., 1993. С.212.

² Там же. С. 223–224.

определенного уровня правового сознания с позиции признания права самостоятельной ценности. Безусловно, право не может поддерживаться лишь принуждением, запретами, силой. Но право, как компонент культуры, естественным образом синкретизируется с ее нравственными, религиозными, эстетическими элементами, тем самым выступая в тесной связи с образом жизни того или иного народа.

Важно отметить, что идеи правового государства сегодня нужно отнести к числу исторически выстраданных, появившихся на основе обобщения недостатков, действовавших и действующих в мире до сих пор, государств.

Между тем повышение роли и значения права в организации общественной жизни должно привести к действительному установлению верховенства права над остальными ценностями. По существу, право и политика поменяются местами: вместо сегодняшнего реального верховенства политики должно утвердиться конституционно-закрепленное верховенство права. Верховенство права в общественной жизни должно привести к существенному переосмыслению не только роли и значения права в обществе, но и способствовать формированию адекватного современным требованиям правосознания.

Проблема замены права силы на силу права впервые в России была выдвинута великим русским философом В. С. Соловьевым. Еще в XIX в. он писал, что Россия должна отказаться от «права силы» и поверить в «силу права», чтобы иметь прочный успех во всех делах: и внешних и внутренних¹.

Если касаться сути проблемы, поставленной В. С. Соловьевым, то, по существу, здесь речь идет не только об идеях верховенства в обществе права, но и об идеях правового государства. Правда, В. С. Соловьев прямо не ведет разговора о правовом государстве, но схема перехода от права силы к силе права, говоря иначе, есть не что иное, как переход к условиям правового государства.

Эти мысли В. С. Соловьева в начале XX в. были подхвачены многими другими представителями российской общественности именно в плане формирования здесь правового государства. Усилиями С. Ю. Витте, И. А. Ильина, Л. И. Петражицкого, Е. Н. Трубецкого, С. А. Котляревского, А. Ф. Кони, Б. А. Кистяковского, С. Л. Франка и некоторых других идеи правового государства были внедрены в общественно-правовое сознание россиян. Так, один из ближайших соратников П. Б. Струве, участник сборника «Вехи» А. С. Изгоев в 1910 г. даже писал: «Неортодоксальные марк-

¹Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соб. соч. в 2 томах. Т. 2. М., 1988. С. 24.

систы не делали себе кумира из пролетариата, а добросовестно искали те социальные силы, которые способны были бы перевести Россию в разряд правовых государств... Если же этот переход не удастся, если Россия не сможет превратиться в свободное правовое государство, гибель неизбежна»¹.

Однако дальнейшему развитию идеи правового государства и особенно постепенному и последовательному претворению этих идей в практику государственного строительства России помешала Октябрьская социалистическая революция 1917 г., после победы которой большевики официально объявили идеи правового государства буржуазными и буквально запретили использовать эти идеи на практике.

Что же касается природы и цели социалистического государства советского периода, то оно (государство) в это время полностью опиралось на право силы, даже гораздо больше, чем российское государство во времена В. С. Соловьева.

Однако общественно-политическое, духовно-нравственное состояние России начала XX в. было очень серьезно раскритиковано большевистской пропагандой, что и не позволяло долгое время объективно оценить этот период. Поэтому переход в России от права силы к силе права затянулся.

Чтобы в сегодняшних российских реалиях произошел такой переход, необходимы существенные изменения в общественном сознании: прежде всего, право должно занять в нем ведущее место. В общественном сознании продолжает верховодить политика, причем политика силового давления власти на общество, на личность.

В Конституции 1993 г. Россия однозначно позиционировала себя правовым государством. Но в вопросах определения роли и места государства в обществе Россия в большей степени остается приверженцем гипертрофированной роли государства в ущерб развитию гражданского общества. А пока государство не будет функционировать как учреждаемая гражданским обществом политическая власть, не будет служить этому обществу, считать своей первейшей задачей охрану прав и свобод членов гражданского общества, нормальное, безопасное во всех отношениях, реализовать идею правового государства в полной мере не представится возможным.

По справедливому утверждению С. С. Алексеева, «смысл права во многом как раз и состоит в том, чтобы реализовать предназначение цивилизации – обеспечить самоценность жизни человека, свободу людей и ис-

¹Блехер Л., Любарский Г. Главный русский спор. М., 2003. С. 19.

ключить из жизни людей хаос произвола, насилия, в современных условиях – “право силы”»¹.

Любая государственная власть должна определиться в тех принципах и ценностях, на которые она опирается и ставит во главу угла в своей повседневной жизнедеятельности.

В тех зарубежных странах, где правовое государство в значительной мере является реальностью, под правовым государством понимают государство, учреждаемое гражданским обществом и контролируемое им же или его представительным органом (парламентом). Как показывает эта же зарубежная практика, правовое государство учреждается гражданским обществом, ограничивается в своей деятельности конституцией, исходящей от гражданского же общества. В таких правовых государствах парламент является подлинным представительным органом гражданского общества, и он от имени народа контролирует деятельность государственной власти.

Проблемы подлинного правового государства – это, по существу, проблемы взаимоотношения общества и действующей государственной власти. Как показывает прогрессивная мировая практика, эффективна именно та государственная власть, которая осуществляет свою деятельность в полном согласии со своими гражданами.

Поэтому в первую очередь важно выработать механизмы возвышения парламента страны, представительного органа народа, до уровня верховной власти по отношению ко всем другим ветвям власти. Соответственно такому пониманию конституционализма необходимо внести изменения в действующую Конституцию Российской Федерации.

Необходимо, чтобы сама действующая на сегодня государственная власть Российской Федерации пришла к мысли о необходимости существенных преобразований в государственно-правовой сфере. Другими словами, в первую очередь, необходима соответствующая политическая воля, исходящая от всех ветвей действующей власти.

Направления такого переосмысления должны коснуться, в первую очередь, позиций Конституции, определяющих реализуемость на практике, в основном ее первых трех статей, в частности, ст. 3, где многонациональный народ России признан единственным источником власти и носителем суверенитета. Это положение, реализованное во многих развитых странах мира, в России все еще носит декларативный характер. Остается непонятным для многих и нереализованным положение ст. 2 Конституции России о том, что права и свободы человека являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита их – обязанностью государства. Действующее в России государство пока еще такой обязанностью вовсе не

¹Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия. М., 2000. С. 196.

обременено. Во всяком случае, «загруженность» такой обязанностью со стороны действующего Российского государства не чувствуется на практике. Поскольку не реализованы ст.ст. 2 и 3, не работает и ст. 1 Конституции России. По данным социологического опроса, лишь один из десяти россиян более или менее знает о том, что Россия в соответствии со своей Конституцией есть демократическое федеративное правовое государство.

Важно, чтобы и в России заработал принцип разделения властей, в основе которого лежит система сдержек и противовесов. Требуется переосмысления и вопрос о перераспределении полномочий между отдельными ветвями власти в пользу усиления позиций парламента. Необходимо учитывать исторические реалии, в которых была принята действующая Конституция (после победы Президента в жесткой борьбе с Верховным Советом). В этих условиях избежать верховенства полномочий Президента над будущим Парламентом не удалось. Поэтому уже сегодня необходимо переосмыслить все статьи Конституции, определяющие полномочия Президента страны.

Развитие конституционализма предполагает прежде всего ограничение государственной власти обществом. В этом смысле важно прийти к таковой конструкции государственной власти, где определяющим станет идея верховенства парламента (Федерального собрания). Наши граждане должны понимать и чувствовать, что в стране верховная власть принадлежит народу и его представительному органу. Без этой уверенности и не чувствуя верховенства парламента во всей общественной жизни, вряд ли мы выйдем на уровень требований демократических институтов. Все это требует изменения соответствующих статей действующей Конституции Российской Федерации.

В теоретическом плане необходимо полностью переосмыслить наши представления о взаимоотношении между обществом и государством. Наша отечественная государственно-правовая наука, по большому счету, до сих пор основывается на концепции Гегеля. В соответствии с ней государство – это все, а остальное, включая и гражданское общество, вторично по отношению к государству, производно от него. Мы, как правило, не обращаем внимания на то, что концепция Гегеля о схеме общественно-государственного устройства не получила востребованности в мировом масштабе. Развитые страны (перечисленные выше) в свое время ориентировались и продолжают ориентироваться на теорию Д. Локка. По Д. Локку, приоритетом по отношению к государству пользуется гражданское общество, а государство – это институт гражданского общества. Общественно-политические события, происходившие в мире за последние 20–30 лет, полностью подтверждают правоту теории Д. Локка.

ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В современных условиях происходят процессы ускоренного развития интеграционных процессов, между странами учащаются межличностные контакты. Отдельные исследователи, ссылаясь на пример Европейского сообщества, подчеркивают неизбежность создания межнациональных парламентов, правительств на глобальном уровне. Необходимо, в этой связи, отметить сложность процессов развития многонациональных государств на фоне геополитических изменений конца XX века.

Речь идет о серьезных политических последствиях, связанных с трансформацией государственно-правового режима в странах Восточной Европы. Говоря о последовавшем распаде СССР, необходимо отметить не только факт правовых (особенно в сфере международных отношений) последствий указанного события. Следует напомнить также о том, что Советский Союз, Югославия и ЧССР в свое время символизировали торжество принципов социалистического федеративного государства. В этом смысле возникает вопрос о возможной предопределенности разрушения государства, в основу которого были заложены принципы социалистического подхода к строительству федеративного государства. Подобный тезис получил широкое распространение в связи с констатацией причин распада союзной государственности, когда фактор усиления сепаратистских тенденций в ряде республик СССР сыграл, во многом, определяющую роль. Анализ непосредственно причин указанного процесса распада следует, на наш взгляд, начинать с внимательного рассмотрения особенностей исторического развития отдельных многонациональных государств.

Как подчеркивал китайский исследователь ЧжаоЧанцин, «особенность федерации, построенной по национальному признаку, состоит в том, что субъекты федерации, т. е. союзные республики, кроме внешних сношений и обороны, в основном располагали органами управления, которыми обладают независимые государства. Кроме того, в них сформировалось руководство, в котором доминирующее положение занимала местная национальность и это уже стало установившейся практикой, к тому же закрепленной законодательно. У основных наций в субъектах Союза сформировалось такое понимание, что находящееся под их управлением территориальное образование является «собственным» государством данной титульной нации, и что прочие проживающие там национальности считаются пришедшими извне, в силу чего титульная нация всячески старалась усилить свое положение в данном субъекте Союза. ... В то же время в деле отвоевания независимости титульные нации, занимавшие доминирующее положение в руководстве республик, всегда играли организационную и

направляющую роль, и это весьма отчетливо видно на примере руководящих деятелей некоторых союзных республик в момент распада Советского Союза»¹.

Любопытно, как китайский исследователь провел определенную историческую реконструкцию указанного процесса. Он утверждает: «в свое время, когда создавался Советский Союз, и его система федерации явилась продуктом определенных обстоятельств, еще не была столь очевидной вся односторонность систем подобного рода формы федерации, которые крайне легко приводят к национальным конфликтам на почве миграции населения, употребления языков, использования кадров и, что гораздо важнее, эта форма нередко порождала сепаратизм. Этот вид федерации объективно ведет к постоянному усилению самосознания титульных наций, в результате чего проживавшие в том или ином субъекте федерации граждане различной национальной принадлежности по-настоящему не могли пользоваться равными правами. Советский Союз смог просуществовать более 70 лет главным образом благодаря объединяющей роли единой компартии. Но это обстоятельство не оставалось неизменным. В горбачевские времена создалась такая ситуация, когда распад стал реальностью. Тогда почему же союзные республики смогли стать независимыми, а другие национальные автономии не смогли? Ответ заключен в Конституции Советского Союза. Согласно этой конституции, союзные республики – это «субъекты Союза», они обладают суверенитетом, могут свободно осуществлять отделение, в то время как у автономных национальных образований такого права нет. Советская конституция наделяла союзные республики такой степенью свободы, которой не обладают даже штаты США. Воспользовавшись предоставленным им правом, союзные республики свободно и законно, без какого-либо вмешательства со стороны международного сообщества, осуществили сецессию»².

Полагаем, что подобные рассуждения основываются на определенной переоценке содержания и смысла соответствующих норм конституционных основ функционирования советской федерации. Известно, что соответствующие статьи конституций 1936 и 1977 годов, где было сформулировано положение о праве союзных республик на выход из состава СССР, носили декларативный характер. К тому же, отсутствовал соответствующий механизм, определявший порядок подобного выхода. Как известно, закон о процедуре так называемой сецессии был принят фактически незадолго до распада Советского Союза. Однако в этот период в стране отчет-

¹ Чжао Чанцин. Распад Советского Союза под национальным углом зрения // Новая и Новейшая история. 2004. № 3. С. 94–95.

² Там же. С. 95.

ливо преобладала тенденция, когда отдельные союзные республики в лице региональных парламентов (Латвия, Литва, Эстония) фактически принимали решения в противовес законодательной политике Верховного Совета Союза ССР.

С одной стороны, не соответствует действительности вывод автора об ограниченной юрисдикции органов власти на уровне штатов в США. Существующая система явно свидетельствует о сохранении значительных полномочий властей штатов в стране, где с первых шагов строительства государства был достигнут компромисс между сторонниками сильной власти центра (федералистами) и сохранением обширных полномочий структур управления на уровне штатов (демократы). В США до сих пор продолжают существовать значительные различия в уголовном, гражданско-правовом законодательстве на уровне штатов, нет единого подхода в судебной практике толкования отдельных норм применительно к правам и свободам граждан.

С другой стороны, мы можем согласиться с утверждением китайского автора о том, что подобные процессы происходили также в Югославии и Чехословакии. Однако рассуждения исследователя о последующих событиях вызывают, по меньшей мере, удивление. В частности, он утверждает: «когда в Боснии началась гражданская война, это вызвало противодействие международного сообщества. Для этого было основание, заключающееся в том, что участники военного конфликта не являлись субъектами федерации. Западные страны использовали военную силу, чтобы гарантировать единство Боснии как субъекта федерации»¹. Дальнейший ход подобного рассмотрения проблемы приводит к аналогиям, которые противоречат объективной стороне событий. Он утверждает буквально следующее: «автономные республики татар и чеченцев бывшего Советского Союза пытались получить независимость, но при распаде Советского Союза они не смогли стать независимыми, поскольку не являлись субъектами Союза, хотя Татарстан по численности населения и развитию экономики уже превосходил некоторые государства бывшего СССР, ставшие независимыми»². Вполне логичной выглядит заключительная часть рассуждений ЧжаоЧанцина: «поэтому, углубляясь в выяснение причин распада Советского Союза, мы должны учитывать и то, насколько система федерации, построенная на основе национального признака, способна сохранить единство многонационального государства... Именно по той причине, что в федеративных системах, построенных по национальному признаку, таятся отмеченные недостатки, новые независимые государства не прибегают к

¹ Чжао Чанцин. Указ.соч. С. 95.

² Там же.

подобным государственным системам. В силу исторических причин не имевшая возможности изменить эту систему Российская Федерация также при помощи конституционных и других законодательных установлений старается преодолеть слабые стороны федеративной системы, построенной по национальному признаку, усилить «целостность Российской Федерации», «равноправие граждан», редуцировать самосознание национальностей, укрепить гражданское самосознание, дабы сохранить единство государства». Заключительная фраза звучит мощным аккордом и одновременно перечеркивает весь смысл статьи: «это, с другой стороны, показывает, что в вопросе сохранения государственного единства внутреннее устройство государства также может играть определенную роль»¹.

Что касается замечания китайского исследователя о Боснии, то оно противоречит апробированному тезису большинства американских авторов. Стивен Хук и Джон Спаниер в своей книге «Американская внешняя политика после Второй мировой войны», выдержавшей 15 изданий, воспроизводят следующую схему событий на Балканах в 90-ые годы прошлого века. Они исходят из первоначального тезиса, согласно которому стремительный распад Югославии «является устрашающим примером того, как исчезновение жестких ограничений «холодной войны» способно развязать стихию межнациональных столкновений»². Далее проводится подробный анализ действий американской администрации по решению первоначально боснийского, а затем косовского конфликтов. Как известно, американцы прибегли к использованию вооруженных сил, подталкивая к этому своих европейских союзников по НАТО. Эти страны отнюдь не спешили определить свою позицию в указанном вопросе. Как отмечают упомянутые исследователи: «война в Боснии обнажила серьезные недостатки системы коллективной безопасности, которая должна была гарантировать мир в период после «холодной войны». Европейский Союз, который в тот период создавал совместную политику внешнеполитической деятельности и безопасности, оказался бессильным перед происходящими событиями»³. В заключение был сделан вывод, который никоим образом не отражает озабоченности западных государств по поводу прекращения статуса Боснии как члена федерации. Звучит в контексте прямо противоположная мысль: представляется сомнительным, что навязанный внешними силами мир может послужить основой для долгосрочного примирения⁴.

¹ Чжао Чанцин. Указ. соч. С. 95.

² Steven W. Hook and John Spanier. American Foreign Policy since World War II. Washington. 2000. p. 331.

³ Op. cit., p. 337.

⁴ Op. cit., p. 331–337.

Любопытно, что несколько иначе рассматривали проблему исследователи, наблюдавшие за происходившими процессами, так сказать, «изнутри». Один из бывших руководителей Союза коммунистов Югославии М. Джилас подчеркнул, что главы республик утратили свои социалистические убеждения, склонившись в большинстве своем к национализму. Это привело, в свою очередь, к «неприкрытой монопольной власти национальных бюрократий», «бесправию граждан и вовлечению народов во вражду». Как результат, отмечает М. Джилас: «Насилие, в которое вылились межнациональные конфликты, существенно замедлило процесс демократизации в республиках, вставших на путь независимого государственного развития»¹.

Применительно к анализу истории социалистических стран переход к взвешенной и объективной оценке происходивших изменений в области национально-государственного строительства произошел относительно недавно. В частности, в современной литературе начался процесс пересмотра оценок относительно решения важнейшего для Чехословакии национального вопроса. Для исследователей в этом плане дилемму представлял лишь один вопрос: почему из многонациональной страны, которая получила государственную независимость в 1945 г., Чехословакия после 1948 г. превратилась в двунациональное (фактически унитарное) государство. Впоследствии в 1969 году происходит его трансформация в федеративное государство, а с 1 января 1993 г. Чехословакия перестает существовать как государственное целое, распавшись на независимые Чешскую и Словацкую республики.

Как показывают события последнего десятилетия в отношении требования о праве наций на самоопределение произошел своеобразный ренессанс. События вокруг Косово показали избирательное отношение западных государств к требованию реализации права этнических групп на формирование самостоятельного государства. В данном случае было продемонстрировано полное безразличие к интересам сербского населения. Когда же стал вопрос о государственном самоопределении населения крымского полуострова, государства, позиционирующие себя в качестве «цитадели демократии», объявили себя сторонниками сохранения государственной целостности Украины. Характерно, что буквально за считанные недели до этого их представители приложили немалые усилия по дестабилизации общественно-политической ситуации в этой, четвертой по площади территории, стране в Европе. Более того, в результате этих усилий был вынужден уйти в отставку законно избранный президент Украины.

¹ Яжборовская И. С. Трансформация Восточной Европы в конце XX века // Вопросы истории. 2007. № 6. С. 31.

Движения за реализацию права на определение своей судьбы в европейских странах сегодня приобретает различные формы. В Италии уже несколько десятилетий действует Северная Лига за независимость Падании (итал. Lega Nord per l'Indipendenza della Padania) – итальянская политическая партия, которая выступает за предоставление северным итальянским провинциям независимости и образование самостоятельного государства Падания со столицей в Милане.

Политической опорой движения являются национализм и консерватизм. «Лига Севера» представляет собой партию консервативную в социальной жизни и в то же время либеральную в вопросах экономики, опирающуюся, прежде всего, на средний класс. Лига выступала против введения европейской конституции, опираясь на поддержку 2/3 итальянцев, недовольных евро. Представлявший в кабинете министров «Лигу» Роберто Кальдероли назвал вхождение Италии в еврозону ошибкой. По опросу газеты Corriere della Sera, избиратель «Лиги» – это представитель мелкой буржуазии, голосовавший за движение, руководствуясь исключительно из прагматических интересов, а не из идейных побуждений.

«Лига Севера» была создана в 1980 году. Задачей партии была провозглашена необходимость федерализации Италии с преимущественным статусом северных областей. В 90-е годы наиболее радикальная часть «Лиги Севера» поставила вопрос об отделении части регионов, с населением около 30 млн человек, и провозглашении независимой Падании со столицей в Милане.

Движение в известной степени эксплуатирует наличие культурно-исторических отличий северян, придерживающихся кельто-германской традиций, от южан-романцев. Поэтому основным положением «Лиги Севера» стало требование «трудолюбивых» жителей Севера не содержать «ленивых» южан. В данном случае в единой Италии у жителей Ломбардии, Тосканы, Венеции вызывает беспокойство бюджетная политика центра, которая едина для всех регионов. Бюджетники получают одинаково и в Лигурии, и на Сицилии, хотя первая, более экономически развитая, направляет в государственный бюджет гораздо больше средств, к тому же потребительская корзина расходов у северян на 50 % больше. В глазах жителей северных территорий сложилось расхожее представление: одна часть итальянцев зарабатывает деньги, а другая их получает, как студенты стипендию.

Поэтому неслучайно в избирательной кампании «Лиги Севера» появился лозунг «стипендиатство»: «Почему квалифицированный рабочий Милана, платя высокие налоги, должен содержать безработного на Сардинии? Почему Турин и Венеция перечисляют в бюджет огромные суммы не

для своих сограждан, а для сицилийского крестьянина, безграмотного и заведомо убыточного для экономики?»¹.

У лидеров партии появился один ответ: «Диктатура Рима». Согласно указанной позиции, во всем виноваты римские чиновники, которые стараются решать экономические проблемы бедных регионов за счет перевода средств из экономически развитых областей. К тому же, утверждает руководство партии, в конституции нет ни одной статьи, направленной на защиту прав регионов. И как может правительство решать проблемы северных земель, когда более двух третей высокопоставленных чиновников родом из Рима.

«Лига Севера» предложила реформу, согласно которой Италия должна была превратиться в федеративное государство, где вопросы здравоохранения, образования, безопасности и частично налогообложения на местах передавались бы в ведение 22-х регионов.

«Лига Севера» также выступает за ужесточение иммиграционного законодательства, доходящей до высылки нежелательных иммигрантов. Союзниками «Лиги» в этом вопросе стали не только партии коалиционного правительства Берлускони («Вперед, Италия» и Национальный альянс), но и избиратели Северной и Центральной Италии, к традиционной ксенофобии которых по отношению к неаполитанцам и сицилийцам добавился за последние годы страх перед беженцами из арабских стран и гастарбайтерами из Молдавии, Албании и других стран Восточной Европы.

Получив портфели в правительстве Берлускони, «Лига Севера» изменила тактику борьбы: сепаратистские лозунги сменились требованиями федерализма. По мнению аналитиков, большинство итальянцев, голосовавших за «Лигу Севера», не выступали за разрыв с Римом, а требовали лишь уступок со стороны Центра.

На выборах в 2006 году руководство партии наряду с лозунгами о «решительной битве с диктатурой Рима», «за свободу и самоопределение», пообещало создать в случае победы новые рабочие места, ограничить иммиграцию, возродить «истинно итальянские ценности – семью и церковь». Наряду с этим выдвигались предложения легализовать проституцию, предусмотреть в уголовном праве кастрацию осужденных за изнасилование, проводить лицензирование мечетей. Было выдвинуто предложение разрешить патрульным катерам открывать огонь по судам, на борту которых находятся незаконные иммигранты, пытающиеся проникнуть на территорию Италии. Понятно, что летом–осенью 2015 года, когда на Италию с моря хлынул поток иммигрантов, многие коренные жители Апеннин в глубине души присоединились бы к этим предложениям.

¹URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>.

Сегодня в странах, где проблемы развития отдельных национальных территорий связаны с крупными по своим размерам административными образованиями происходят определенные изменения. В качестве примера сошлемся на так называемый «каталонский план».

Средства массовой информации сообщали о том, что жители этой территории Испании выдвигают следующие требования: считать каталонцев нацией, высшие судебные полномочия делегировать верховному Суду Каталонии, предоставить провинции широкие налоговые полномочия, предписать для чиновников говорить по-каталонски.

За этими событиями внимательно наблюдают жители провинции Басков, Андалузии. Премьер-министр Испании Запатеро заявил, что предложения каталонцев в нынешнем виде неприемлемы. Представители провинции заявили о том, чтобы их территория удерживала 90% налоговых сборов, Мадрид же предлагает в виде компромисса 50 %. В отношении формулы «нация» Запатеро предложил более приемлемое на его взгляд определение «национальная идентичность»¹.

В современных условиях, когда процессы глобализации, казалось бы, охватили все сферы общественного развития, вызывает определенную реакцию, в чем-то схожую с удивлением, такое явление, как оживление национальных чувств, получающее оформление в форме требования о национальном самоопределении. В качестве примера сошлемся на события лета 2014 г., когда все Соединенное Королевство готовилось к референдуму, намеченному на начало сентября. На повестке дня стоял вопрос о возможности выхода Шотландии из состава Великобритании. Вполне очевидно, что общественность бурно обсуждала перспективы возможного исхода голосования и возможности противоборствующих сторон. Активное участие в подобных дискуссиях приняла и британская пресса. В 2014 году для нее фактически не было летних каникул. Естественно, что особый накал дискуссий стал приобретать к августу, когда уже стала не столь очевидной потребность скрывать свои политические пристрастия в подходе к столь актуальному вопросу.

Британская «Гардиан» писала 22 августа 2014 г., что уже свыше 1 миллиона избирателей подписало декларацию в пользу независимости Шотландии. Начало этой кампании было положено в мае 2012 г., когда первый министр Алекс Сэлмонд объявил об учреждении движения «Да, Шотландия». Тогда же он выразил уверенность, что если цифра в 1 млн сторонников будет достигнута до проведения референдума, станет очевидно, что Шотландия обретет независимость.

¹«The Economist». 2006. January 14th - 20th. p.32.

Сторонники независимости высказывали столь твердое убеждение, исходя из следующих расчетов. Примерное число жителей Шотландии, имеющих права голоса, насчитывало 4,2 млн человек. А. Сэлмонд и другие высказали твердую уверенность в том, что на референдум придут не менее 80 % избирателей. В своих подсчетах они пошли еще дальше и привели следующую цифру 3,6 млн человек, которые и будут составлять эти заветные 80 % голосующих. Таким образом, движению «Да, Шотландия» необходимо было набрать еще 1 млн голосов своих сторонников, чтобы 18 сентября 2014 года склонить чашу весов в пользу сторонников независимости. Исходя из материалов, опубликованных в статье, складывается впечатление, что это вопрос всего лишь нескольких дней¹.

Лидер движения «Да, Шотландия» Блэр Дженкинс подтвердил, что все 1 001 186 собранных подписей были проверены по электоральному регистру. Ранее высказывались опасения, что многие будут подписываться по несколько раз или под вымышленными именами. Б. Дженкинс заявил: «Мы проверяли и перепроверяли все подписи и потому уверены в их аутентичности». К тому же он был готов предоставить материалы третьей стороне для независимой экспертизы.

Дженкинс также отметил, что «мы делаем больший акцент на позитивных моментах независимости, но также должны отдавать себе ясный отчет о негативных последствиях для нашего населения ответных мер со стороны Вестминстера и о реальных угрозах, особенно в сфере общественных услуг, которые будут предприняты в плане резкого урезания бюджетных расходов»².

Однако газета пишет о том, что готовы в любой момент к словесным баталиям были и противники возможного отделения «страны гор». Бывший премьер-министр Великобритании Гордон Браун, выступая в Глазго, призвал избирателей «подумать дважды», прежде чем сказать «да». При этом он предупредил аудиторию, что доходы от экспорта нефти составят лишь небольшую часть экономического благосостояния Шотландии в случае, если она выйдет из состава Соединенного Королевства.

К тому же Браун напомнил о том, что жители Шотландии, как и других регионов Соединенного Королевства, все еще пользуются преимуществами британской системы здравоохранения, общепризнанного лидера в мире в этой сфере общественных услуг. В случае отделения – и этот факт признает руководство Шотландской национальной партии – местным властям придется изыскивать более 900 млн фунтов стерлингов, чтобы удержаться на прежнем уровне медицинского обслуживания. Неудивительно,

¹The Guardian. 2014. 22 August.

²Там же.

что вопросы здравоохранения приобрели за последние недели лета 2014 г. политическую окраску.

В конце своего выступления, обращаясь к аудитории, где находился и лидер шотландских лейбористов Д. Ламон, Гордон Браун задал риторический вопрос: «Почему мы должны отбросить все это, если можно истратить деньги здесь в Шотландии так, как мы хотим?»¹. Очевидно, что последние слова заставили задуматься всех, кто внимательно слушал человека, который почти десятилетие возглавлял финансовое ведомство страны, и как никто другой знал истинное положение дел в этой сфере. Главное, что можно было отнести к результативной части выступления Брауна, он заставил сомневаться слушателей в отдельных вопросах, в том числе и в вопросах экономического благополучия Шотландии в случае возможного выхода из состава Великобритании.

Но бывший премьер решил идти дальше и не ограничиваться словесными баталиями. 12 сентября 2014 года, за 5 дней до намеченного референдума, в газетах была опубликована его статья под броским заголовком «Судьбоносный момент для Шотландии». Статья носила характер своеобразного теоретического эссе. В самом начале автор заявляет, что вся Британия должна ответить на отчетливое требование конституционных изменений. Поэтому Браун подготовил соответствующий пакет предложений будущему (более сильному) составу шотландского парламента. Однако сторонники независимости проводят дискуссии, исходя из новой концепции гражданства в эпоху глобальных изменений. Эта концепция основывается на огромном потенциале национальной идентичности и необходимости все большего сближения власти с народом. Очевидно, что в современных условиях, когда нас накрывает одна волна глобализации за другой, наша способность воспользоваться возможностями и реализовать права ограничены широкой сетью глобальной экономической взаимозависимости, сетью над которой, сетует Браун, мы обладаем слишком малой властью².

Гордон Браун напомнил о том, что в 2007 г. он внес кардинальные предложения, фактически сводившиеся к конституционным преобразованиям. Среди подобных предложений были прописаны право парламента на объявление войны и мира, право на отзыв избирателями парламентария, ликвидация королевских прерогатив, избрание членов палаты лордов. Все это Браун называет демократией XXI века, при которой гражданство будет основано на основе нового билля прав и обязанностей и составит фактически письменную конституцию. Автор не удержался в определенной степе-

¹The Guardian. 2014. 22 August.

²The Guardian. 2014. 12 September.

ни от самолюбования: он утверждает, что в 2007 г. он думал о новом гражданстве эпохи глобализации.

Так что же помешало нашему герою реализовать столь далеко идущие предложения? Ответ прост и однозначен. Браун вспоминает: «тогда в обществе и прессе не существовало огромной тяги к изменениям. Последовал глобальный экономический кризис, и все разговоры о конституционных преобразованиях ушли на второй план на фоне необходимости предотвращения экономической рецессии. Следующий шаг заключался в острой потребности избежать сползания в длительную депрессию и возвращении к тенденциям роста»¹.

Сегодня, отмечает Г. Браун, по всей Европе мы наблюдаем усиление влияния правых партий, придерживающихся антиправительственной и антииммигрантской направленности. Появились движения сторонников независимости как в Шотландии. В то же время Браун признает, что сам по себе факт проведения референдума вызвал оживленные дебаты в Шотландии. Этому способствовали и другие обстоятельства. Во-первых, мы особенно отчетливо осознаем, как наши будущие права и возможности связаны с более эффективным управлением процессами глобализации на фоне исторического опыта Шотландии, пережившей в свое время самую драматическую полосу деиндустриализации. Во-вторых, Великобритания, полагает Г. Браун, обладает уникальным опытом своего существования без наличия государствообразующей нации. При этом это государство с колоссальным запасом 300-летнего сотрудничества наций. Именно в силу этого уникального опыта существования государства без преобладающей нации, Великобритания, как никакое другое государство, использовало и применило преимущества сотрудничества разных народов. Подобный уникальный опыт позволяет по-новому осмыслить процесс понимания института гражданства в условиях взаимозависимого мира.

Дважды в истории после 1707 г. шотландцы четко определяли содержание понятия гражданства. В первом случае, шотландское возрождение представило миру модель гражданского общества, когда гражданин не предстает объектом властных отношений, не является простым потребителем, тем самым фактически предвосхитив современную модель гражданина, самостоятельно определяющего свое место и по отношению к государству, и к рынку. Затем, преодолев последствия и трудности индустриальной революции, шотландцы проторили путь к модели гражданства XX в., когда наряду с социальными и экономическими правами были гарантированы гражданские и политические права.

¹The Guardian. 2014. 12 September.

В условиях, когда шотландцы выходили постепенно в течение XVIII – начала XIX вв. из условий отсутствия своей государственности, величайшие философы шотландского возрождения проповедовали своему народу необходимость осознать себя как граждан местной общины, и одновременно как граждан мира. Именно от Адама Смита и Дэвида Юма исходила концепция гражданского общества, которая четко определяла наличие пространства между государством и личностью, наличие общественной жизни, где не должны преобладать рыночные отношения, и где люди могут объединяться на добровольных началах в церковных и профсоюзных организациях до членства в гражданских и муниципальных объединениях.

Далее Г. Браун в своей статье пустился в более подробные рассуждения по данной проблеме. Он утверждает, что А. Смит в своей, не столь известной работе «Теория моральных чувств» обосновывает концепцию взаимной эмпатии, тем самым внося более значительный вклад в наше миропонимание, в отличие от его известного трактата «Богатство народов», направленного исключительно против доктрины меркантилизма. Смита больше волновала теория «руки помогающей», чем «руки невидимой». Поэтому, когда эпоха шотландского возрождения определяла концепцию гражданства, то это означало, что мы не просто потребители и субъекты отношений, а мужчины и женщины с различными интересами, общими потребностями и взаимными обязательствами по отношению друг к другу. Это и была концепция, которая не только вдохновила современную социологию, но и четко определило то, что мы сегодня называем «социальным капиталом».

Однако на фоне болезненных процессов индустриальной революции концепция гражданства вновь была вынуждена приобрести новые очертания. Речь шла о том, что тяжелое положение нового класса – рабочего – вынудило интеллектуальную часть высшего общества приложить усилия к изменению жестокого мира, где господствует принцип абсолютной экономической свободы, к его трансформации в более цивилизованное общество. И вновь лидеры Шотландии сыграли здесь главную роль. Унаследовав от прошлого свой исключительно шотландский закон о бедных, сами руководители, представители этой территории, могли легко довести дело до своего собственного государства, где была бы реализована модель «общества социального благополучия». Но лидеры Шотландии пошли дальше: они совершили прямо противоположный поступок. Они возглавили общенациональное движение по всему Соединенному Королевству с требованием ликвидации законов о бедных по всей стране и их постепенной заменой в масштабах всего государства на социально программиро-

ванные институты для выплаты пенсий, оказания медицинской помощи, помощи безработным, инвалидам и бедным.

Именно жители Шотландии были первыми, кто увидел огромные преимущества, когда 50 млн британских жителей объединили свои ресурсы и усилия независимо от национальностей. Так возник новый тип гражданства, образ которого повлиял в значительной степени и на далекие от Британии государства. Создав для шотландцев, англичан, уэльсцев и жителей Северной Ирландии равные права на медицинское обслуживание, образование, социальную поддержку и минимальные стандарты по производству, Соединенное Королевство стало не только единым торговым и экономическим рынком, оно стало первым в мире рынком социальной экономики.

Расширяя содержание самой концепции свободы – предоставляя позитивные свободы (свободу всеобщего медицинского обслуживания, безопасность в сфере образования и социальной жизни), а не только негативных свобод – тем самым мы более четко определили понятие гражданства. Оно первоначально основывалось исключительно на предоставлении гражданских и политических прав для представителей одной нации. Постепенно трансформировавшись в концепцию, которая базируется на гражданских, политических, социальных и экономических правах, в равной степени предоставленных различным народам.

Рассуждая о превосходстве британской модели гражданства, Гарольд Браун торжественно заявляет: «Даже сегодня никакая другая группа наций – ни Европейский Союз, ни штаты, которые образуют США – не выработали столь изощренную форму гражданства. Воздействие уровня, достигнутого Соединенным Королевством, поражает»¹. Автор статьи приводит конкретные примеры. Средний доход семьи в Миссисипи составляет примерно 60 % доходов семьи, проживающей в Нью Гемпшире. Средний доход в Болгарии, самом бедном члене Европейского Союза, составляет примерно 9 % подобного показателя Люксембурга, самого богатого члена Евросоюза. А вот доход обычного шотландца равен соответствующему показателю соседа–англичанина. По крайней мере, на протяжении XX столетия шотландцы находили возможность совместно проживать с соседями в многонациональном государстве, сочетая в себе сильное чувство патриотической гордости и принадлежности к шотландской культуре и своим автономным институтам с желанием сотрудничать в использовании преимуществ всего государства.

Но сегодня очередная волна глобализации преподнесла новую череду вопросов: как Шотландия, выражающая волю народа, взаимодействует с таким многонациональным государством, как Соединенное Королевство.

¹The Guardian, 2014. 12 September.

Вопрос, утверждает, Г. Браун, более глубокий: как Шотландия найдет свое место в мире Мак Дональдса, Эппл, Фейсбука и глобальных финансовых рынков? В подобном мире не могут быть гарантированы равенство экономических возможностей и существование системы социального обеспечения. И, если эффективно не справляться с процессами глобализации, гражданство с присущими ему экономическими и социальными правами не сможет получить своей реализации.

Столь подробный анализ позволил бывшему главе британского правительства перейти непосредственно к анализу насущных проблем. Браун подчеркивает: что лежит в основе нынешней волны политического национализма – не тот факт, что шотландцы обнаружили в себе «шотландство». Этот народ всегда проявлял свои национальные чувства. На указанный подъем национальных чувств, прежде всего, сказались глобальные последствия. Автор статьи, рассуждая о природе проявления национализма, приводит интересные наблюдения. Для шотландцев сегодня все более отчетливым является стремление сохранить свою идентичность в эпоху, когда прежние носители подобной уникальности – от отличающихся от других в Великобритании подобных структур – шотландских церквей, профессий, гражданских властей и даже спортивных команд, которые представляли собой культурный, и даже в чем-то политически окрашенный национализм – находятся сегодня в состоянии упадка и уступили другим право выступать от лица Шотландии.

Браун призывает вернуться к первооснове – хозяйственной жизни. Экономические преобразования очевидны. Мануфактурное производство и угольные шахты ранее привели к тому, что Великобритания занимала ведущие позиции в мире в таких сферах, как кораблестроение, сталелитейная промышленность и строительство железных дорог. В те золотые времена было занято 40 % шотландских рабочих. Сегодня данный показатель составляет всего лишь 8%. Вот уже 50 лет Шотландия пытается избавиться от образа региона, где преобладает ручной труд, малоквалифицированный и менее оплачиваемый по сравнению с прошлым. Вот уже 50 лет Шотландия находится в поисках современных профессий, новых рабочих мест, нового процветания. Именно это, подчеркивает Г. Браун, и составляет содержание борьбы с глобализацией, а не с Англией.

Глобализация тесно связывает мир в запутанную сеть экономических взаимоотношений и вновь заставляет изменить наше представление о том, что значит быть гражданином. Еще сравнительно недавно, в 1990 г. международная торговля составляла 20 % экономической деятельности, сегодня этот показатель равен 35%. Неудивительно, что в скором времени торговля между странами будет составлять основу экономики. А сегодня, как и любая другая страна, Шотландия «зарабатывает себе на жизнь» в

условиях такой взаимозависимой экономики, когда 72 % всех вложений в производственный сектор и 60 % всей экономики, находящейся в частных руках, не принадлежат непосредственно жителям Шотландии.

Автор статьи напоминает о том, что, если не включать в подобную группу работников фирм, не принадлежащих шотландцам, а только фирмы, полностью ориентированных на экспорт в направлении развития глобальной экономики, то получится, что две трети частного сектора Шотландии – 1, 4 млн человек – тесно связаны с торговлей, которая полностью зависит от наших связей с Соединенным Королевством и более широким кругом стран.

К тому же, предупреждает Г. Браун, прошедший большую школу теоретической и практической работы в мире финансов, неизбежно возникнут проблемы с банковским капиталом. Совокупные средства британских банков в пять раз превышают ежегодный доход Соединенного Королевства, в то время запас банков Шотландии в 12 раз больше соответствующего показателя «страны гор». В этом плане банковская система Шотландии более подвержена опасности «бегства капитала», которое сегодня приобрела глобальный характер. Если, предупреждает Браун, «мы будем вынуждены выбирать, то нет смысла разрывать связи, подвергать опасностям отношения с нашими крупными торговыми партнерами. Так как отдельные компании все более тесно и необратимо вовлекаются в процесс взаимного проникновения на глобальном уровне, то в этом смысле нет никакой альтернативы кооперации»¹.

В грядущие годы для установления контроля над собственной экономической судьбой, шотландцам потребуются более интенсивные отношения со своими соседями, ближайшим к ним географическим регионом, европейским континентом, всем миром. Понадобится накладывать слой за слоем сотрудничества с региональными и транснациональными институтами. Придется признать, что существуют глобальные проблемы, такие, как изменение климата, интеграция экономического пространства и другие, которые требуют и глобального разрешения. Достаточно привести один пример: ни одна страна сегодня в мире не может обеспечить безопасного развития своей налоговой базы без международного сотрудничества с целью ликвидации так называемых «налоговых гаваней».

Итак, по словам Брауна, появляется новая концепция гражданства. Она не предполагает преобладания космополитизма, если дело касается национальных обязательств. Эта концепция гражданства, которая поддерживает национальную идентичность, но при этом признает преимущества отдельного суверенитета. Это тот тип гражданства, когда шотландцы смо-

¹The Guardian, 2014. 12 September.

гут понять: быть шотландцем, британцем, европейцем и гражданином со связями с более широким миром. И это не выглядит простой абстракцией, это отражает то, как сегодня живут люди – постоянно общаясь через мобильные телефоны и интернет, способность общаться с любым, в любой части планеты. Сегодня, как никогда в мировой истории, возникает концепция гражданства, которая подразумевает свободу выбора каждым индивидуумом, а не навязана извне.

Очевидно, признает Гарольд Браун, что национализм, когда-то был порожден в эпоху индустриальной революции и целого ряда факторов (неравномерное развитие и своеобразный ответ на непредсказуемые по своим болезненным последствиям результаты индустриализации). Сегодня национализм появляется вновь, и с этим надо считаться. Это своеобразное чувство бессилия людей, когда они воспринимают непредсказуемые и неконтролируемые последствия глобальной экономики. А это служит предпосылками для появления националистических движений. Но националистическая трактовка, которая от первоначальной формулы «малое – прекрасно» переросла в «суверенитет малого государства», не дает полновесных ответов на вопрос, как проложить себе путь в мире глобальной экономики¹.

Браун напомнил о том, что когда-то сепаратисты утверждали, что будущее Шотландии лежит в «дуге процветания», от Скандинавии до Исландии и Ирландии. Эта иллюзия разрушилась в 2008 г. Теперь сепаратисты утверждают, что именно малые государства являются более гибкими, способными к адаптации, чем старые «могикане» и потому могут более успешно соревноваться. Однако, как утверждает человек, который долгие годы ведал вопросами финансового развития Великобритании, подобная способность к соревнованию зависит также от вашей способности вести дела с мировыми финансовыми рынками и транснациональными компаниями. Как известно, взаимодействие последних между собой сужает возможности национальных экономик. Очевидно, что подобная способность возрастает по мере роста экономических возможностей каждой отдельной страны.

Гарольд Браун напоминает о заявлении министра финансов Шотландии Джона Суинни о том, что в случае успешного для националистов исхода голосования отделившаяся часть государства может попробовать отказать от выплаты долгов. Браун напомнил, что подобный тактический прием в свое время применили лидеры Веймарской республики, а совсем недавно Аргентины и Греции. «Я отчетливо вижу, – подчеркивает Г. Браун, – опасности формулы «остановись планета, я хочу сойти с поезда». Это

¹The Guardian. 2014. 12 September.

проявление философии крайне узкого национализма, которая никогда не сможет понять, что странам, объявившим дефолт, нельзя скрыться в мире, в котором международный рынок не может существовать без института кредитования¹.

Подобные слова Г. Брауна не могли не вызвать определенной реакции как среди шотландцев, так и других жителей британских островов. Для прямых потомков народа, который всегда отличался своим гордым и свободолюбивым характером и приверженностью в любых условиях к клановому единству сравнение с действиями государств, которые, фигурально выражаясь, вызвали в свое время не совсем позитивную оценку в мире, было достаточно некорректным. С другой стороны, сама мысль о том, что шотландцы готовы пойти на подобный шаг, создавала определенную психологическую напряженность в британском обществе, традиционно отличавшегося политической лояльностью к оппонентам.

Автор статьи вновь напомнил о тех факторах, которые, прежде всего, обеспечили шотландскому национализму электоральный успех, – это разочарование тем, что глобализация внесла в нашу жизнь неуверенность и несправедливость. Националисты ослеплены исключительно догмой XIX столетия и неспособны осознать то, что, по мнению Брауна, инстинктивно чувствуют сами шотландцы, а именно: в ответ на последнюю волну глобализации нельзя ударяться в исключительный суверенитет. Путь в будущее лежит в его равномерном распределении.

С печалью констатирует Браун факт, что так глубоко желание националистов отделиться от Англии, когда они не замечают очевидного: 70 % торговли Шотландии и большая часть ее рабочих мест – 1 млн человек – связаны с пребыванием в Соединенном Королевстве. Более того, преимущества наших совместных усилий по обеспечению пенсий, социальных услуг, медицинскому обслуживанию, обороне и защите окружающей среды станут более, а не менее, важными в условиях взаимозависимого мира. Поэтому мы, обращается бывший премьер-министр Великобритании, не должны ничего предпринимать для понижения статуса гражданина Соединенного Королевства, который основан на социальных и экономических правах, равномерно распределенных в обществе. Выбор один: необходимо сформировать концепцию гражданства XXI столетия, основанного не только на единых для всех правах, но и самом совместном суверенитете, который уважительно относится к национальной идентичности, без игнорирования преимуществ сотрудничества.

После 18 сентября 2014 года, заключает автор статьи, мы должны пригласить шотландцев стать частью великого, объединяющего Велико-

¹The Guardian. 2014. 12 September.

британию проекта, который потребует усилий всей страны. Речь идет о разработке новой британской конституции XXI столетия, основанной на многообразии и строгой приверженности к стремлению распределения властных полномочий. А это потребует усилий не только парламентариев и чиновников, но и представителей более широкой общественности. По мнению Г. Брауна, это позволит «взойти нам, как никакой стране в мире, на уровень федеративного государства, где 85 % населения станет единой нацией»¹. Браун высказал надежду, что нация изберет возможность стать маяком для мира, освещающим путь для всех стран, стремящихся найти более совершенные возможности совместного проживания, демонстрируя при этом независимость, продвигаясь к гражданству, где преобладает воля к сотрудничеству с другими. А это, подчеркивает Браун, более содержательная и значимая в современном мире концепция, чем «чистая» независимость.

К сторонникам сохранения статус-кво примкнула целая когорта и других известных деятелей. Одна из самых почтенных британских газет «Обсервер» 30 августа 2014 г. опубликовала материал о том, что сэр Пол Маккартни присоединился к многочисленным противникам возможного отделения Шотландии. Издание сообщило, что Пол Маккартни сделал свое заявление в родном Ливерпуле в рамках кампании «Останемся вместе». Таким образом, высказал свою позицию человек, который в далекие 60-е гг. прошлого столетия вместе со своими друзьями прославил на весь мир и Ливерпуль, и Великобританию, положив начало «британскому музыкальному вторжению» во все уголки планеты. Неслучайно то, что газета особо отметила тот факт, что член легендарной рок-группы стал последним в списке звезд, присоединившихся к данному движению.

Маккартни подписался под открытым письмом, где говорится следующее: «Решение по вопросу, покинуть ли нашу дружную страну, является, безусловно, исключительно вашим правом. Тем не менее, подобное решение окажет огромное воздействие на всех нас в остальной части Соединенного Королевства. Мы хотим, чтобы вы знали, как мы высоко ценим наши связи гражданства с вами и выражаем нашу надежду, что вы проголосуете за их обновление. То, что нас объединяет, значительнее того, что нас разъединяет. Останемся вместе»².

«Обсервер» сообщила, что организаторы акции привлекли 50 тысяч человек к подписанию письма, среди которых было несколько сот знаменитостей и общественных деятелей, своим участием высказавших публичную поддержку данному движению. Среди известных и знаковых фи-

¹The Guardian. 2014. 12 September.

²The Observer. 2014. 30 August.

гур можно назвать музыканта сэра Мика Джаггера, писателя сэра Брюса Форсайта, актрису Джуди Денч, выдающегося футболиста сэра Бобби Чарльтона, известного ученого профессора Стивена Хокинга. И Великобритания, и многие шотландцы прислушивались и сделали свой выбор. Последнее касалось, прежде всего, жителей Шотландии.

Развитие многонациональных государств в эпоху глобализации неизбежно приводит к усилению политического веса партий и общественных течений, которые ставят во главу угла, прежде всего, интересы собственного государства и (или) нации. Ярким примером подобных процессов может служить многонациональная Индия.

Весной 2014 г. парламентские выборы в стране выиграла Бхаратия Джаната парти, которая находилась в оппозиции с 2004 г. Эта консервативная, с массовой опорой на представителей бизнеса, партия завоевала 282 места из 543 в нижней палате индийского парламента. При наличии союзников общее количество мест в коалиции, которую возглавит БДП, превысит 340 парламентариев. Ни одна политическая сила в истории современной Индии не смогла достичь подобного результата с 1984 г. Безусловно, что заслуга в достижении такого успеха принадлежит лидеру партии Нарендри Моди. Ранее он был известен в стране как главный министр западного штата Гуджарат и как яркий приверженец усиления позиций страны. Моди в своей предвыборной программе сочетал элементы индуистского национализма с обещаниями экономического и культурного возрождения страны. Подобная платформа встретила полную поддержку большинства избирателей. Десятки тысяч жителей индийской столицы устроили ему торжественную встречу при въезде в город.

В свою очередь Индийский национальный конгресс, который управлял страной в общей сложности в течение 49 из 68 лет самостоятельного существования государства, завоевал всего 44 парламентских места, что явилось самым низким показателем за всю ее историю. Рахуль Ганди, наследник самой известной политической династии Индии, ставший лицом партии в предвыборной кампании, на пресс-конференции принял на себя всю ответственность за поражение.

Новый премьер-министр предстает перед общественностью как глубоко противоречивая фигура, которого мусульманское население Индии – около 14 % его общей численности – опасается в значительной степени. Он получил широкую известность как непосредственный создатель самой крупной в стране организации по возрождению индуизма. В свое время его обвиняли в бездействии, и даже частичном сопособствовании созданию условий для возникновения столкновений на религиозной почве, в результате которых погибло 1000 человек, преимущественно мусульман. Это произошло в штате Гуджарат, как раз сразу же после того, как он возгла-

вил местное правительство. Индийская пресса отмечала, что буквально накануне столкновений был подожжен поезд, в котором находились паломники–индусы. В результате пожара погибли 59 человек. Моди всегда отвергал обвинения в своем бездействии в те страшные дни. К тому же Верховный Суд страны не нашел достаточных оснований для предъявления подобных обвинений.

Моди в своем первом же выступлении после оглашения результатов голосования заявил, обращаясь к 1250 миллионам индийцев: «Я хочу вместе с вами подтолкнуть страну вперед... На мне лежит ответственность привлечь всех вас вместе со мной к управлению страной». В заключительной части своей речи он обещал превратить XXI столетие в «век Индии»¹.

Иностранные инвесторы и представители отечественного бизнеса приветствовали столь успешный результат БДП, в своей предвыборной платформе обещавшей осуществить в стране масштабные реформы. Нельзя сказать, что за десятилетие правления Индийского национального конгресса не наблюдалось экономического роста. Однако его темпы за последние годы заметно снизились.

Многие аналитики высказали достаточно призрачные надежды на то, что столь сокрушительное поражение заставит Индийский национальный конгресс пойти на радикальные преобразования с целью превратить ее в более прозрачную, представительную и ответственную перед избирателями партию.

Таким образом, очевидно, что в отношении территорий, где сильны национальные традиции и население обладает высокой степенью этнического самосознания, вопросы развития многонациональных государств требуют своего дальнейшего теоретического и практического развития.

¹TheObserver, 2014. 17 May.

ГЛАВА 3. ХРИСТИАНСТВО В ИСТОРИИ МИРОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Изучение проблем процессов глобализации в качестве отправного посыла предполагает признание многовекторного характера интеграции различных социально-политических, экономических институтов, идей, принципов, общественных отношений, возникающих в самых широких областях. Это позволяет нам обратиться в разрезе исторического контекста к тем аспектам и проявлениям интеграции человеческого сообщества, что стояли у истоков европейской цивилизации.

История европейской цивилизации генетически связана с христианством, которое на протяжении многих веков являло собой одну из детерминант ее генезиса и общественно-политического развития.

Христианство зародилось на землях, составлявших часть огромной многонациональной империи, что создавало весьма благоприятную почву для распространения идей нового религиозного учения космополитического характера – «ни Еллина, ни Иудея, ...но все и во всем Христос» (Кол 3,11). Будучи обращенным ко всем народам христианство привлекало в свои общины все больше последователей учения Христа, получая свое распространение во всех уголках Римской империи. К концу I века христианские общины существовали во многих крупнейших городах и провинциях Римского государства.

В условиях того, что Рим перманентно был вовлечен в завоевательные кампании, результатом чего стало установление его гегемонии на обширнейших территориях как в регионе средиземноморья, так, и за его пределами, государство в определенной степени само стало проводником для последующего распространения христианских идей для многочисленных народов, интегрированных в социокультурное пространство великой империи.

Изначально усматривая в новой религии лишь угрозу традиционным римским устоям, власть изменит свое отношение к ней в правление императора Константина (306–337 гг.), который оценит потенциал и интегрирующее значение христианского религиозного учения в деле государственной политики, нацеленной на укрепление внутреннего единства империи. Миланский эдикт 313 года дал христианству официальное признание. Отныне союз императорского престола и церкви должен был служить на благо Рима, а христианство стать основой религиозно-идеологического единства в условиях нарастающей политической нестабильности в огромной державе, с трудом удерживающей власть в окраинных провинциях.

Интегрирующая направленность общей религии была противопоставлена сепаратистскому характеру традиционного языческого полите-

изма. Не менее привлекательны были с позиции власти и те идеи, что в целом служили усилению ее авторитета – «Всякая душа да будет покорна высшим властям, – учит Апостол Павел, – ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению; а противящийся сами навлекут на себя осуждение... И поэтому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести» (Рим. 13:1–7). Тем более, что получив статус государственной религии христианство одновременно находило отклик в самых широких социальных слоях, предлагая столь пестрому по этническому составу, социальному и правовому положению обществу новую универсальную систему ценностных координат.

Конечно усилия первого христианского императора ненадолго приостановили проявление сепаратистских тенденций и не могли противостоять объективно нарастающим процессам. Уже после смерти Константина в 395 г. империя окончательно разделилась на Западную часть – с центром в Риме, и Восточную – с центром в Константинополе. С падением Рима в 476 году под натиском германских племен наследницей религиозно-политических традиций империи закономерно станет Византия.

Постепенно христианство прочно утвердилось и на тех территориях бывших провинций западной империи, что стали добычей германских племен. Завоеватели стремились укорениться на покоренных землях. Церковь же в новых исторических реалиях являла собой один из проводников политико-правового римского наследия, интегрированного в различные сферы раннефеодальных обществ и государств, возникших на территории бывшей Римской империи. Рассчитывая заручиться поддержкой местного духовенства в отношениях с галло-римским населением, вождь салических франков Хлодвиг принял христианство – религия побежденных стала религией победителей.

Благодаря активной завоевательной политике франкских королей, прежде всего Карла Великого, унаследовавшего при поддержке римского первосвященника в 800 году императорский титул и стремившегося приблизиться к былым границам Римской империи, расширились границы и христианского пространства. Вновь сложился тесный союз, теперь уже церкви и франкских королей: «Каролинги еще шире, чем Меровинги, использовали в государственном аппарате высший клир и еще последовательнее поддерживали идеологическую деятельность церкви внутри государства и ее миссионерские акции среди языческого населения еще не завоеванных стран»¹.

¹История Европы. Т. 2. Средневековая Европа. М., 1992. С. 120.

После распада Франкской империи в 843 году произойдет политическое обособление италийских, германских земель и будущей Франции. Но вне зависимости от установления новых границ в условиях безоговорочного доминирования религиозного мировоззрения христианство во многом определяло сознание и идеологию феодального общества, являя собой общий знаменатель в политике европейских монархов, апеллировавших к авторитету церкви не только в вопросах сакрализации власти, но и всего установленного порядка. Церковь в любом феодальном государстве выполняла, прежде всего, идеологическую функцию, проповедуя покорность и смирение: «Человеку от рождения даруется Богом определенная сословная принадлежность, материальная собственность и традиционный род занятий. Индивидуальное отступление от предписанной Богом формы существования расценивается как противление воле Божьей и грех гордыни»¹.

Церковь являла собой и пример создания относительно единого нормативного пространства в части действия канонического права, не знавшего национальных границ в тех вопросах, что относились к юрисдикции церкви. На протяжении многих столетий нормы церковного права регулировали значительный круг общественных отношений. Тем более что Церковь аккумулировала под своим началом многие важнейшие сферы человеческого бытия – вероисповедание, науку, образование, институты семьи и брака.

Христианство становилось одним из определяющих факторов в формировании фундаментального исторического единства Европы, рождающегося в синтезе греко-романской и германской культур.

Вместе с тем сама церковь институционно не представляла уже единства. По мере нарастания конфронтации глав христианского Востока и Запада, усиливалось обособление «западного» и «восточного» христианского пространства, что завершилось расколом христианской церкви в 1054 году, ознаменованным взаимной анафемой римского папы и константинопольского патриарха. И если Восток пошел по пути образования национальных автокефальных церквей, то развитие церковной организации на Западе определялось стремлением папы римского к главенствующему положению над всем христианским католическим миром и признанию его верховной власти всеми правителями Европы, но прежде всего – германским императором.

Устремления папского престола нашли свое выражение в документе, символично названном Григорием VII (1073–1085) «Диктат папы», не по-

¹ Исаев А. А. Бытие и существование человеческого и божественного в средневековой философии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы Теории и практики. 2016. № 8 (70). С. 87.

лучившем своего практического воплощения, но в полной мере отразившем не только его притязания на вселенскую церковную власть, но и политическое верховенство над всеми монархами, включая исключительное право короновать и смещать императора.

Установление папской гегемонии противоречило интересам светских правителей. С усилением централизации в государствах Западной Европы возрастали не только потребности к реализации национальных интересов в религиозной политике, но и возможности к их осуществлению. Это привело к заметному размежеванию в вопросах юрисдикции папы и местных церквей, значительно более интегрированных во внутреннюю политику государств.

Постепенное усиление позиций королевской власти на фоне стремления местных церквей к большей независимости от папского престола не позволило Риму реализовать идею универсального политического господства в христианской Европе.

Не меньший удар по глобалистской политике папы нанесла Реформация XVI века, ее волна захлестнет многие страны католической Европы. Влияние идей Мартина Лютера Кинга, выступившего против господства католицизма, положит начало широкому движению за радикальное преобразование церкви, следствием чего станет не только раскол католицизма, но и серьезные изменения в модели государственно-церковных отношений в ряде стран Европы. Распространение протестантизма в Европе в купе с политическими амбициями правителей Англии, Дании, Норвегии, Швеции, отдельных германских земель приведет к разрыву с папским престолом и подчинению национальных церквей государству.

И если на протяжении многих столетий геополитическое пространство Западной Европы определялось принадлежностью единому католическому миру, то с началом Реформации этот порядок необратимо изменится. Появление на международное арене двух вполне очерченных враждующих блоков европейских государств под разными религиозными знаменами (католики и протестанты) в совокупности с их устремлением к изменению существовавшего баланса политических сил приведет к масштабному военному противостоянию ключевых европейских государств — Тридцатилетней войне (1618–1648). Основным полем битвы во всех смыслах этого слова сталасвященная Римская империя германских наций, на землях которой разрасталась борьба между католическими и протестантскими правителями. А для германского императора это будет еще и война за господствующее положение в отношениях с германскими князьями. Но ее итоги окончательно подорвут позиции династии Габсбургов. Вестфальский мир закрепил не только равное признание прав католиков и протестантов, но и, что было более значимо для определения основ устройства

нового мирового порядка, утвердил взаимное признание государствами их равного суверенитета и приоритет национальных интересов европейских государств.

Современное европейское общество пошло по пути секуляризации общественных отношений, что обеспечило полную свободу религиозных исканий. Двадцатый век в истории Европы значительно сместил векторы усиления процессов интеграции в сферу экономического и политико-правового характера. Но обращаясь к европейскому сообществу в постсинодальной апостольской экзортации «Церковь в Европе» в 2003 году Папа Римский Иоанн Павел II сфокусировал внимание на том, что Европейский Союз – это не только общность геополитического и экономического характера, но и прежде всего общность христианских корней: «Смотря в прошлые столетия, мы не можем не благодарить Бога за то, что христианство являлось на нашем континенте главным фактором единства народов и культур, а также целостного развития человека и его прав. Без сомнения, христианская вера является одним из фундаментов европейской культуры. Христианство формировало Европу, прививая в ней основные ценности. Современная Европа, которая дала миру идеал демократии и прав человека, позаимствовала свои ценности от христианского наследия. О Европе можно говорить, скорее, как о месте культурном и историческом, а не географическом. Это место, которое появилось как континент также благодаря соединяющей силе христианства, которому удалось объединить разные народы и культуры и которое тесно связано со всей европейской культурой»¹.

Данное обращение было адресовано прежде разработчикам проекта Конституции Европейского союза, с тем, чтобы в нем были закреплены положения, отражающие роль европейского религиозного наследия, а в особенности христианского, что было поддержано и представителями ряда государств – таких как Италия, Испания, Польша, Португалия, где и по сей день сильны позиции католицизма. Но в конечном варианте проекта его составители ограничились более сдержанной формулировкой: «Вдохновляемые культурным, религиозным и гуманистическим наследием Европы, на основе которого развивались универсальные ценности, нерушимые и неотъемлемые права личности, свободы, демократии, равенства и верховенства закона», о чем говорится в преамбуле документа². Упоминание особой роли христианства несомненно противоречило бы преобладающим настроениям в современной толерантной Европе, усмотревшей в подобном

¹ Adhorracja Apostolska «Ecclesia in Europa». <https://www.socionauki.ru/journal/articles/145684/> (дата последнего обращения: 28.01.2019)

² Конституция Европейского союза. www.europap.com.pl/cgi-in/raporty.pl?rap=68&dep=5812&lista=1. (дата последнего обращения: 25.12.2018)

угрозу конфессиональному равенству, но в действительности в значительно большей степени отразило бы его действительное влияние на формирование исторического единства общеевропейского пространства.

Одновременно мы наблюдаем и влияние процессов современной глобализации западного мира на традиционную для христианского мира систему ценностных координат, когда весьма серьезной корреляции подверглись наиболее консервативные социальные институты, такие как брак, семья. Речь идет, к примеру, о том, что целый ряд стран узаконил однополые браки – Франция, Бельгия, Дания, Швеция и другие. В этих условиях и ряд самих христианских конфессий радикально пересмотрели свою точку зрения по данному вопросу: Евангелистически-Лютеранская церковь Канады, Евангельско-лютеранская церковь Италии, Евангелистическая церковь Германии, Протестанская церковь Нидерландов заключают союзы однополых пар.

Процесс глобализации, охвативший Европу в последние десятилетия, предопределил во многом ее общие векторы политико-правового развития. И в то же время, если мы обратим взор в область государственно-церковных отношений, то сохранились определенные различия.

Секуляризация общественного сознания значительно сократила число последователей христианства, которые могли бы себя назвать в полной мере «воцерковленными». Очевидно, что данные настроения не могут не оказывать определенного влияния на область государственно-церковных отношений.

На протяжении многовековой истории отношения европейских государств и Церкви строились на началах взаимопроникновения. В настоящее время в большинстве своем конституции стран Европы закрепили светскую модель политической организации общества, отделяющую Церковь и любые другие религиозные организации от государства. Но в целом ряде стран национальная Церковь сохраняет особый статус, что дает ей возможности пользоваться поддержкой и покровительством государства, включая и государственное финансирование ее деятельности посредством церковного налога как, например, в Исландии и Дании. В этом случае Церкви принадлежат значительные преференции в сфере образования и других областях культуры.

Прежде всего это характерно для тех стран Европы, где еще в эпоху реформаторского движения религиозные структуры были полностью инкорпорированы в государственный механизм, что изменило не только статус церкви, вышедшей из-под юрисдикции папского престола, но также и статус монарха, который отныне становился главой церкви. В то время как преимущественно в католических странах местные Церкви, находясь

под властью Святого Престола в Риме, избежали прямого подчинения государству.

Современная Европа представлена различными моделями взаимоотношений Церкви и государства. В качестве иллюстрации достаточно взглянуть по обе стороны Ла-Манша.

Так, во Франции в эпоху буржуазных преобразований была провозглашена свобода совести и вероисповедания и положено начало светской модели государства. Принятая в 1789 г. Декларация прав человека и гражданина, являющаяся и поныне конституционную константу Франции, закрепила как неизменный постулат то, что никто не должен испытывать стеснений в выражении своих мнений, даже религиозных, поскольку это выражение не нарушает общественного порядка, установленного законом.

Правовая основа взаимоотношений церкви и французского государства была заложена законом о разделении церквей и государства от 9 декабря 1905 года на принципе полного отделения церкви от государства. Провозгласив отделение Церкви, равно как и других религиозных организаций от государства, а также их равноправие, государство отказалось и от поддержки церковных структур, и от вмешательства во внутрицерковную жизнь, регулируя лишь те сферы, которые предполагают деятельность Церкви в качестве юридического лица, неизбежно вступающего в соответствующие отношения с государством.

Для современной Франции в условиях активной интеграции мусульманской культуры с притоком населения из тех регионов, что традиционно исповедуют ислам, вопрос о состоянии правового регулирования сферы конфессиональных отношений приобретает особую остроту. Усилия современного французского законодателя направлены на разработку и определение параметров наиболее оптимальной модели взаимоотношений основных элементов системы, в рамках которой интересы индивидуума, общества, государства и различных конфессиональных объединений могут быть максимально согласованы.

Однако не все правовые новеллы во французском законодательстве бесспорны с точки зрения соблюдения прав и свобод. Так, недопущение использования религиозной символики в образовательных учреждениях привело в 2004 году к запрету на ношение мусульманскими девушками хиджаба, что вызвало массовые акции протеста не только мусульманской части французского сообщества, численность которого насчитывает более 2 млн человек. В толерантности французского законодателя усомнились многие активные представители европейского сообщества, усматривая в этом не пример ограничительной политики в отношении представителей отдельных исповеданий, так как ношение женщиной хиджаба для тради-

ционного ислама есть неизменная составляющая ее самоидентификации в мусульманском мире.

Если во Франции светские традиции прочно укоренились как важнейшая составляющая государственной политики, то Британия является ярким примером совсем иной модели государственно-церковных отношений. Провозгласив свободу совести и свободу вероисповедания, и следуя данным демократическим принципам, британский престол сохраняет исторически сложившиеся традиции государственной конфессиональной политики во взаимоотношениях с Англиканской церковью.

Еще в ходе церковной реформы в период правления Генриха VIII, разорвавшего отношения с Ватиканом, английский монарх обрел главенство над Церковью Англии, что юридически было оформлено с принятием парламентом в 1534 году Акта о супрематии (Act of Supremacy), согласно которому Королевское Величество определялся как Верховный Глава Церкви «Supreme Head of the Church of England»¹. В правление Елизаветы I (1558–1603 гг.) в 1559 году новым Актом о супрематии Елизавета I смягчила формулировку титула монарха, заменив на «Верховный глава Церкви» на «Верховный правитель Церкви», что *de facto* не умаляло его статуса. Акт о супрематии сохраняет юридическую силу и поныне. В свою очередь закон содержит категорическое указание в Акте о престолонаследии 1701 года на то, что монарх может принадлежать только Англиканской церкви и не вправе вступать в брак с лицом, исповедующим католицизм.

Сегодня вопрос о необходимости дальнейшей модернизации конфессиональной политики все чаще поднимается и в Великобритании, где традиции устоявшейся модели государственно-церковных отношений составляют одну из констант политической действительности и конституционного порядка.

Еще в начале XX столетия демократизация общественно-политической жизни неизбежно коснулась вопроса о пересмотре соотношения государственной и церковной властей. Соединение в лице монарха полномочий главы как светской, так и церковной властей прямым образом влекло за собой непосредственное включение в орбиту правового регулирования вопросов жизнедеятельности церкви и других органов государственной власти – прежде всего парламента. В ходе развернувшихся дискуссий, растянувшихся на десятилетия, были пересмотрены прерогативы парламента в разрешении церковных вопросов. Так, в 1969 г. в Англии Генеральный синод Церкви Англии получил право законодательной инициа-

¹ The original text of Henry VIII's 1534 Act of Supremacy. URL: <http://www.britainexpress.com/History/tudor/supremacy-henry-text.htm>. (дата последнего обращения: 14.05.2018)

тивы, что ранее являлось прерогативой парламента. Окончательно определение по предмету спора между Церковью и парламентом произошло лишь в 1974 году, когда парламентом был принят акт «О Церкви (ее богослужении и доктрине)», впервые признающий юридическое право самой Церкви в лице Генерального синода вносить изменения в вероучение и изменять порядок богослужения¹. Это отвечало прежде всего настроениям и интересам самой Церкви, стремившейся к самостоятельности.

Последнее десятилетие со всей остротой обозначило нарастающее стремление части английского общества к значительно более радикальным реформам. Так, 30 декабря 2016 г. британский журнал «Экономист» опубликовал статью под заголовком «Продвигаясь к светскому государству»². Автор отметил, что основой для подобной публикации стали данные Национального Светского Общества Британии, общественной организации, провозгласившей своей целью ликвидацию религиозных привилегий. Несмотря на то, что отдельные предложения носят скорее эволюционный характер, а не революционный, сам факт публикации подобного доклада (накануне Нового года) представляется несомненно провокационным. Выбрать Рождество для публикации многоаспектного доклада о роли религии в обществе однозначно свидетельствовало о настрое составителей доклада. В нем приводится достаточно длинный список предложений для того, чтобы урезать незаконные привилегии, которыми сегодня пользуются близкие к религии официальные лица и организации.

Острая потребность в том, чтобы утвердить ценности светского общества, возрастает на фоне роста влияния и увеличивающихся сегодня число своих сторонников других религий, включая ислам. Все это происходит на фоне существующих привилегий, принадлежащих когда-то завоевавшей себе особое место в истории страны, но постепенно численно «угасающей» Англиканской церкви. Сегодня эта организация охватывает образовательные учреждения, где обучается свыше 1 млнна английских детей. Естественно, что подобное положение вещей побуждает руководителей других религий также выступить с требованием разрешить им открыть школы под своей эгидой.

Представляя собой достаточно пространный документ, отчет определяет, что должно собой определять идеальное положение вещей, и устанавливает минимальные шаги, которые необходимо предпринять. В области образования предполагается, что правительство должно сделать «решительные шаги» по направлению к всесторонней системе светской шко-

¹ Дмитриева О. В., Третьяков А. В., Чернов В. В. Англиканская Церковь / Православная энциклопедия. URL: <http://www.pravenc.ru/text/115120.html>. (дата обращения: 28.06.2018)

² Erasmus. Slouching towards secularism. The Economist, December, 20 th, 2016.

лы. При этом должен законодательно закрепляться статус образования в нерелигиозной школе в противовес существующей системе, когда школы, связанные с религией, являются единственным возможным выбором для родителей и учеников. Религиозные школы необходимо лишить той прерогативы, которой они обладают в области найма и допуска. Также от них потребуются преподавать религию в нейтральной форме.

В чем причина подобного проникновения составителей доклада в столь чувствительную сферу британской действительности. Ответ заключается в том, что Англиканская церковь играет весьма заметную роль в общественных и официальных церемониях. Тот факт, что 26 епископов англиканской церкви или «духовных лордов» занимают места в верхней палате британского парламента, можно рассматривать как своеобразный пережиток, который, тем не менее, несмотря на свое символическое значение, играет значительную роль в британской политической жизни. С другой стороны, составители указанного доклада начисто отклонили саму возможность предложения, инициированного год назад Комиссией по вопросам религии и убеждений в Британской общественной жизни, созданной в 2013 году Институтом Вульфа, согласно которому в верхней палате британского парламента должны быть представлены и другие религии. В докладе прозвучала мысль о том, что подобное предложение является неконструктивным и внесет дезорганизацию среди неверующих.

Такие общественные церемонии, как дни поминовения по погибшим в войнах, коронация нового главы государства, носившие всегда религиозный характер, по твердому убеждению авторов доклада, должны быть заменены светскими процедурами. В частности, вместо коронационной службы в Вестминстерском аббатстве вокруг нового монарха, где суверен обязуется «поддерживать законы Всевышнего», предлагается проводить светский ритуал в соседнем Вестминстер Холле. Если же монарх пожелает, то можно провести дополнить богослужение в аббатстве.

Но такова природа англиканского религиозного истеблишмента, который несмотря на все большую очевидность произошедших изменений в отношении к традиционной религии значительной части британского общества, сумел продемонстрировать исключительную силу своей устойчивости. Как монархия, так Англиканская церковь сумела удержать некоторые из своих привилегий, при этом отдав большинство из них. Возможно в недалеком будущем придет день, когда нация вдруг обнаружит, что привилегированный статус Англиканской церкви является неприемлемым. Время, когда произойдет неизбежный уход нынешнего, 90-летнего монарха, столь серьезно воспринимающей свою роль верховного правителя Англиканской церкви, станет периодом, когда многое будет пересмотрено.

Однако в политическом смысле, такое время, когда подобное переосмысление станет неизбежным, еще не наступило.

Конец прошедшего столетия – начало XXI века повлек за собой новый и достаточно серьезный виток секуляризации в рядах скандинавских монархических стран. Так, в 2012 году Парламентом Норвегии были внесены изменения в конституцию, согласно которой Церковь Норвегии утратила статус государственной, сохранив поддержку государства как «народная церковь», а в 2017 году окончательно отделилась от государства.

В 2000 году была отделена от государства Шведская евангелическо-лютеранская церковь согласно закону, принятому в 1995 г. С утратой статуса ею государственной, все религиозные общины стали равноправными. Отныне все законы и решения, касающиеся Церкви, принимаются ее Церковным собором, а не риксдагом и правительством; назначения на все церковные должности осуществляется без участия государства; вместо церковного налога вводится членский взнос в размере 1,25% с налогооблагаемой базы; вступление в лоно церкви совершается только путем крещения¹. Вместе с тем отделение церкви от государства не отделило ее от сферы высокой политики. Как и прежде в общественной жизни церковь занимает активную и деятельную позицию по решению социальных задач, прибегая подчас к открыто политическим средствам борьбы. Примером тому является традиционная Церковь Швеции, которая сегодня активно демонстрирует не только свою включенность в политическую жизнь страны, но и полное проникновение таковой в свою внутреннюю среду. Так, выборы Церковного собора и Церковного правления происходят по партийным спискам, состав которых отражает соотношение сил политических партий в стране, равно как и при замещении вакантных церковных должностей важную роль играет партийная принадлежность. Столь явная политизация деятельности церкви неоднозначно воспринимается самим шведским сообществом. И если одни в этом видят проявление активной позиции Церкви в жизни гражданского общества, то другие видят в этом угрозу «внутренней секуляризации» церкви.

Обращаясь не только к историческому опыту отношений Церкви и государственной власти, но учитывая и современные реалии, вновь утверждаешься в мысли о том, что даже в условиях современной глобализации западного мира, с его стремлением к унификации всего социально-

¹ Чернышева О. Первые итоги отделения Шведской церкви от государства. 2000–2011 гг. // Грани сотрудничества: Россия и Северная Европа: сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. И. Р. Такала, И. М. Соломец. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. С. 277–278.

правового уклада, не представляется возможным выстроить единую оптимальную модель государственно-церковных отношений.

Усиливающиеся процессы глобализации приводят к все более активному взаимопроникновению культур. Вместе с тем, сохранение особого статуса национальной Церкви в ряде европейских государств свидетельствует об их стремлении сохранить свою национальную идентичность, которая на протяжении многих столетий формировалась в контексте доминирования религиозного самосознания и принадлежности к христианскому миру.

Западный мир породил глобализацию как явление. В свое время, обращаясь к вопросу о глубинных причинах того, что именно на Западе, и только здесь, возникли такие явления культуры, которые развивались в направлении, получившем универсальное значение, М. Вебер одновременно пытался выяснить, в какой мере содержание современной культуры в его историческом развитии следует сводить к религиозным мотивам, и в какой мере к мотивам другого рода. Вебер приходит к выводу, что один из конституционных компонентов современного капиталистического духа, и не только его, но и всей современной культуры, – рациональное жизненное поведение на идее профессионального призвания – возник из духа христианской аскезы, утратив в современном мире свое прямое религиозно-этическое обоснование¹. Протестантская этика во многом определила генезис развития и становления современного капиталистического мира, олицетворением которого в наивысшей степени стало США, где стремление к благосостоянию достигло своего апогея, став стержнем американской культуры.

Доминирующее положение США в современном мире позволяет говорить об особой его роли в процессе глобализации. В определенном смысле американская культура, активно экспортируемая во многие страны, сама стала продуктом данного процесса. Сформированная в условиях многонационального общества, американская культура породила единую систему ценностей, получившую универсальное значение для представителей любой расы или этнических групп, желающих стать членами американского общества. Присяга является обязательным элементом принятия гражданства путем натурализации в США. Символическое значение этого акта можно рассматривать как выражение лицом готовности идентифицировать себя с американской нацией, разделять ее систему ценностей и образ жизни, это некое средство инкорпорации в культуру народа, важной составляющей которой для многих американцев является и христианство.

¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии / сост. В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. М., 1996. С. 169.

В развитие американской культуры свой вклад внесли представители многочисленных народов, синтезированных в единую общность. Но значение доминанты в культуре американской нации заняла основополагающая система ценностей эмигрантов первой волны и их потомков из числа пуритан, спасавшихся бегством от преследования английской короны за свои религиозные убеждения. А потому стремление к религиозной свободе стояло у самих истоков возникновения буржуазного государства Соединенных штатов Америки и американской демократии.

Несмотря на то, что США являются светским государством, где церковь отделена от государства, для многих американцев религия является одной из форм включения в жизнь общества. Подавляющее большинство американского населения, так или иначе, идентифицирует себя с принадлежностью к одной из религиозных конгрегаций.

Религиозные общины играют весьма заметную роль и в публичной жизни США, где и сегодня весьма явственно присутствуют элементы христианской культуры: например, президент США во время торжественной церемонии инаугурации приносит присягу на Библии. В то же время государству приходится считаться и с теми общественными настроениями, которые выражают полное неприятие «религиозного присутствия» в отдельных сферах публичной жизни американского общества. Так, 17 июня 2010 года шестой окружной апелляционный суд США удовлетворил иск Американского союза за гражданские свободы, постановив, что десять заповедей, выставленные в окружных судах Кентукки нарушают принцип отделения церкви от государства, что закреплено в первой поправке Конституции США о запрете господдержки религиозных организаций.

Современное состояние отношений общества, церкви и государства и церкви в США отражает дуализм приверженности значительной части населения христианству и максимально толерантное отношение к самым различным многочисленным конгрегациям: «Американский вариант приватизации религии, при которой за ней признаются некоторые публичные функции, прекрасно сочетается с религиозным плюрализмом, характерным для Америки с колониальных времен, который с тех пор стал еще более явным и распространенным. Если воздействие религии на общество заключается, главным образом, в формировании характера и поведения его граждан, то все религии, имеющие многочисленных последователей и не очень хорошо знакомые (близкие) или чужие, могут иметь одинаковую ценность. То обстоятельство, что большинство религий в США признают авторитет Библии как священного писания, а большинство американцев (хотя, конечно, не все) понимают слово «Бог» более или менее одинаково,

безусловно, способствует смягчению религиозных противоречий»¹. В силу данных рассуждений очевидно, что границы религиозного плюрализма в столь толерантном по отношению к различным конфессиям обществе, которым является американское, проявляются лишь тогда, когда последователи определенных религиозных учений отказываются следовать общепринятым культурным образцам поведения, противопоставляя им свои убеждения, основанные на вере.

Прежде всего речь идет о весьма настороженном отношении к последователям ислама. Ведь сегодня зачастую ислам предстает в средствах массовой информации как религиозное мировоззрение, основанное на нетерпимости к инаковерующим, сеющее проявления фанатизма и экстремизма.

В этой связи следует говорить о наметившейся достаточно тревожной тенденции: все чаще в средствах массовой информации и заявлениях политиков звучат заявления о столкновении западной и восточной цивилизаций. И что особенно настораживает – это противостояние приобретает явно очерченные формы именно конфессионального противостояния христианского запада и исламского востока. Достаточно вспомнить трагические события 11 сентября 2001 г., когда произошла атака захваченных террористами самолетов башен Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и здания Пентагона в Вашингтоне, после чего президент США Джордж Буш выступил с обращением к населению, в котором четко обозначил, что акт террористов, вдохновленных идеей священного джихада, был направлен против западной цивилизации и лидера США.

Для Франции «11 сентября» стали события 2015 года. 7 января 2015 года в здании еженедельника редакцию CharlieHebdo в 11-м округе Парижа неизвестные устроили стрельбу, выкрикивая, что «отомстили за пророка». В результате погибли 12 человек.

Атака была направлена на сатирический еженедельник CharlieHebdo, который неоднократно публиковал карикатуры, высмеивающие различные религии, в том числе и высмеивающие пророка Мухаммеда. Отстаивающей «право на богохульство» редакции газеты неоднократно предъявляли иски представители различных конфессий. Так в ноябре 2011 года редактором выпуска, посвященного ситуации в Тунисе и Ливии, был объявлен пророк Мухаммед, а сам выпуск должен был выйти под названием «Шариат-Эбдо». В результате неизвестные подожгли редакцию журнала CharlieHebdo. Примерно за час до атаки издание разместило в своем мик-

¹ Белла Р. Религиозный индивидуализм и религиозный плюрализм / Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии / сост. В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. М., 1996. С. 677–678.

роблоге в Twitter карикатуру на лидера боевиков группировки «Исламское государство» Абу Бакра аль-Багдади, на которой тот выступает с пожеланием «здоровья и всего наилучшего».

Террористический акт в редакции CharlieHebdo стал началом череды нападений во Франции в период с 7 по 9 января 2015 года. Всего жертвами январских терактов стали 17 человек: 14 гражданских и 3 полицейских.

В ноябре 2015 года почти одновременно были совершены несколько масштабных терактов: взрывы возле стадиона «Стад де Франс» в Сен-Дени, расстрел посетителей нескольких ресторанов, а также бойня в концертном зале «Батаклан», где около 100 человек были захвачены в заложники. Жертвами теракта стали 130 человек. Ответственность за нападения взяла на себя Группировка «Исламское государство».

После событий серии террористических актов во Франции введение правительством жестких мер безопасности получило общественную поддержку подавляющего большинства французов. Сразу после CharlieHebdo правительство объявило, что оно направляет 425 млн евро на антитеррористические меры, в основном на персонал и оборудование для сил безопасности. В мае 2015 года парламент принял закон, позволяющий спецслужбам прослушивать телефоны и электронные письма без разрешения судьи. После ноябрьских террористических актов президент Франсуа Олланд ввел чрезвычайное положение, в соответствии с которым в административном, а не судебном порядке были проведены более 3000 обысков в помещениях и произведено 400 арестов. Целями этих мер были почти все мусульмане, и почти никто не был обвинен в совершении какого-либо преступления, связанного с терроризмом. Правозащитные организации и мусульмане по всей стране заявили о сокрушительном наступлении на гражданские свободы.

По результатам опроса подавляющее большинство французов высказались в поддержку правительственного законопроекта, который лишил бы террористов их французского гражданства. Общественное мнение становится все более авторитарным. Опрос, проведенный в мае 2015 года, показал, что 52% высказались за восстановление смертной казни, увеличившись на семь процентных пунктов по сравнению с предыдущим годом.

Это является отражением растущего недоверия между многими мусульманами и обществом в целом.

Тот факт, что большинство преступников, связанных с террористическими актами 2015 года были гражданами Франции, вызвали нарастание панических настроений по всей стране по поводу «доморощенного» терроризма и радикализации мусульманского меньшинства Франции. 3 февраля заголовок баннера в правой газете LeFigaro, второй по величине французской газете, объявил, что министерство внутренних дел выявило 8 250

французов, которые были «радикализированы». Далее в статье сообщалось, что это на 100% больше, чем в марте 2015 года.

Реакция французского общества и государства на проявление радикального исламизма порождают встречную проблему – категорическое неприятие многими молодыми французскими мусульманами того, что они считают ксенофобской и порочной политикой французской республики. Франция столкнулась с негативной перспективой постепенного политического отчуждения мусульманского сообщества от ценностей Республики и восприимчивости к призывам антигосударственного исламизма и углубления социального раскола между Францией и ее мусульманами.

Большинство французских политиков согласны с тем, что существует разница между потенциальными террористами и набожными мусульманами, которые исповедуют свою веру и не посягают на закон. И все же слишком много людей в общественной жизни и средствах массовой информации не делают различий между ними, тем самым способствуя радикализации среди мусульман.

Понимая религию как социокультурное явление, не представляется возможным говорить об однозначной направленности ее воздействия на сферу жизнедеятельности социума. В социологических теориях религии, основывающих ее понимание на тезисе об интегрирующей ее роли, религия рассматривается с этих позиций как гарант стабильности и жизнеспособности общества, которое лишь тогда может рассматриваться как достаточно интегрированная система, когда ее нормативный порядок, так или иначе, подкрепляется отнесением к «последней действительности» как основополагающей системе его легитимации. «В конечном счете, легитимация восходит к религиозным обоснованиям»¹.

В то же время, объективно, религиозная приверженность может приводить и к конфликту с требованиями закона, оказывая деструктивное воздействие на общество. Как правило, этот конфликт связан с проявлением религиозного фанатизма, нетерпимостью по отношению к иным вероисповеданиям.

Рассматривая религию безотносительно конкретной ее формы проявления вполне очевидно, что потенциально любое религиозное вероисповедание монотеистического характера, изначально предполагающее веру в Бога единственного, абсолютного и исключительного может спровоцировать проявление религиозной нетерпимости к последователям других религий, другим народам.

Убежденность в обладании истины – веры единственно правильной и возможной, и в необходимости ее распространения не только оправдыва-

¹Парсонс Т. Общий обзор // Американская социология. М., 1972. С. 368.

ет, но и как бы «узаконивает» в глазах наиболее строгих последователей религиозной веры действия, направленные на преследование инаковерующих. Приверженность к определенным религиозным ценностям и неприязнь иноверцев может толкнуть на совершение противоправных действий и более того, принимать крайние формы религиозной воинственности. Что мы и наблюдаем среди последователей радикальных течений ислама.

Глубина и трагичность этой проблемы заключается в том, что человек идет на это в полном сознании того, что он поступает верно, в соответствии с религиозными предписаниями. Ортодоксальный ислам вменяет мусульманам в обязанность не только личное выполнение предписаний Корана, но и его распространение и утверждение, вплоть до «священной войны» с неверными – джихад. Основная идея заключается в том, что ислам – учение единственно верное: «нет другого Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад – посланник Аллаха».

Макс Вебер почти сто лет назад, рассуждая на тему различных направлений религиозного неприятия мира, заметил: «чем более систематизирована и глубока религия спасения по своим этическим убеждениям, тем резче она противостоит реальности мира»¹.

Но необходимо признать, что крайние проявления антиклерикализма, апеллирующие к свободе слова, в не меньшей степени способны породить конфликты и способствовать нарастанию противостояния.

Если спроецировать эту проблематику в геополитическую плоскость, можно утверждать, что сегодня Запад и Восток в целом исповедуют совершенно противоположные модели легитимации всего социально уклада.

Современное западное общество, познав различные формы проявления религиозной нетерпимости – крестовые походы, преследование христианских ересей инквизицией, противостояние католиков и протестантов, поделившее Европу на два лагеря и положившее начало многолетней войне, – пройдя этот долгий путь, пошло по пути секуляризации, что обеспечило на основе осознания своих христианских корней полную свободу религиозных изысканий.

Неотъемлемым постулатом стало право каждого человека на свободу мысли, совести и вероисповедания, которое включает свободу исповедовать свою религию и убеждения как индивидуально, так и совместно с другими, отправлять религиозный культ, следовать и выполнять религиозные и ритуальные обряды и действовать в соответствии с ними. При этом свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, предусмотренным законом и необходимым в демократическом обще-

¹ Вебер М. Социология религии // Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира: избран. произведения. М., 1990. С. 340.

стве в интересах государственной и общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения или для защиты прав и свобод других лиц. Можно говорить и о рационально-правовой природе государственной власти в целом.

Мусульманский же мир изначально даже не допускал мысли о возможности аналогичных процессов. Но сегодня исламское общество объективно сталкивается с определенными изменениями в духовной сфере, обусловленными формированием светской культуры, ценностных и нормативных установок, зачастую не согласующихся с традиционными религиозными взглядами на мир и соответствующими религиозными предписаниями.

Даже отдельные изменения привычного уклада даются очень не легко и проходят болезненно, вызывая социально-психологическую напряженность. И на этом фоне процесс активного внедрения западной цивилизацией стандартов и демократических институтов, изначально по своей природе секуляризованных, на те территории, где жизнь протекает в строгом соответствии системе культурных ценностей и традиций, определяемых Кораном, порождает самую жесткую ответную реакцию со стороны отдельных последователей радикального ислама, принимая формы крайне воинствующего фанатизма и экстремизма. «Нормы поведения религиозных фанатиков коренятся в упорном желании неизменно, без каких-либо отклонений, следовать установленной традиции. Их главной целью является социальная модель, основанная на их религии, которая не только противостоит светской форме общественного устройства, но и стремится восстановить теократическую, автократическую форму государственной власти и создать религиозную общность «избранных» для выражения «фундаментальных истин»¹. Речь идет о проекции религиозной идеологии в политическую плоскость, идеи основы исламской государственности, которая ведет свой отсчет фактически уже начиная с 622 года, когда Мухаммад – основатель ислама выступает уже не только как проповедник, но и как теократический правитель, определяющий порядок жизни для своих последователей в соответствии с предписаниями Аллаха. Данная форма легитимации политической системы в целом предполагает обращение к ценностям «трансцендентного» характера по отношению к социуму, прочно закрепленных в фундаменте ислама.

По сути, сегодня исламский мир стоит перед дилеммой: строго следовать традициям или принять как данность и допустить определенные демократические изменения. И очень велик соблазн способствовать этому процессу извне, пытаясь ускорить естественный ход событий. Думается

¹ Морган. Г. Религиозный фанатизм // Религия и право. 1997. № 2–3. С. 40.

важно соблюдать не только определенные законом границы проявления свободы, в том числе и свободы вероисповедания, но необходимо уважать и вполне определенные территориальные границы проявления этой свободы. Не лишним будет и напомнить, что сама Европа прошла путь длиной почти в два тысячелетия с провозглашения христианских истин до правового признания свободы, в том числе и свободы отказа от них.

Одним из очевидных следствий процесса глобализации стало размывание привычных границ конфессионального пространства, говоря о которых мы подразумеваем такие устойчивые сочетания, как «христианский Запад», «мусульманский Восток». И если в отношении последнего это по-прежнему в полной мере справедливо, то применительно к Западу мы наблюдаем иную ситуацию. Прежде всего, это объективно обусловлено активным процессом секуляризации, значительно сократившим численность населения стран Европы, что в полной мере могут считать себя религиозным.

Если обратиться к статистике, то цифры свидетельствуют о том, что наибольший удельный вес населения, относящего себя к религиозному, приходится на страны Африки и Ближнего Востока: Эфиопия, Малави, Нигер, Шри-Ланка и Йемен, где 99 % опрошенных идентифицировали себя как человека религиозного. Достаточно высокий уровень религиозности в Юго-Восточной Азии и Латинской Америки. Агентство «Телеграф» на основе трех опросов, проведенных WIN / GallupInternational в 2008, 2009 и 2015 годах, составили карту наиболее и наименее религиозных стран мира. К числу наиболее религиозных стран относятся:

1. Эфиопия – 99% населения.
2. Малави – 99% населения.
3. Нигер – 99% населения.
4. Шри-Ланка – 99% населения.
5. Йемен – 99% населения.
6. Бурунди – 98% населения.
7. Джибути – 98% населения.
8. Мавритания – 98% населения.
9. Сомали – 98% населения.
10. Афганистан – 97% населения.
11. Коморские Острова – 97% населения.
12. Египет – 97% населения.
13. Гвинея – 97% населения.
14. Лаос – 97% населения.
15. Мьянма – 97% населения.
16. Камбоджа – 96% населения.
17. Камерун – 96% населения.

18. Иордания – 96% населения.
19. Сенегал – 96% населения.
20. Чад, Гана, Мали, Катар, Республика Конго, Руанда и Замбия – 95 % населения.

В число наименее религиозных стран входят: Япония, Эстония, Швеция, Норвегия и Чешская Республика и Китай, который превосходит их всех – всего семь процентов населения, большинство же населения Китая не чувствуют себя религиозными.

Если обратиться к цифрам, то статистика следующая:

1. Китай – 7% населения считают себя религиозным.
2. Япония – 13% населения.
3. Эстония – 16% населения.
4. Швеция – 19% населения.
5. Норвегия – 21% населения.
6. Чехия – 23% населения.
7. Гонконг – 26% населения.
8. Нидерланды – 26% населения.
9. Израиль – 30% населения.
10. Великобритания – 30% населения.
11. Новая Зеландия – 33% населения.
12. Австралия – 34% населения.
13. Азербайджан – 34% населения.
14. Беларусь – 34% населения.
15. Куба – 34% населения.
16. Германия – 34% населения.
17. Вьетнам – 34% населения.
18. Испания – 37% населения.
19. Швейцария – 38% населения.
20. Албания, Австрия, Венгрия и Люксембург – 39%.

Среди стран Европы самый высокий индекс в Польше 86 % ответили «да». Выделяются также: Италия – 74% опрошенных и Греция – 71% греков заявляют, что считают себя религиозными. Согласно опросам, около трех из десяти британцев считают себя религиозными, по сравнению с 56 % американцев.

Можно отметить, что в США среди современных экономически развитых стран на сегодня уровень религиозности один из самых высоких. В США преимущественно сохраняют свои лидирующие позиции различные христианские конфессии. Наряду с ними большое распространение получили и совершенно новые формы сознания и практик, синтезирующие различные элементы философских взглядов, религиозных верований и обрядов – от архаичных до традиционных, что привело к появлению новых ми-

ровоззренческих, эклектичных по своему характеру, конструкций и религиозных учений, толерантно принятых обществом и занявших свою нишу в современной культуре Запада.

Однако сам Восток значительно менее восприимчив к влиянию Запада и процессам глобализации. Традиционные мусульманские общества активно противятся проникновению в свою среду западной культуры, которая несет с собой не только принципы западной демократии, но и толерантное отношение к однополым бракам, свободе сексуальных отношений, несовместимые с нормами ислама.

Одновременно вследствие активных миграционных процессов и значительного притока в страны Старого Света населения из стран Азии, Африки и Востока в современном западном общества значительно увеличивается количество последователей ислама.

Обращаясь к проблеме миграции, мы наблюдаем преимущественно одновекторную ее направленность, а именно, речь идет о значительно возросших за последнее десятилетие потоках переселенцев из Сирии, Афганистана, Пакистана, Марокко, Алжира, Ливии, Нигерии и ряда других стран в Европу. Объясняется это, прежде всего, разработанной и активно реализуемой в Европе программой социальной помощи мигрантам. Размер социальных пособий обеспечивает необходимый прожиточный минимум и в разы превосходит те скромные заработки, что имели многие иммигранты у себя на родине.

Активная иммиграция значительного числа носителей иной культуры неизбежно порождает проблему их социализации в европейском обществе. Как правило, иммигрирующие в Европу, – это молодые мужчины, в большинстве своем не владеющие языком страны пребывания, а зачастую и не имеющие образования, что само по себе уже является фактором, усложняющим их переход в новое социокультурное пространство и восприятие ими определенной системы ценностей и правил поведения. Но еще большее значение имеет тот факт, что большинство и не стремятся к тому, чтобы принять новые правила совместного общежития, выражая свое неприкрытое пренебрежение культуре принимающей страны, и предпочитая консолидироваться по этническому и религиозному принципу, противопоставляя себя местному сообществу.

Учитывая масштабы притока иммигрантов мы сталкиваемся с таким явлением как формирование относительно автономных социальных образований по этнокультурному признаку, не стремящихся к ассимиляции.

Демонстративное неприятие европейского образа жизни может принимать достаточно агрессивные формы, что вносит зримые коррективы в изначально преобладающее толерантное настроение европейцев, многие из которых выступают против миграционной политики своих правитель-

ств. Достаточно обратиться к событиям августа 2018 года, когда в немецкой Саксонии прошли массовые беспорядки и акции протеста против мигрантов, спровоцированные убийством немца беженцами из Сирии и Ирака. Подобные события лишь подогревают ксенофобию и нарастание радикальных настроений в обществе и усиливают конфронтацию по национальному и религиозному признаку. Подобные акции протеста прошли и в других странах ЕС.

Эти события и ряд других наглядно продемонстрировали нежелание уже значительно возросшей части немецкого общества мириться с позицией канцлера Ангелы Меркель, обвиняя правительство в неспособности, нежелании эффективно защищать интересы немцев и требуя ужесточения миграционной политики.

Весьма резонансные заявления звучат по миграционному вопросу и на правительственном уровне. Одним из таких являются широко обсуждаемые в прессе слова федерального министра внутренних дел Германии Хорста Зеехофера, заявившего в интервью газете «Bild» о том, что «ислам не является частью Германии». Зеехофер также дал понять, что проживающие здесь мусульмане конечно будут частью Германии, но акцентировав внимание на том, что Германия это прежде всего страна с глубокими христианскими корнями. Ангела Меркель поспешила дистанцироваться от заявления Зеехофера: «Эти мусульмане также являются частью Германии, и поэтому их религия принадлежит Германии, включая ислам».

Острая дискуссия по данному возникла еще в 2010 году когда Кристиан Вульф, на тот момент президент Федеративной Республики Германия, по случаю 20-й годовщины единства Германии заявил, что ислам сегодня являет собой часть Германии наравне с христианством и иудаизмом, что вряд ли объективно в отношении культурно-исторического наследия Германии, но справедливо отражает тенденцию к увеличению численности последователей ислама в Германии. И прежде всего за счет иммигрантов.

В настоящее время более половины беженцев, официально зарегистрированных в ЕС, проживает именно в Германии. И на этом фоне позиция Зеехофера, выступающего за жесткую ограничительную политику в отношении въезда в Германию беженцев, даже с территории других стран ЕС, не выглядит безосновательной и оторванной от реальных настроений значительной части населения Германии, не разделяющих «политику открытых дверей», провозглашенную Меркель в 2015 году.

Антииммигрантские лозунги набирают силу по всей Европе. Ряд европейских стран отказываются соблюдать установленные квоты приема беженцев либо вообще принимать их (Польша, Венгрия, Италия и ряд других). Что и было продемонстрировано министром внутренних дел Италии

Маттео Сальвини, который отказался принимать в июле 2018 года в итальянских портах корабль с беженцами из Африки на борту после того, как на другом итальянском судне мигранты из Судана и Ганы подняли бунт. И это был не единственный подобный инцидент, свидетельствующий, что Рим не согласен политикой Евросоюза.

Активный поток беженцев является и весьма действенным каналом проникновения в Европу радикально настроенных элементов, осуществляющих активную пропагандистскую и террористическую деятельность, что создает угрозу внутренней безопасности общества.

И одно лишь усиление контроля со стороны служб безопасности, рано как и не способно устранить указанный спектр проблем, решение которых возможно лишь с позиции более взвешенного и рационального подхода к миграционной политике, требующего разработки и реализации комплексной программы мероприятий социального, экономического, правового характера, направленных на интеграцию уже проживающих иммигрантов и адаптации вновь прибывших.

Один из важных аспектов структурной интеграции относится к сфере трудовой занятости. Успешная профессиональная карьера в принимающей стране являются жизненно важной предпосылкой для интеграции.

Иммигранты в среднем зарабатывают значительно меньше, чем представители местного населения. Исключение могут составлять лишь высококлассные специалисты. Среди иммигрантов значительно выше уровень безработицы.

Западное общество современного типа основано прежде всего на общности ценностно-нормативной системы, фундамент которой составляют демократические права и свободы, что отражает достаточно высокий уровень культурной однородности социума в масштабе всего европейского пространства. И в этом случае сокращение дистанции в разрыве культур в контексте проблемы миграционного кризиса в Европе является необходимым условием снижения этнической и религиозной напряженности.

Одной из дискуссионных тем в европейском сообществе, тесно связанной в проблемой иммиграции, в последние годы стала политика мультикультурализма.

Идея мультикультурализма, которая недавно была провозглашена новой моделью социального устройства не только в современных неолиберальных государствах, таких как Канада, Австралия или Соединенные Штаты, но и таких странах Старого Света, как Франция, Нидерланды, Великобритания или Германия, все больше теряет поддержку. То, что несколько лет назад рассматривалось как решение ряда социальных и экономических проблем в свою очередь породила целый ряд негативных явлений. Эта идея все чаще стала звучать в разрезе нарастания социальных

опасений по поводу иммигрантов и их интеграции в принимающие общества, сегрегации, бедности, роста преступности и безработицы, экстремизма, террористических актов.

Мультикультурализм представляет собой сложную доктрину, в рамках которой была предпринята концептуальная попытка охватить несколько вопросов, связанных с культурой, расой и самобытностью в условиях современных западных обществ, в центре которой положительная концепция признания и уважения к каждой общине и их уникальным ценностям, составляющих одно общество. Основная идея побуждала граждан признать и принять разнообразие национальных традиций и обычаев, тем более, что фактические изменения, произошедшие в некоторых западных странах привели к значительно большему этническому и культурному разнообразию.

Мультикультурное общество в совокупности – это различные общества, которые смешиваются, но не объединяются, живут бок о бок, но по отдельности, внутри одной и той же политической единицы. Каждая группа придерживается своей религии, своей культуры и языка, своих традиций и идей.

Идея мультикультурализма стала неотъемлемой составляющей проявления толерантности. Еще несколько десятилетий назад в Великобритании расизм был достаточно широко распространенным явлением, выливаясь в дискриминацию на рабочем месте и неравенство, жестокость полиции по отношению к этническим меньшинствам и т. д. Это привело к серии беспорядков, которые произошли в Лондоне, Ливерпуле, Бристоле и других городах в конце 70-х и начале 80-х годов XX в. Местные власти признали эту ситуацию общественной угрозой и угрозой общественному порядку и стабильности. В этом контексте была начата политика мультикультурализма как программа предоставления возможности другим культурам сохранять и развивать свою идентичность. Для реализации данной программы было задействовано множество разных стратегий: от внедрения в школьные программы до различных программ социальной поддержки.

Но односторонняя направленность данной политики в отношении этнических меньшинств не способствовала развитию идеи идентификации себя как части британского сообщества, принятию нормы и традиции страны. Они скорее давали право развивать свою индивидуальность и вести подчеркнуто собственный образ жизни.

Таким образом, мультикультурная политика, которая возникла как оппозиция расовому неравенству, способствовала разнообразию, которое парадоксальным образом утверждало, что этнические меньшинства явля-

ются «другими», а не частью «британцев». Это не могло не способствовать и формированию более радикальных настроений среди мусульман.

От мультикультурализма как идеологии и политической стратегии открестились многие современные политики, признав провал ее практической реализации.

В октябре 2010 года в своем заявлении канцлер Германии Ангелы Меркель озвучила сомнения в отношении мультикультурализма, утверждая, что попытки страны создать мультикультурное общество полностью провалились. В феврале 2011 года британский премьер-министр Дэвид Кэмерон на конференции по безопасности в Мюнхене признал провал политики мультикультурализма, доктрина которого поощряла создание сегрегированных сообществ, фактически существующих отдельно друг от друга и вне общества, к которому они хотят принадлежать.

Критика мультикультурализма стала неотъемлемой частью политики правых партий, которые категорически против иммиграции и иммигрантов в целом, и мусульман в частности.

В 2011 году президент Франции Николя Саркози в ответ на вопрос о мультикультурализме во время эфира на канале TF1 заявил о полном ее провале во Франции: «Да, это провал. Правда заключается в том, что во всех наших демократиях слишком пекутся об идентичности тех, кто прибывает, и слишком мало – об идентичности принимающей стороны. Общество, в котором общины сосуществуют рядом друг с другом, нам не нужно. Если кто-то приезжает во Францию, то он должен влиться в единое общество, являющееся национальным. Если кто-то с этим не согласен, пусть не приезжает во Францию. Наши соотечественники, исповедующие ислам, должны иметь возможность жить и практиковать религию как и все другие наши сограждане», принадлежащие другим конфессиям, «но речь должна идти лишь о французском исламе, а не исламе во Франции».

Рассуждая об опасности мультикультуры для состояния современного общества и перспектив его дальнейшего развития известный немецкий философ Курт Хюбнер со всей категоричностью заявляет: «Живая Европа, посредством внутренних сил судьбы связанная в общность, со всей толерантностью хранящая свое многообразие, защищающая свою историческую идентичность также, как и идентичность своих граждан, поощряющая столь же мирную, сколь и плодотворную внутреннюю конкуренцию, никогда не станет «мультикультурной», по крайней мере в том смысле, в каком это понимают те, которые пытаются проводить политику под этим новым лозунгом и провозвестить конец наций и многонациональных государств»¹.

¹ Хюбнер К. Нация: от забвения к возрождению. М., 2001. С. 390.

Сегодня идеология радикального ислама разделяется меньшинством современных мусульман. Многие представители традиционного ислама, в том числе и муфтиятов России, открыто осуждают терроризм. В то время как постоянное упоминание ислама в связи с проявлением терроризма постепенно приводит к укоренению в общественном сознании тождества этих понятий и их неразрывной связи, что, в конечном итоге приводит современный мир к действительному и опасному столкновению двух культур.

Для России, как для многонационального государства, этнополитические и конфессиональные составляющие состояния общества являются одними из детерминант не только в реализации политики федерализма, влияя на устойчивость выстраивания отношений в проекции «центр – регионы», но и в плоскости интеграции в мировое сообщество.

Национальные традиции, религия, определяющие особенности культуры и менталитета отдельных народов могут выступать в качестве катализатора нарастания напряженности в регионах, в ответ на веяния глобализации в сфере образования, воспитания, искусства. Развитие современных технологий, создание единого информационного пространства стало действенным каналом трансляции прежде всего западной системы ценностей, активно реципируемой одними обществами (или частью его), и встречающая неприятие других.

Нежелание и открытое противодействие вызывает интеграция в социокультурное пространство чуждого традиционным институтам интеллектуального и творческого продукта. Примером тому в России являются, приобретшие уже формат широкой кампании за последние годы, негативные высказывания, акции протеста и запретительные меры в адрес организаторов проведения различных культурных мероприятий в Дагестане. В частности, отмена праздника Холли в 2016 году, инициатором чего выступили представители духовенства, аниме-фестиваля «AniDag» в 2018 году и другие мероприятия, как чуждые культуре мусульман и Кавказа.

Но справедливо будет говорить о том, что свое негативное отношение к современным глобализационным процессам демонстрирует не только мусульманский мир России. Обращаясь 1 ноября 2018 года к присутствующим на открытии XXII Всемирного русского народного собора, посвященного проблемам цивилизационного развития России, глава РПЦ Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл четко отразил позицию по данному вопросу, считая что следование западной модели глобализации является ошибкой, заключающейся в отказе от традиции, то есть от системы передачи ценностей от поколения к поколению, которая формирует цивилизационный код народов с его культурными, духовными и ре-

лигиозными парадигмами, опирающимися на Богом данные, а потому и неизменные нравственные ценности, сопровождающие человечество на протяжении всей истории¹. Не отрицая реалий современных интеграционных процессов, Патриарх противопоставляет масштабной глобализации необходимость ее ограничения прагматической составляющей – тем, что касается экономических отношений, вопросов миграционного характера, создания единой глобальной системы безопасности, социальной политики взаимопомощи, выработки единой стратегии борьбы за охрану окружающей среды, исключив из данного процесса сферу нематериального – мировоззрения, идеологии, религии. Что касается сферы духовной, то здесь неприемлема унификация и возможно лишь выстраивание межкультурного диалога на фундаменте культурных и религиозных традиций, что и составляют код национальной идентичности.

Выступая против унификации всего мирового порядка на основе западной модели глобализации, сторонники сохранения особого цивилизационного пути развития современной России фактически возвращают нас к спору, начало которому положено в политико-правовой мысли России еще в XIX веке славянофилами и западниками. И если последние в приобретении к западной цивилизации видели прогрессивное начало, то славянофилы отстаивали идею особого уникального пути исторического развития России и необходимости сохранения ее национально-культурной самобытности. Один из основоположников славянофильства Алексей Степанович Хомяков в 30-е годы XIX столетия в контексте исследования проблемы всемирно-исторического процесса также обращался к роли религии в общественно-политической жизни российского общества и мировой истории в целом. Связывая судьбу России исключительно с православием, А. С. Хомяков противопоставлял ему присущий католицизму и протестантизму губительный для истинно христианской души рационализм и индивидуализм, на чем и основывается западная цивилизация.

Для славянофилов ключевым понятием было понятие «соборности» как органическом и свободном единстве христиан в лоне православной церкви, объединенных на христианских принципах любви и братства. Именно соборность определяет истинное начало и своеобразие устройства российского общества, и оно же должно составлять стержень его дальнейшего развития. За идеал «собственно русской жизни» признавался «идеал социального христианства, христианского гражданского общества»².

История России на протяжении уже более тысячи лет генетически связана с христианством. Еще в контексте процессов становления древне-

¹<http://www.patriarchia.ru/db/text/5295249.html>. (дата последнего обращения: 26.01.2019)

² Аксаков И. С. О судебной реформе / Сочинения. В 5 т. М., 1886. Т. 4. С. 551.

русской государственности в IX–X веках на славянских землях христианство стало интегрирующей силой в политике централизации управления. На протяжении многих веков восточное христианство являлось важным фактором, влияющим на правовую и политическую сферы общества, составляя неотъемлемую часть основ российской государственности. Для России в период бытия христианства как государственной религии было характерно соответствие государственно-правовых и религиозных систем ценностей. Общество на протяжении многих столетий строилось на воспитании в человеке прежде всего твердого сознания тождества своих религиозных и гражданских обязанностей.

В бытность России абсолютной монархии в вопросах установления основных параметров духовно-нравственного состояния российского общества власть исходила из определяющей роли христианской православной религии, что составляла краеугольный камень государственной идеологии. «Православие, Самодержавие, Народность» – та триада, что символично выражала союз монаршей власти, Русской православной церкви и народа.

Государство не оставляло выбора российским подданным в вопросах вероисповедания – всем рожденным в православной вере должно было ее чтить и соблюдать церковные таинства. Разорвать данные узы, связывающие воедино государство, церковь и подданных, без каких-либо последствий для последних, не представлялось возможным. Как рожденным в православной вере, так и обращенным к ней из другой веры запрещалось отступать и принимать иную веру, хотя бы и христианскую (Устав о предупреждении и пресечении преступлений. СЗРИ. Т. XIV. Гл. 3. Ст. 36). Для лиц, перешедших из православного вероисповедания в другое христианское исповедание или в иную веру, закон не устанавливал уголовной санкции, но предусматривал для таковых лишение прав своего состояния. Такие ограничения статуса были обратимыми и в случае возвращения отступившего в лоно православной церкви права состояния восстанавливались. К тому государство прилагало необходимые усилия, отсылая отступившего от православия в обязательном порядке к духовному начальству «для увещания и вразумления» (Уложение о наказаниях. Изд-е 1845 г. Ст.ст. 191, 196). В то время как лица виновные в «сворачивании из православия» в иную христианскую или нехристианскую веру подлежали уголовному наказанию (Уложение о наказаниях. Изд-е 1845 г. Ст.ст. 190, 192–195, 197).

Закон не позволял проповедование других вероисповеданий, ограничивая приверженцев иной веры возможностями соблюдения своего религиозного культа (Свод учреждений и уставов управления духовных дел христианских и иноверных иностранных исповеданий. СЗРИ. Т. XI. Ч. 1. Ст. 1, 4. Изд-е 1896 г.). Церковь же обладала монопольным правом пропо-

ведовать свое учение, и «если исповедующие иную веру желали присоединиться к вере Православной, никто ни под каким видом не должен препятствовать им в исполнении сего желания» (Свод учреждений и уставов управления духовных дел христианских и иноверных иностранных исповеданий. СЗРИ. Т. XI. Ч. 1. Ст. 4–5. Изд-е 1896 г.).

Что касается иноверцев – мусульман, католиков и представителей других конфессий, к числу которых относилась большая часть населения значительных территорий Кавказа, Польши, Литвы, Украины, Бессарабии, Оренбургской и Уфимской губерний и других регионов в составе Российской Империи, то закон позволял им лишь отправление своего религиозного культа, но воспрещал проповедование своих религиозных учений.

На фоне нарастания оппозиционных настроений в России в начале XX века в контексте требований общей социально-политической модернизации страны все более явственно звучали вопросы необходимости отказа от ограничительной вероисповедной политики, переосмысления роли христианской церкви и ее статуса в столь многонациональном и конфессио-нально неоднородном обществе.

Одной из первых форм диалога российской интеллигенции, духовенства и власти в лице Обер-прокурора Российской империи в обсуждении данных вопросов стали религиозно-философские собрания, которые прошли в Петербурге в 1901–1903 гг., где представителями либеральной части общества открыто подвергли критике действующее положение вещей, определяемое безоговорочным протекторатом государства в вопросах религии и отсутствием свободы вероисповедания. Д. С. Мережковский, Д. В. Filosoфов, В. В. Розанов отстаивали идею возможности подлинного прогресса общества лишь на пути признания свободы религиозных исканий.

В своем докладе князь С. М. Волконский «К характеристике общественных мнений по вопросу о свободе совести» говорил о недопустимости принуждения в делах веры, что противно и самому духу христианства: «Насилие над другими имеет развращающее влияние на совесть того самого большинства, ради которого оно творится. ...Но более растлевающим образом, чем насилие над другими, действует тот характер обязательности, которым обставлена наша принадлежность к православному исповеданию – насилие над нами самими»¹. Итоги данных встреч не получили форму конструктивных решений, но имел значение и сам факт открытой полемики по вопросу признания свободы религиозных исканий.

¹ Записки Петербургских религиозно-философских собраний (1902–1903). СПб, 1906. С. 121.

Зримым шагом на пути к пересмотру правительственного курса и вероисповедного законодательства стал Манифест от 26 февраля 1903 года «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», который закрепил готовность монаршей власти проявить терпимость в делах веры и подвергнуть пересмотру узаконения о правах лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям. Продолжением к принятию действительных мер к устранению стеснений в области религии стал указ 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», где среди прочего говорилось о том, что прекращалось преследование за переход из православной веры в другое христианское исповедание или вероучение.

Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», принятый в ходе событий Первой русской революции 1905–1907 гг., даровал населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

Пришедшее к власти в ходе событий Февральской революции 1917 г. Временное правительство определило в качестве одной из своих приоритетных целей отмену вероисповедных ограничений, во исполнение чего 20 марта 1917 г. им было принято соответствующее постановление, подготовленное министром юстиции А. Керенским, отменяющее все ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности¹.

С установлением советской власти одними из первых ее актов стали Декларация прав народов России от 2 (15) ноября 1917 г., где была закреплена отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, и обращение Совета Народных Комиссаров от 20 ноября 1917 года «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока, в котором новое рабоче-крестьянское правительство заявляло, что «...Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными»².

Декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР от 20 января 1918 г. «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» советская власть провозглашала право каждого гражданина исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, а какие-либо стеснения или ограничения свободы совести не допускались.

С принятием Конституции РСФСР 1918 г. признание свободы совести получило соответствующее отражение в основном законе страны, где

¹ Солженицын А. И. Двести лет вместе. М., 2001. Ч. 2. С. 28.

² Законодательство о религиозных культах: сборник материалов и документов. М., 1971. С. 69.

признавалась свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды за всеми гражданами. Однако в реалии данная формулировка нивелировалась в контексте довлеющей антирелигиозной пропаганды, которая в первые годы установления советской власти приняла форму «воинствующего атеизма». Антирелигиозная пропаганда стала частью государственной политики советского периода, сопровождаясь массовыми нарушениями свободы совести, притеснениями верующих и священнослужителей.

Таким образом, двадцатый век в истории права России прошел под эгидой отделения церкви от государства, в результате чего произошло практически полное устранение юридического аспекта жизнедеятельности Русской Православной Церкви.

Кардинальная смена внутривластного курса во второй половине 80-х годов XX столетия привела к появлению новых векторов развития, определивших изменения в социокультурном пространстве постсоветского общества.

В поисках новых для общественного сознания координат в системе ценностей обращение к религии становится неотъемлемой составляющей проявления свободомыслия. Вектор социокультурного развития переместился в область религиозных исканий, и церковь впервые за долгие десятилетия стала столь широко востребована.

Наиболее знаковым событием, свидетельствующим о переменах в отношениях между государственной властью и церковью, стало масштабное празднование 1000-летия крещения Руси. К торжеству был приурочен целый ряд важных мероприятий, свидетельствующих не только о лояльном отношении государства к Русской Православной Церкви, но и о его намерении выстраивать конструктивный диалог на самом высоком уровне, о чем и было заявлено на встрече, состоявшейся 29 апреля 1988 года между М. С. Горбачевым с патриархом Московским и всея Руси Пименом и членами Синода Русской православной церкви. Тем самым фактически было положено начало процессу активной интеграции Церкви в общественно-политическую жизнь страны, от которой она была изолирована на протяжении практически всего советского периода.

Процесс обновления общественно-политической жизни страны требовал и соответствующих юридических решений, должных отразить необходимо произошедшие изменения в сфере государственно-церковных отношений.

С принятием 1 октября 1990 г. закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» и 25 октября 1990 г. закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» произошел поворот в государственно-конфессиональных отношениях, вследствие чего последовали значительные перемены в правовом статусе РПЦ и других религиозных объедине-

ний: законодательно были не только закреплены принципы светского государства, отделения религиозных организаций от государства и равенства их перед законом и пр., но и предоставлены церковным учреждениям права юридического лица. Религиозные организации могли теперь иметь в праве собственности недвижимость, защищать свои интересы в судебном порядке, пользоваться средствами массовой информации и пр., тем самым, активно участвовать в общественной жизни.

Началась поэтапная передача религиозным организациям зданий и имущества культового назначения. В ведение Русской православной церкви было передано свыше 2 тысяч храмов и монастырей.

Знаковым событием, свидетельствовавшим о кардинальных изменениях организационной формы взаимоотношений государственной власти и религиозных организаций, стало упразднение в ноябре 1991 года Совета по делам религии. Образованный еще в 1965 году при Совете Министров СССР этот орган на протяжении нескольких десятилетий был основным проводником политики советского государства в отношении Русской православной церкви и иных религиозных организаций. Имея достаточно широкие полномочия, включая регистрацию религиозных объединений, Совет, прежде всего, осуществлял контроль за деятельностью таковых. Постановлением Кабинета министров СССР от 26 апреля 1991 г. № 209 «Об утверждении Положения о Совете по делам религий при Кабинете Министров СССР» Совет был лишен регистрационных, распорядительных и контролирующих функций. Данным Положением определялись новые функции Совета по делам религий – информационного, консультативного и экспертного характера. А уже в ноябре того же года Совет по делам религий полностью прекратил свою деятельность. Религиозные организации, и прежде всего, Русская Православная Церковь, освободились от контроля государства.

Новые организационно-правовые формы взаимоотношений государства и Церкви должны были соответствовать тем демократическим принципам, что получили свое закрепление в Конституции Российской Федерации 1993 года, провозгласившей человека, его права и свободы высшей ценностью, гарантирующей свободу совести, свободу вероисповедания, свободу мысли и слова, свободу деятельности общественных организаций.

Для подготовки правовой базы деятельности общественных объединений и религиозных конфессий в январе 1994 году решением Государственной Думы создается Комитет Государственной Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций. А в апреле 1995 года был образован в качестве консультативного новый орган при Президенте РФ – Совет по взаимодействию с религиозными объединениями, основной функцией которого, помимо обеспечения непосредственно взаимодействия

главы государства с религиозными объединениями, было определено содействие укреплению общественного согласия, достижению взаимопонимания, терпимости и взаимного уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания.

Совет определил важнейшей задачей своей деятельности не только выстраивание взаимоотношений между государственной властью и религиозными организациями, но и поддержание межконфессионального диалога. Государство решительно демонстрировало стремление следовать новому демократическому курсу и выстраивать конфессиональную политику в соответствии международными правовыми стандартами в сфере обеспечения свободы совести, вероисповедания и религиозной деятельности.

В свою очередь на Архиерейском Соборе Русской православной церкви 1994 года было принято решение о создании такой социальной доктрины, как всеобъемлющей концепции, отражающей общецерковный взгляд на вопросы церковно-государственных отношений и проблемы современного общества в целом. Были определены и основные направления разработок: богословские основы отношений Церкви с Государством и светским обществом; Церковь и политика; Церковь и национальный вопрос; личная, семейная, общественная и трудовая этика; отношение к собственности; закон и преступность, мораль и право; вопросы биоэтики и экологии; проблемы войны и мира; отношение к науке, культуре, образованию; международные отношения. По сути дела, в социальную доктрину включены все вопросы, касающиеся внешнего (относительно Церкви) мира. В этом документе прежде всего нашли свое отражение учение Церкви и ее официальная позиция по вопросам взаимоотношений с государством и светским обществом.

Однако с принятием в 1997 году ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» позиция государства по вопросу правовой регламентации деятельности и функционирования религиозных объединений подверглась острой критике со стороны ряда правозащитных организаций и представителей различных религиозных конфессий как в России, так и за рубежом. Принятые в 1990 году два нормативно-правовых акта провозгласили равенство граждан и религий, но при этом закон РСФСР в отличие от союзного закона детально прописал и равенство перед законом не только и религий, но и религиозных объединений. Данная норма подчеркивала недопустимость установления государством каких-либо преимуществ или ограничений для одних религиозных организаций по сравнению с другими. Новый Федеральный закон закрепил равенство всех религий и религиозных объединений перед законом. Вместе с тем указание в тексте его преамбулы на особую роль православия в истории России, в становление ее духовности и культуры и перечень «уважаемых» государством религий

вызвало серьезные споры. Данная формулировка поставила под сомнение равный правовой статус всех религиозных конфессий.

В настоящее время Русская Православная Церковь является непосредственным участником общественных отношений в самых различных областях, инициируя активный диалог между представителями общественности, политики, науки, культуры и православного духовенства. Одной из таких форм общения и взаимодействия по важнейшим вопросам общенационального характера в области культуры, экономики, экологии, социальной жизни, укрепления дружеских отношений между народами с 1993 года является Всемирный русский народный собор, образованный по инициативе РПЦ и действующий и поныне под ее эгидой. Согласно уставу Всемирного русского народного собора одной из целей его деятельности определено содействие усилению роли Православной Церкви в жизни общества. Со своей стороны государство положительно отозвалось на подобную инициативу, о чем свидетельствует принятие участие в работе Собора представителей высшего руководства страны. Ряды членов Совета ВРНС объединяют многих известных политиков и общественных деятелей России.

В контексте установившихся на современном этапе отношений между государством и Русской Православной Церковью ее общественно-политическая деятельность и активная позиция по многим остросоциальным вопросам притягивают пристальное внимание общественности. По результатам социологических опросов, проводимых Всероссийским центром изучения общественного мнения, в шкале измерения одобрения деятельности общественных институтов РПЦ занимает второе место, уступая лишь российской армии. Так на ноябрь 2018 года ее деятельность поддерживалась 69% опрошиваемого населения¹. Сегодня мы наблюдаем укрепление позиций Русской Православной Церкви, когда определенная часть общества видит в Церкви тот институт, что в современных условиях способен противостоять тем негативным тенденциям, что характеризуют социальную действительность. Это порождает в обществе споры относительно тезиса о возможно имеющем место сращивании Церкви и государства.

Имеет место отношение к православию как одной из детерминант, которая должна определять социально-политическое развитие российского общества и обеспечивать необходимую культурную легитимацию российской государственности и всего соционормативного порядка, что имеет в

¹https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennykh_institutov/(дата последнего обращения: 15.01.2019).

своей основе опыт многовекового бытия России как христианского государства.

Но апеллируя к истории, необходимо тогда справедливо признавать, что в равной степени ее частью являлась и ограничительная политика власти в отношении иноверцев – мусульман, католиков и представителей других конфессий, к числу которых относилась большая часть населения значительных территорий Кавказа, Польши, Литвы, Украины, Бессарабии, Оренбургской и Уфимской губерний и других регионов в составе Российской Империи. Закон позволял им лишь отправление своего религиозного культа, но воспрещал проповедование своих религиозных учений. Когда лишь с принятием Манифеста 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» в ходе событий Первой русской революции 1905–1907 гг. российским подданным были дарованы монаршей властью незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

В современном многонациональном и поликонфессиональном обществе, каковым является и российское, легитимация социального порядка со стороны одной определенной религии не представляется возможной, в противном случае речь идет о нарушении равного положения в обществе религиозных организаций. И каждое отступление от данного принципа создает потенциальную угрозу столь значимому компромиссу во взаимоотношениях государства и религиозных конфессий и стабильному функционированию социального организма. Выстраивать модель межнационального и межрелигиозного сотрудничества необходимо на основе равного диалога и общности ценностных ориентиров традиционных религий России.

Современная действительность постоянно напоминает нам о том, что нельзя недооценивать власть религиозных институтов и убеждений в определении как отдельных политических событий, так и мировой политики в целом. Характер процессов, отражающих сегодня взаимоотношения государства и различных религиозных институтов не только в России, но и в мире служит предметом непрекращающихся дискуссий. Социально-политическая обстановка во всех уголках планеты так или иначе свидетельствует о сохранении или даже нарастании социальных противоречий, обусловленных конфликтами в том числе на национальной и религиозной почве.

Очевидно, что правовое признание, закрепление и защита свободы совести и вероисповедания личности является необходимым условием нормального бытия и функционирования любого общества, ориентированного на демократические ценности. Любые проекции государством рели-

гиозной идеологии в политическую плоскость имеют потенциальную угрозу столь значимому компромиссу во взаимоотношениях государства и религиозных конфессий, стабильному функционированию социального организма и создают почву для религиозных конфликтов. В этих условиях светское государство может лишь выполнять роль беспристрастного арбитра, удерживая хрупкое равновесие посредством согласования правового поля деятельности различных конфессий.

В контексте процесса общей глобализации мы наблюдаем стремление международного сообщества к унификации правового регулирования общественных отношений в области конфессиональных отношений, с целью чего уже выработаны определенные международные стандарты. В их основе лежат принципы, закрепленные Всеобщей декларацией прав человека 1948 г., Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и рядом других документов, направленных на обеспечение реализации свободы совести, формирование конфессиональной толерантности и общественного согласия.

Но вместе с тем коллективная память каждого народа, национальное самосознание во многом определяются религиозными корнями. Религия по-прежнему для значительной части человечества является одним из важнейших факторов самоидентификации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ исторического развития России, показывает, что проблема обеспечения стабильности и безопасности многонационального государства напрямую связана с решением вопроса о совершенствовании федеративных отношений с учетом исторического опыта регулирования национальных отношений. И прежде всего, необходимо учитывать те выводы, что были продиктованы длительным периодом в нашей истории деформации принципов национальной политики, грубые нарушения самой идеологии демократизма и интернационализма, стремление к «упрощению» национальной структуры страны, сопровождавшееся негативным отношением к самому факту существования национальных групп.

И в этой связи решение вопросов, связанных со сферой регулирования межнациональных отношений, требует взвешенного подхода, в рамках которого возникает вопрос о необходимости разработки и принятия комплексной доктрины национальной политики с позиции кардинального переосмысления определяющих параметров в части, касающейся ее идеологической составляющей. Опыт прошлого свидетельствует против реконструкции базовой идеологии советского периода: развитие национальных культур в условиях формирования единой межнациональной общности, пропаганда интернационализма в повседневной жизни общества.

Следует признать, что уже сыграли свою роль созданные в свое время федеральные округа, которые во многом способствовали оптимизации взаимоотношений органов власти в центре и в регионах. В этом смысле высшим должностным лицам государства следует дать более четко выраженный посыл в плане всеобъемлющего обоснования необходимости разработки долговременной стратегии национальной политики государства.

С этой целью целесообразно рассмотреть вопрос о разработке целого пакета программ, которые бы способствовали государственной поддержке развития национальных культур в Российской Федерации. В этом направлении уже накоплен определенный позитивный опыт. Однако здесь придется говорить лишь о начале процесса, который требует своего развития. Необходимо констатировать отсутствие общефедеральной программы содействия развития национального языка и культуры. Данное направление фактически получает свою поддержку на организационном и финансовом уровне только в регионах. В плане реализации указанного вида деятельности следует преодолеть возможный рецидив «культурно-национальной автономии», когда все вопросы сводятся к обоснованию поддержки представителей «титულიной» нации.

Наконец, реализация всесторонней государственной программы национальной политики невозможна без кардинальных изменений в под-

ходах государства к вопросам развития воспитания, роли идеологии в жизни российского общества. В любом современном обществе существует множество способов и форм этнокультурного конструирования и трансляции информации: публицистика, кинематограф, школьное образование и т. д.

Общеизвестен факт, что за последние два десятилетия данные проблемы фактически выпали из сферы государственной политики. Полагаем, что внедрение в общественную идеологию посредством воздействия через средства массовой информации основных параметров доктрины многонационального разнообразия России в доступной для широкой аудитории форме, например, посредством авторских телевизионных и радиопередач, будет иметь положительный результат. В этой связи можно сослаться на цикл мультипликационных фильмов под общим названием «Гора самоцветов», где детям воспроизводятся сказки народов России. Вызывает интерес сюжетное начало всех фильмов, где в доступной форме делается небольшая историко-географический экскурс, посвященный одному из народов нашей страны. В подобном направлении следует разрабатывать целую сеть различных телевизионных передач, предназначенных для телезрителей независимо от возрастных различий.

Важным направлением в развитии информационной системы в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений является максимальное использование возможностей Интернет-ресурсов. Целесообразно на общегосударственном уровне организовать различные конкурсы по созданию порталов национальных культур и языков, инициировать подготовку программ, которые в яркой и содержательной манере будут воспроизводить историю и современную жизнь народов, населяющих территорию российской Федерации.

Особого внимания заслуживает развитие этнокультурной инфраструктуры: центров национальной культуры народов Российской Федерации, этнопарков, этнодеревень и иных организаций.

В эпоху глобализации не исчезают, а наоборот, обретают особое значение многие элементы этнической идентичности, а традиционные виды национального искусства, ремесел, спорта становятся успешными мировыми брендами, укрепляют привлекательность государств и народов в глазах всего человечества¹.

Посредством поддержания национальных обычаев, значимых символов, присущих данной этнической культуре, языка сохраняется нацио-

¹ Соборное слово XXI Всемирного русского народного собора по теме «Россия в XXI веке. Исторический опыт и перспективы развития» // <http://www.patriarchia.ru/db/text/5070652.html>. (дата последнего обращения: 28.01.2019).

нальная самобытность, объединяющая людей в общество на основе единой системы ценностных координат, позволяя осуществлять индивидууму самоидентификацию, чувствовать свою принадлежность к определенному социуму, осознавать свою политическую принадлежность.

Задаваясь вопросом – в чем состоит идентификация людей с их нацией, какому внутреннему опыту она соответствует, Курт Хюбнер определяет идентификацию не как акт воли или свободного решения, а дает ей определение – судьба: «Человек со своим родным языком, детством и юностью, которые накладывают на него неизгладимый отпечаток, самим фактом своего рождения принадлежит своей нации, безразлично, идет ли речь о нациях мононационального или многонационального государства... Национальное сознание наличествует всегда, пусть и в латентной форме, и не может быть искоренено, а реакция на его вытеснение или даже подавление может привести к опасному взрыву»¹.

Необходимость продуманного подхода к указанным шагам предполагает наличие строго выверенного подхода на основе научного анализа, который требует учета исторических, культурных традиций развития общества. Подобная взвешенность приобретает особое значение в условиях многонационального государства. История государственно-правового развития Российской Федерации во многом подтверждает справедливость подобного подхода.

Перед современным российским обществом стоит задача динамичной и эффективной модернизации с целью полноценной его интеграции в европейское цивилизационное пространство при сохранении важных фундаментальных национально-государственных характеристик.

Однако и для многих европейских государств, в сравнении с Россией отличающихся значительно большей монолитностью по своему национальному составу, сегодня достаточно остро стоит проблема взаимоотношений национальных меньшинств с представителями так называемых титульных наций, что в настоящее время имеет ярко выраженные международно-правовые последствия, поскольку ее решение невозможно без определения соотношения понятий «суверенитет» и «право наций на самоопределение».

Ярким примером тому является каталонский вопрос в Испании. Каталония на протяжении всей истории с момента утраты своей независимости в 1714 году вела непрерывную борьбу против испанской монархии за автономию. Имея сегодня статус автономии в составе королевства Испании, Каталония представляет собой наиболее развитый экономически район Испании, отчисляя в центральный бюджет ежегодно 15 миллиардов ев-

¹Хюбнер К. Нация: от забвения к возрождению. М., 2001. С. 345–346.

ро, что превышает те суммы, что ей возвращается. На этом фоне политика восполнения дефицита бюджета страны правительством за счет Каталонии выступила катализатором нарастания недовольства ее населением данным положением, что нашло свое отражение в победе на выборах сепаратистки настроенных партий, взявших курс под лозунгом «Каталония – новое государство Европы». В то время как конституционный механизм Испании не предусматривает свободного выхода из состава страны, устанавливая «неразрывное единство испанской нации».

Сложившаяся сегодня международно-правовая база позволяет своеобразно трактовать возникающие между национальными группами противоречия в ту или иную сторону в зависимости от политической конъюнктуры. Такое положение не только обостряет кризис, доводя его до конфликта, но и обрекает его на неразрешимость, не давая возможности воздействия международному сообществу в позитивном ключе влиять на конкретную ситуацию.

Сегодня сам по себе термин «право наций на самоопределение» имеет неустойчивую правовую основу реализации самого этого права, не проработаны и не институционализированы форма и нормативная база самоопределения наций, в результате неизбежно возникает серьезное противоречие между создаваемой мононациональной политической структурой и многонациональным государством, что неизбежно приводит к кризису.

Влияние национально-демографического фактора на стабильное развитие нового многонационального государственного образования на определенном витке его развития при определенных условиях в большинстве случаев может принять разрушительный характер. Сложность проблемы заключается в том, что социальная, демографическая и экономическая составляющие на этих территориях к моменту самоопределения республики, приводящей к отделению, претерпевают значительные изменения. И в данном случае конструктивным стержнем движения к децентрализации становятся идеи возрождения национальной независимости, что, как правило, имеет историческую основу. Одновременно, с позиции общенациональных интересов, подобные инициативы справедливо могут быть оценены как несправедливые по отношению к другим группам населения, не инициировавших действий, приведших к распаду государственности. И безотносительно понимания причин таких изменений попытки лишь силовыми методами вернуть ситуацию к начальному состоянию являются, как правило, неконструктивными.

Исторический опыт показал преобладания в мировой практике двух подходов к регулированию этой проблемы. Первый – политика интеграции национальных меньшинств в существующую социальную структуру государства, которая может осуществляться либо путем ассимиляции нацио-

нального меньшинства или посредством создания какой-либо формы автономии внутри единого государственного образования. Второй – политика дискриминации национальных меньшинств в политической, экономической и социальных областях, ведущая к их постепенному «исключению» из общественно-политической жизни страны.

Анализ тенденций развития различных государств дает основание считать, что наиболее мягкой, не ведущей к конфликтам формой взаимоотношений национальных групп при самоопределении является интеграция национальных меньшинств в новое государство на основе автономии, не приводящей к возникновению территориальных проблем за счет делегирования центральной властью части своих полномочий местным органам власти. Яркий пример деволюции являет собой конституционно-правовая практика Великобритании, предоставившей особый статус Шотландии, Северной Ирландии и Уэльсу.

Гибкий подход в вопросах государственно-территориального устройства позволяет выстраивать различные модели взаимодействия центра и регионов с учетом различных факторов, и прежде всего исторических аспектов. Естественно, что немалое значение имеет также точное определение долговременных последствий подобного решения проблемы.

На примере Великобритании мы можем наблюдать ситуацию, когда в контексте современных интеграционных процессов происходит серьезная корреляция сферы внутринациональных отношений под воздействием внешнеполитического фактора. Свидетельством являются итоги референдума 23 июня 2016 года о выходе Великобритании из ЕС: если большинство жителей Англии (кроме Лондона) и Уэльса выступили за выход из состава Европейского союза, то большинство шотландцев и жителей Северной Ирландии высказались против – 66,6 % голосов в Глазго и 74,4% в Эдинбурге (62% по Шотландии в целом, и 55,8 % – в Северной Ирландии) люди отдали за сохранение единства Британии и ЕС, связывая свое будущее с Евросоюзом.

В современном мире основным вектором, определяющим характер процесса глобализации, является стремление государств к экономической интеграции, основанной на господстве рыночных систем.

Выход Великобритании из ЕС будет иметь долгосрочные последствия как для Евросоюза, так и для британской экономики. Европейский Союз – это прежде всего «единый рынок» и свобода передвижения и перемещения товаров, утрата которых напрямую затронет интересы многих производителей и предпринимателей.

Это свидетельство в пользу того, что интеграция экономик отдельных национальных государств в единое рыночное хозяйство увеличивает удельный вес регионов в определении общей внешней стратегии государ-

ства, стремящихся к большему влиянию и независимости в целях защиты своих интересов связи с возможными неблагоприятными последствиями.

Современная экономика требует непрерывного наращивания конкурентоспособности, что в условиях господства глобальной экономики создает объективные сложности для менее развитых государств или отдельных регионов и преимущества, и наоборот создает дополнительные возможности для развитых экономик. Прослеживается очевидная зависимость возможности интеграции экономик отдельных национальных государств в мировое хозяйство от уровня их развития: чем слабее экономика, тем меньше шансов для ее успешной интеграции в мировое экономическое пространство.

Целесообразно осторожнее и глубже подходить не только к исследованию возможностей решения проблем межнациональных отношений в проекции «центр – регионы» посредством создания различных форм автономии, таких, как территориальной или функциональной, к которым пытаются подойти некоторые нации, добивающиеся самоопределения, но и принимать во внимание глобальное влияние интеграционных процессов на внутригосударственную политику.

Тем более, что положительный опыт гибкой политики государств в вопросах евроинтеграции в отношении автономных регионов имеется. Примером тому является статус Фарерских островов, представляющих автономный регион в составе Королевства Дании. Как составная часть Королевства Фареры обладают самостоятельной международной правосубъектностью, но они добились особого статуса и не вошли в состав Европейского союза, против чего высказалось большинство населения островов в ходе референдума 1972 года. В то время как Дания является членом ЕС с 1973 года, оговорив при вхождении в сообщество неучастие в нем Фарерских островов. Таким образом, например, Фареры не подпадают под систему квот ЕС и осуществляют ловлю рыбы вне зависимости от ограничений в рамках Евросоюза.

От того, насколько центральная правительственная власть способна эффективно защитить интересы отдельных регионов, а применительно к федеративным государствам – субъектов федерации зависит стабильность и упрочение государственного единства.

Защита национальных интересов многонационального государства должна обеспечиваться в единстве различных составляющих – будь то теоретизированные официально утвержденные взгляды и представления, принципы и правовые нормы о формах, средствах и механизме защиты жизненно важных интересов личности, общества, государства, закрепленные как в международном, так и национальном законодательстве, отражая комплексный подход в реализации национальной политики, с учетом объ-

ективных реалий как во вне, так и внутри государства, учитывая особенности исторического, геополитического и культурологического его развития.

Продолжая возделывать и приумножать мир у себя, Россия может стать историческим примером устойчивого эволюционного развития, основанного на диалоге и взаимопонимании, опирающемся на национальные традиции и современные институты демократии и правового государства¹.

¹ Соборное слово XXI Всемирного русского народного собора по теме «Россия в XXI веке. Исторический опыт и перспективы развития» // <http://www.patriarchia.ru/db/text/5070652.html>. (дата обращения: 26.11.2018).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Законодательные и другие нормативно-правовые акты:

1. Конституция Российской Федерации. М.: Приор, 2001.
2. О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя: федеральный конституционный закон от 21.03.2014 № 6-ФКЗ (ред. от 25.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 24.03.2014. № 12. Ст. 1201.
3. О средствах массовой информации: закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 18.04.2018, с изм. от 17.01.2019) // Ведомости СНД и ВС РФ. 13.02.1992. № 7. Ст. 300.
4. О свободе совести и о религиозных объединениях: федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125 // Российская газета. 1997. 1 октября.
5. О гражданстве Российской Федерации: федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 03.06.2002. № 22. Ст. 2031.
6. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон // Собрание законодательства РФ. 06.10.2003. № 40. Ст. 3822.
7. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: федеральный закон // Собрание законодательства РФ. 18.10.1999. № 42. Ст. 5005.
8. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: федеральный закон // Собрание законодательства РФ. 03.05.1999. № 18. Ст. 2208.
9. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы: указ Президента Российской Федерации от 31.10.2018 № 622 // Собрание законодательства Российской Федерации от 2018 г. № 45. Ст. 6917.
10. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 № 640 // Собрание законодательства Российской Федерации от 2016 г. № 49. Ст. 6886.
11. Об утверждении Концепции государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию: указ Президента Российской Федерации от 20.04.2014 № 259 // Собрание законодательства Российской Федерации от 2014 г. № 17. Ст. 2036.
12. Об утверждении Концепции программы краткосрочных ознакомительных поездок в Российскую Федерацию молодых представителей

политических, общественных, научных и деловых кругов иностранных государств: указ Президента Российской Федерации от 19.10.2011 № 1394 // Собрание законодательства Российской Федерации от 2011 г. № 43. Ст. 6028.

13. Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 № 1351 // Собрание законодательства Российской Федерации от 2007 г. № 42. Ст. 5009.

14. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 // Собрание законодательства Российской Федерации от 2017 г. № 20. Ст. 2902.

15. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы: указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 // Собрание законодательства Российской Федерации от 2017 г. № 20. Ст. 2901.

16. О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента Российской Федерации от 19.04.2017 № 176 // Собрание законодательства Российской Федерации от 2017 г. № 17. Ст. 2546.

17. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 // Собрание законодательства Российской Федерации от 2016 г. № 1. Ст. 212 (часть II).

18. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 // Собрание законодательства Российской Федерации от 2012 г. № 52. Ст. 7477.

19. Об утверждении Основ государственной культурной политики: указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 // Собрание законодательства РФ. 29.12.2014. № 52 (часть I). Ст. 7753.

20. О реализации Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года в субъектах Российской Федерации: постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 01.02.2017 № 20-СФ // Собрание законодательства Российской Федерации от 2017 г. № 6. Ст. 883.

21. О Концепции реализации государственной политики в сфере обустройства государственной границы Российской Федерации: распоряжение Правительства Российской Федерации от 11.09.2008 № 1309-р // Собрание законодательства Российской Федерации от 2008 г. № 38. Ст. 4334.

22. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правитель-

ства РФ от 17.11.2008 № 1662-р // Собрание законодательства РФ. 24.11.2008. № 47. Ст. 5489.

23. Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р // Собрание законодательства РФ. 15.12.2014. № 50. Ст. 7185.

1.1. Исторические нормативные акты:

24. Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях: сборник документов и материалов / сост. Ф. Х. Гумеров. Уфа: Китап, 1999.

25. Свод учреждений и уставов управления духовных дел христианских и иноверных иностранных исповеданий // СЗРИ. Т. XI, ч. 1. Изд-е 1896 г.

26. Справка по вопросу об отношении церковного законодательства к государственному: составлена Законодательным отделением Канцелярии Государственной думы: 2-е изд., значит. доп. С.-Пб.: Гос. Тип., 1914.

27. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. / Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти томах / под общ.ред. О. И. Чистякова. Москва: Юрид. лит., 1988. Т. 6. С. 214–232.

28. Устав благочиния или полицейский от 08.04.1782 г. // ПСЗ-1. Т. XXI. № 15379.

29. Устав духовных консисторий 1841 г. // СПб., 1883 г.

30. Устав о предупреждении и пресечении преступлений 1876 г. // СЗРИ. Т. XIV.

31. Уголовное уложение 1903 г. // Российское законодательство X–XX вв. Т. 9. М., 1994. С. 240–320.

2. Научная литература:

32. Аксаков И. С. О судебной реформе / Сочинения. В 5 т. Т. 4. Москва, 1886.

33. Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия. Москва: Статут, 2000.

34. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. Москва: Статут, 1999.

35. Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. Москва: Издательство политической литературы, 1983.

36. Арапов Д. Ю. Мусульманский мир в восприятии верхов Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 4. С. 132–137.

37. Арапов Д. Ю. Мусульманский мир в восприятии верхов Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 4. С. 132–137.

38. Актуальные проблемы права и государства в XXI веке: материалы Международной научно-практической конференции, 9–10 апреля 2009 года. В 7 ч. / Уфимский ЮИ МВД РФ; под ред. Ф. Б. Мухаметшина. Уфа, 2009. Ч. 2.

39. Белла Р. Религиозный индивидуализм и религиозный плюрализм / Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / сост. В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. Москва, 1996. С. 677–699.

40. Блехер Л. И., Любарский Г. Ю. Главный русский спор: от западников и славянофилов до глобализма и Нового Средневековья. Москва: Академический проект, 2003.

41. Большой энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1998.

42. Брежнев Л. И. Лениным курсом. Речи и статьи. Т.6. Москва: Политиздат, 1978.

43. Булгаков С. Н. Неотложная задача (О союзе христианской политики) // Христианский социализм. Новосибирск: Наука, 1991.

44. Бессарабов А. Н. Современная западноевропейская социал-демократия в контексте глобализации : монография. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД РФ, 2003.

45. Балаклеец И. И. Правовая культура в условиях модернизации России: реалии, тенденции и перспективы: автореф. дис. . канд. юрид. наук; Калининградский юрид. ин-т России. Казань, 2012.

46. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / сост. В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. Москва, 1996.

47. Вебер М. Социология религии // Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира / Избран. произведения. Москва, 1990.

48. Вышеславцев Б. П. Социальный вопрос и ценность демократии // Новый град. Париж, 1932. № 2. С. 46.

49. Верещагин В. Ю., Цуканова О. И. Национальная государственность в условиях глобализации: монография / Северо-Кавказский научный центр высшей школы МО РФ, РЮИ МВД РФ. Ростов-на-Дону, 2009.

50. Гавриш М. А. Евразийское измерение современного российского политического процесса: монография. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД РФ, 2006.

51. Глобальные и региональные факторы правового обеспечения национальной безопасности: сборник материалов Международной научно-практической конференции, 26–27 октября 2006 г. Ч. 1 / отв. ред. П. П. Баранов, В. Ю. Верещагин. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2006.

52. Государство, право, общество (вопросы теории, истории и практики): сборник научных статей / под ред. Ф. Б. Мухаметшина; Уфимский

ЮИ МВД РФ, Кафедра государственно-правовых дисциплин. Уфа: Уфимский ЮИ МВД РФ, 2009. Сб. ст. приурочен к 20-летию создания кафедры гос.-правовых дисциплин Уфимского ЮИ МВД РФ, подготовлен на основе «круглого стола», 24 апреля 2008 г.

53. Грачев Н. И. Государственный суверенитет и формы территориальной организации современного государства: основные закономерности и тенденции развития: монография. М.; Волгоград: Книгодел : Изд-во Волгоградского ин-та экономики, социологии и права, 2009.

54. Дмитриева О. В., Третьяков А. В., Чернов В. В. Англиканская Церковь / Православная энциклопедия //URL: <http://www.pravenc.ru/text/115120.html>.

55. Духовные основы государственности и правопорядка: сб. тезисов докладов и сообщений на всероссийской научно-практ. конф., 25 мая 2012 года / ред. кол.: В. А. Иоголевич [и др.]. Тюмень: ТИПК МВД России, 2012.

56. Дроздов Ю. И., Илларионов С. И. Политическая элита России. Москва: «РИЦ "ПрофЭко"», 2007.

57. Еникеев З. И., Еникеев А. З. История государства и права Башкортостана. Уфа: Китап, 2007.

58. Зубкова Е. Ю. Власть и развитие этноконфликтной ситуации в СССР 1953–1985 годы // Отечественная история. 2004. № 4. С. 3–32.

59. Исаев А. А. Бытие и существование человеческого и божественного в средневековой философии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы Теории и практики. 2016. № 8 (70). С. 87.

60. Игнатъев Д. В. Интересы и функции в условиях глобализации // Право и государство: теория и практика. 2008. № 6. С. 15–17.

61. История Европы Т. 2. Средневековая Европа. Москва, 1992. С. 120.

62. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Москва, 2000.

63. Ключевский В. О. Русская история. Москва: ЭКСПО, 2005.

64. Конституция, закон и социальная сфера общества : материалы научно-практической конференции, (Москва, 1 декабря 2008 г.) / Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров. Москва: Юриспруденция, 2009.

65. Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001.

66. Кочетков А. П., Кочетков А. А. Нужна ли России идеология в XXI веке? Москва: ЭДАС-Информ, 2004.

67. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века / пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева; Центр исследований постиндустриального общества. Москва: Ладомир, 2002.
68. Лукашук И. И. Глобализация, государство, право, XXI век. Москва: Спарк, 2000.
69. Лукашева Е. А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение / Ин-т государства и права РАН. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2013.
70. Лукьянова Е. Г. Глобализация и правовая система России. Основные направления развития. Москва: Норма, 2006.
71. Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. Москва: Проспект, 2008.
72. Марченко М. Н. Проблема соотношения экономической власти бизнеса с политической властью государства в эпоху глобализации // Журнал российского права. 2008. № 1. С. 76–84.
73. Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. М., 1988.
74. Международные и национальные механизмы защиты прав и свобод человека: материалы всероссийской научно-практической конференции: в 2 ч., Ч. 1 / отв. ред. Р. В. Нигматуллин; Российская акад. юрид. наук, Уфимский ЮИ МВД РФ, БашГУ. Уфа: Уфимский ЮИ МВД РФ, 2003.
75. Медведев Р. А. Андропов. Москва: Молодая гвардия, 2006.
76. Морган Г. Религиозный фанатизм // Религия и право. № 2-3. 1997.
77. Миянов Р. А. Интеграция России в единое мировое экономическое пространство: монография. Уфа: БАГСУ, 2006.
78. Национальная идентичность, права человека и этнических меньшинств в условиях глобализации: материалы Международного научно-практического семинара / отв. ред. А. А. Контарев, В. В. Попов: МВД РФ, Ростовский пед. ин-т МВД России. Ростов-на-Дону, Таганрог: Таганрогский гос. пед. ин-т, 2007.
79. Павлов А. 50-я глава Кормчей книги как исторический и практический источник русского брачного права. Москва: Унив. тип. (М. Катков), 1887.
80. Парсонс Т. Общий обзор // Американская социология. Москва, 1972.
81. Перевалов В. Д. Теория государства и права. Москва: Издательство ЮРАЙТ, 2005.
82. Правовая культура в эпоху глобализации: сборник научных трудов / под ред. К. А. Даллакяна. Уфа: Уфимский ЮИ МВД РФ, 2010.
83. Психоанализ и религия / Э. Фромм // Сумерки богов: под ред. А. А. Яковлева. Москва: Политиздат, 1989.

84. Права человека и процессы глобализации современного мира / отв. ред. Е. А. Лукашева; Ин-т гос. и права РАН. Москва: Норма, 2007.

85. Правовая система и вызовы современности: материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых 6–10 декабря 2004 г. / отв. ред. В. С. Калмацкий. Уфа: РИО БашГУ, 2004.

86. Права человека и процессы глобализации современного мира / отв. ред. Е. А. Лукашева; Ин-т гос. и права РАН. Москва: Норма, 2007.

87. Права человека: итоги века, тенденции, перспективы: монография / под общ. ред. Е. А. Лукашевой. Москва: НОРМА, 2002.

88. Правотворчество и технико-юридические проблемы формирования системы российского законодательства в условиях глобализации: сборник статей / под общ. ред. С. В. Полениной, В. М. Баранова, Е. В. Скурко; Ин-т гос. и права РАН, Нижегородский исслед. научно-прикладной центр «Юридическая техника». Москва; Нижний Новгород, 2007.

89. Проблемы прав человека и этнических меньшинств: материалы международного семинара Совета Европы / под ред. О. Д. Нациевского; ГУ по правам человека Совета Европы, МВД РФ, Челябинский юрид. ин-т. Челябинск: ЧЮИ МВД РФ, 2006.

90. Пчелинцев С. В. Проблемы ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов: монография. Москва: Норма, 2006.

91. Раянов Ф. М. Проблемы теории и практики правового государства. Уфа: АН РБ, Гилем, 2013.

92. Религиозный элемент в отношениях между людьми / Г. Зиммель // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии. Москва, 1996. С. 209–226.

93. Русская Православная церковь и право: комментарий: комментарий законодательства / М. И. Ильичев [и др.] ; под ред. М. И. Ильичева. Москва: Издательство БЕК, 1999.

94. Религиозная ситуация в российских регионах: тезисы докладов и сообщений Пятой всероссийской научно-практической конференции, (20–21 октября 2016 г.) / отв. за вып. Л. В. Денисова, А. А. Морозов. Омск: Омская академия МВД России, 2016.

95. Российское общество и государство: политика, экономика, право: сборник научных статей / науч. ред. С. Н. Лаврентьев. Уфа: БАГСУ, 2006.

96. Сафин У. З., Рахматуллин М. А. Актуальные проблемы мировой экономики и экономическая безопасность государства: монография. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2015.

97. Слово Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XXII Всемирного русского народного собора //URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5295249.html>.

98. Соборное слово XXI Всемирного русского народного собора по теме «Россия в XXI веке. Исторический опыт и перспективы развития» // <http://www.patriarchia.ru/db/text/5070652.html>.

99. Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соб. соч. в 2 томах. Т. 2. Москва: Мысль, 1988.

100. Судьба России в эпоху глобализации: материалы Всероссийской межвузовской научно-практической конференции, 15–16 мая 2009 г. / УЮИ МВД РФ; под ред. Ф. Б. Мухаметшина. Уфа, 2009.

101. Социология религии / Р. Белла // Американская социология: Проблемы, перспективы, методы. Москва: Прогресс, 1972. С. 265–281.

102. Союз можно было сохранить. Белая книга: Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: АСТ, 2007.

103. Сталин И. В. Национальный вопрос и ленинизм // Соч. Т. 11. Москва: ГИПЛ, 1949.

104. Султанов А. Х. Право наций на самоопределение: теория и практика: монография. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2016.

105. Султанов А. Х. Многонациональные государства и глобализация // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2011. № 6. С. 183–185.

106. Степанова А. А. Государство, собственность современной России: вопросы взаимодействия и соотношения: монография. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2016.

107. Сандугей А. Н. Правовые и организационные проблемы обеспечения миграции населения при чрезвычайных ситуациях: монография. М.: ВНИИ МВД России, 2009.

108. Смирнов С. В. Суверенитет современного государства в условиях глобализации: вопросы теории и практики: автореф. дис. . дис. на соискание ученой степени канд. юрид. наук. Ульяновский гос. ун-т. Казань, 2011.

109. Фарукшин М. Х. Судьбы федерализма в условиях глобализации // Политекс. 2010. Том 6. № 2. С. 82–98.

110. Фостер Д. Б. Откровенный империализм – «бремя белого человека»; пер. с англ. В. Л. Артемова. Москва: Поколение, 2007.

111. Чернышева О. Первые итоги отделения Шведской церкви от государства. 2000–2011 гг. // Грани сотрудничества: Россия и Северная Европа: сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. И. Р. Такала, И. М. Соломец. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. С. 277–278.

112. ЧжаоЧанцин. Распад Советского Союза под национальным углом зрения // Новая и Новейшая история. 2004. № 3. С. 86–95.

113. Чугунова Е. С. Конституционное право на высшее образование в Российской Федерации в условиях глобализации: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. юрид. наук. Поволжский кооперативный ин-т (филиал) Российского ун-та кооперации. М., 2010.

114. Чолахян А. В. Соотношение российской и мировых правовых систем: автореф. дис. . дис. на соискание ученой степени канд. юрид. наук. Саратов: Саратовская гос. академия права, 2008.

115. Шахрай С. М. Государство и глобализация: методологические и политико-правовые проблемы / под общ. ред. Сальникова В. П.; СПб ун-т МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. СПб.: Фонд Университет, 2005.

116. Шахрай С. М. Глобализация. Государство. Право : теоретико-методологические проблемы (вопросы теории и практики) : монография. Москва: ГНИИ системного анализа Счетной Палаты РФ, 2003.

117. Эбзеев Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. Москва: Норма, 2007. В со-держ. также: Принципы 1789 г. / Шантавуан А.

118. Эбзеев Б. С. Введение в Конституцию России: монография. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2015.

119. Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: монография. Изд. 2-е, перераб. и доп. Москва: Проспект, 2013.

120. Яжборовская И. С. Трансформация Восточной Европы в конце XX века // Вопросы истории. 2007. № 6. С. 17–37.

121. Adhoracja Apostolska «Ecclesiain Europa». <https://www.socionauki.ru/journal/articles/145684/>

122. Konstytucja UE. <http://www.europap.com.pl/cgiin/raporty.pl?rap=68&dep=5812&lista=1>.

123. Erasmus. Slouching towards secularism. The Economist, December, 20 th, 2016.

124. Ohmae K. The Rise of Region State // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. N 2. P. 78-87.

125. Sturm R. Germany – United But Not Uniform. The Revival of Regional Pluralism // Regional Pluralism and Good Governance: Problems and Solutions in ASEAN and EU-countries. Bad Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 1999. P. 142-143.

126. Steven W.Hook and John Spanier.AmericanForeing Policy since World War II. Washington. 2000.

127. The Economist. 2003. 30 August.

128. The Economist. 2006. 14th - 20th January.

129. The Guardian. 2014. 22 August.

130. The Guardian. 2014. 12 September.
131. The Observer. 2014. 17 May.
132. The Observer. 30 August. 2014.
133. The original text of Henry VIII's 1534 Act of Supremacy. URL: <http://www.britainexpress.com/History/tudor/supremacy-henry-text.htm>.
134. URL: www.nenovosty.ru/prava-cheloveka.html (дата обращения 19.12.2013).
135. <http://www.patriarchia.ru/db/text/5295249.html>
136. https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshestvennykh_institutov/

3. Учебная литература

137. Внешнеэкономическая безопасность России в условиях глобализации: экономико-правовые аспекты : учебное пособие / И. П. Белозеров [и др.]. Омск: Омская академия МВД России, 2006.
138. Головистикова А. Н., Грудцына Л. Ю. Права человека: учебник. Москва: Эксмо, 2008.
139. Гурова И. П. Мировая экономика: учебник. Москва: Омега-Л, 2007.
140. Горелов А. А. Политология: учебник. Москва: Эксмо, 2006.
141. Дергачев В. А. Международные экономические отношения: учебник. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
142. Жириновский В. В., Васецкий Н. А. Социология мировой политики: учебное пособие / под ред. А. Г. Дугина. Москва: ЛДПР, 2012.
143. Кожевников В. В., Коженевский В. Б., Рыбаков В. А. Теория государства и права: учебник /отв. ред. В. В. Кожевников. Москва: Проспект, 2017.
144. Кочергина Т. Е. Мировая экономика: учебник. Изд. 2-е, доп. и перераб. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008.
145. Ломакин В. К. Мировая экономика: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2012.
146. Марченко М. Н. Проблемы общей теории государства и права (государство): учебник: в 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2007. Т. 1.
147. Политология // С. Н. Бабурин [и др.]; отв. ред. Б. Н. Бессонов; М-во экон. развития и торговли РФ, Рос. гос. торгово-экон. ун-т. Москва: Норма, 2007.
148. Рассказов Л. П. Теория государства и права: учебник. 6-е изд. Москва: РИОР: ИНФРА-М, 2014.
149. Савицкий А. Г. Национальная безопасность. Россия в мире: учебник. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2012.

150. Теория государства и права: учебник / под ред. М. Н. Марченко; МГУ. Москва: Зерцало, 2004.

151. Философия права. Курс лекций: учебное пособие: в 2 т. МГУ / отв. ред. М. Н. Марченко. Москва: Проспект, 2013. Т. 1.

152. Халиков А. Н. Философия права: учебник. Москва: РИОР: ИН-ФРА-М, 2017.

153. Чистяков Н. М. Теория государства и права: учебное пособие. Финансовый университет при Правительстве РФ. Москва: Кнорус, 2016.

**Извлечение из Указа Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666
«О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»**

II. Современное состояние межнациональных (межэтнических) отношений в Российской Федерации

9. Российская Федерация является одним из крупнейших многонациональных (полиэтнических) государств мира. На ее территории проживают представители свыше 190 национальностей (по данным Всероссийской переписи населения 2010 года, сформированным на основе самоопределения граждан). Большинство народов России на протяжении веков формировались на территории современного Российского государства и внесли свой вклад в развитие российской государственности и культуры.

10. Этнокультурное и языковое многообразие Российской Федерации защищено государством. В Российской Федерации используется 277 языков и диалектов, в государственной системе образования используется 105 языков, из них 24 – в качестве языка обучения, 81 – в качестве учебного предмета.

11. Российское государство создавалось как единение народов, системообразующим звеном которого исторически являлся русский народ. Благодаря объединяющей роли русского народа, многовековому межкультурному и межэтническому взаимодействию на исторической территории Российского государства сформировались уникальное культурное многообразие и духовная общность различных народов, приверженных единым принципам и ценностям, таким как патриотизм, служение Отечеству, семья, созидательный труд, гуманизм, социальная справедливость, взаимопомощь и коллективизм.

11.1. Общероссийская гражданская идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, присущей всем народам, населяющим Российскую Федерацию. Современное российское общество объединяет единый культурный (цивилизационный) код, который основан на сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации и в котором заключены такие основополагающие общечеловеческие принципы, как уважение самобытных традиций народов, населяющих Российскую Федерацию, и интегрирование их лучших достижений в единую российскую культуру.

12. Этнокультурное и языковое многообразие Российской Федерации, исторический опыт межкультурного и межрелигиозного взаимодей-

ствия являются достоянием многонационального народа Российской Федерации (российской нации), служат укреплению российской государственности и дальнейшему развитию межнациональных (межэтнических) отношений в Российской Федерации.

13. За период реализации настоящей Стратегии с 2012 по 2018 год достигнуты существенные результаты в обеспечении межнационального мира и согласия в Российской Федерации. По итогам социологических опросов 78,4 процента граждан от общего количества опрошенных положительно оценивают состояние межнациональных (межэтнических) отношений, 93 процента граждан отмечают отсутствие в отношении себя дискриминации по признаку национальной, языковой или религиозной принадлежности, при этом уровень общероссийской гражданской идентичности составил 84 процента.

13.1. Важными этапами в решении вопросов государственной национальной политики Российской Федерации стали создание федерального органа исполнительной власти, наделенного полномочиями по выработке и реализации государственной национальной политики, принятие законодательных актов Российской Федерации, устанавливающих ответственность органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и их должностных лиц за нарушения в сфере межнациональных (межэтнических) отношений, учреждение премии Президента Российской Федерации за вклад в укрепление единства российской нации. В рамках Всероссийского конкурса «Лучшая муниципальная практика» учреждена номинация «Укрепление межнационального мира и согласия, реализация иных мероприятий в сфере национальной политики на муниципальном уровне». Проводится ежегодная Всероссийская просветительская акция «Большой этнографический диктант». В целях кадрового обеспечения государственных органов и органов местного самоуправления, реализующих государственную национальную политику Российской Федерации, был разработан и утвержден профессиональный стандарт «Специалист в сфере национальных и религиозных отношений».

13.2. Значимым событием для укрепления общероссийской гражданской идентичности стало принятие в Российскую Федерацию Республики Крым и образование в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя. Вызванный этим патриотический подъем способствовал реализации мер государственной национальной политики Российской Федерации, активизации участия институтов гражданского общества в гармонизации межнациональных (межэтнических) и межрелигиозных отношений, снижению рисков и угроз возникновения в стране межнациональных конфликтов.

14. Вместе с тем в сфере межнациональных (межэтнических) и межрелигиозных отношений имеются проблемы, обусловленные появлением новых вызовов и угроз национальной безопасности Российской Федерации. К таким проблемам относятся:

а) распространение международного терроризма и экстремизма, радикальных идей, основанных на национальной и религиозной исключительности;

б) возникновение очагов межнациональной и религиозной розни в результате попыток пропаганды в стране экстремистской идеологии, являющейся в том числе причиной зарубежных региональных конфликтов;

в) гиперболизация региональных интересов и сепаратизм, развивающиеся в том числе вследствие целенаправленного вмешательства из-за рубежа и угрожающие государственной целостности;

г) незаконная миграция, несовершенство действующей системы социальной и культурной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации и их интеграции в российское общество, формирование замкнутых этнических анклавов;

д) социальное и имущественное неравенство населения, сложности в обеспечении равных возможностей для социального продвижения и доступа к важнейшим общественным благам, региональная экономическая дифференциация;

е) частичная утрата этнокультурного наследия, размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в том числе вследствие глобализации;

ж) непреодоленные последствия межэтнических или этнотерриториальных конфликтов и противоречий в отдельных субъектах Российской Федерации;

з) отток русского и русскоязычного населения из регионов Северного Кавказа, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

III. Цели, принципы, задачи и основные направления государственной национальной политики Российской Федерации

17. Целями государственной национальной политики Российской Федерации являются:

а) укрепление национального согласия, обеспечение политической и социальной стабильности, развитие демократических институтов;

б) укрепление общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа Российской Федерации (русской нации);

в) обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств;

г) сохранение и поддержка этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества;

д) гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений;

е) успешная социальная и культурная адаптация иностранных граждан в Российской Федерации и их интеграция в российское общество.

19. Принципами государственной национальной политики Российской Федерации являются:

а) равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств;

б) обеспечение равных условий для развития народов Российской Федерации и этнических общностей;

в) защита прав национальных меньшинств;

г) предотвращение любых форм дискриминации по признаку социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности;

д) уважение национального достоинства граждан, предотвращение и пресечение попыток разжигания расовой, национальной и религиозной ненависти либо вражды;

е) государственная поддержка этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, этнокультурного развития русского народа и других народов Российской Федерации, их творческого потенциала, являющегося важнейшим стратегическим ресурсом российского общества;

ж) преемственность исторических традиций народов Российской Федерации, в том числе таких как солидарность и взаимопомощь;

з) устойчивое экономическое, социальное и культурное развитие коренных малочисленных народов Российской Федерации, защита их исконной среды обитания, традиционного образа жизни, а также защита прав и законных интересов этих народов;

и) взаимодействие государственных органов и органов местного самоуправления с институтами гражданского общества при реализации государственной национальной политики Российской Федерации;

к) применение комплексного подхода к решению задач государственной национальной политики Российской Федерации с учетом ее межотраслевого характера;

л) недопустимость создания политических партий по признаку расовой, национальной или религиозной принадлежности.

21. Задачами государственной национальной политики Российской Федерации являются:

а) обеспечение равноправия граждан и реализации их конституционных прав;

б) обеспечение межнационального мира и согласия, гармонизации межнациональных (межэтнических) отношений;

в) обеспечение социально-экономических условий для эффективной реализации государственной национальной политики Российской Федерации;

г) содействие этнокультурному и духовному развитию народов Российской Федерации;

д) формирование у детей и молодежи на всех этапах образовательного процесса общероссийской гражданской идентичности, патриотизма, гражданской ответственности, чувства гордости за историю России, воспитание культуры межнационального общения, основанной на уважении чести и национального достоинства граждан, традиционных российских духовно-нравственных ценностей;

е) сохранение и поддержка русского языка как государственного языка Российской Федерации и языков народов Российской Федерации;

ж) формирование системы социальной и культурной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации и их интеграции в российское общество;

з) совершенствование государственного управления в сфере государственной национальной политики Российской Федерации;

и) совершенствование взаимодействия государственных органов и органов местного самоуправления с институтами гражданского общества при реализации государственной национальной политики Российской Федерации;

к) информационное обеспечение реализации государственной национальной политики Российской Федерации;

л) использование возможностей и механизмов международного сотрудничества при реализации государственной национальной политики Российской Федерации.

21.1. Основными направлениями государственной национальной политики Российской Федерации являются:

а) в сфере укрепления общероссийской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов Российской Федерации:

формирование гражданского самосознания, патриотизма, гражданской ответственности, чувства гордости за историю России, воспитание культуры межнационального общения, основанной на уважении чести и национального достоинства граждан, традиционных российских духовно-нравственных ценностей;

совершенствование образовательных программ на различных уровнях образования, а также учебно-методических комплексов по изучению исторического опыта взаимодействия народов Российской Федерации и значимых событий, повлиявших на формирование общероссийского единства и солидарности;

совершенствование системы обучения в образовательных организациях в целях сохранения и развития этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации наряду с воспитанием уважения к российской истории и культуре, мировым культурным ценностям;

включение в образовательные программы общеобразовательных организаций образовательных курсов по изучению культурных ценностей и традиций народов Российской Федерации;

поддержка общественных инициатив, направленных на патриотическое воспитание детей и молодежи;

подготовка, профессиональная переподготовка и повышение квалификации педагогических кадров с учетом этнокультурных и региональных особенностей;

б) в сфере обеспечения реализации конституционных прав граждан:

обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, происхождения, имущественного или должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств при приеме на работу, замещении должностей государственной и муниципальной службы, формировании кадрового резерва;

сохранение условий для свободного определения гражданами своей национальной принадлежности, в том числе при проведении Всероссийской переписи населения;

принятие мер по недопущению дискриминации по признаку национальной принадлежности при осуществлении государственными органами и органами местного самоуправления своей деятельности;

в) в сфере укрепления гражданского единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации), сохранения и под-

держки этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации:

сохранение и приумножение духовного, исторического и культурного наследия и потенциала многонационального народа Российской Федерации (российской нации) посредством пропаганды идей патриотизма, единства и дружбы народов, межнационального (межэтнического) согласия;

повышение интереса к изучению истории, культуры и языков народов Российской Федерации, значимых исторических событий, ставших основой государственных праздников и памятных дат, связанных с реализацией государственной национальной политики Российской Федерации;

предупреждение попыток фальсификации истории России;

сохранение и развитие культуры межнациональных (межэтнических) отношений в Российской Федерации;

популяризация и распространение классических и современных произведений литературы и искусства народов Российской Федерации, народного художественного творчества, организация и поддержка художественных выставок, фестивалей, конкурсов, гастролей творческих коллективов и других форм деятельности в области культуры;

развитие этнографического и культурно-познавательного туризма, оздоровительных и рекреационных зон, включающих объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации, оказание поддержки национальным видам спорта;

организация посещения детьми и молодежью объектов исторического и культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, памятных мест, городов-героев и городов воинской славы;

совершенствование системы профессиональной подготовки специалистов по истории и культуре народов Российской Федерации;

государственная поддержка и популяризация научных исследований, научно-популярных публикаций, произведений литературы, искусства, кино и телевидения, народного художественного творчества, интернет-ресурсов, освещающих значимые исторические события и пропагандирующих достижения народов Российской Федерации;

г) в сфере обеспечения межнационального и межрелигиозного мира и согласия, гармонизации межнациональных (межэтнических) отношений:

распространение в обществе установок о неприятии и недопущении пропаганды идей экстремизма, ксенофобии, национальной исключительности, нацизма и их оправдания;

вовлечение этнокультурных и общественных объединений, религиозных организаций в межнациональное и межконфессиональное сотрудничество;

противодействие пропаганде идей экстремизма в средствах массовой информации и электронных коммуникаций;

реализация мер правового и информационного характера по профилактике использования национального и религиозного факторов в избирательном процессе;

учет этнических и религиозных аспектов при работе с личным составом Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и сотрудниками правоохранительных органов Российской Федерации, мониторинг состояния межнациональных (межэтнических) отношений в воинских коллективах и районах дислокации воинских частей;

д) в сфере обеспечения социально-экономических условий для эффективной реализации государственной национальной политики Российской Федерации:

учет этнокультурного фактора при обеспечении сбалансированного, комплексного и системного развития субъектов Российской Федерации и муниципальных образований;

формирование гибкой системы расселения населения, учитывающей многообразие региональных и национальных укладов жизни;

содействие развитию народных промыслов и ремесел;

повышение уровня адаптации традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации к современным экономическим условиям наряду с обеспечением защиты их исконной среды обитания и традиционного образа жизни;

обеспечение доступа граждан к социальному и иным видам обслуживания в отдаленных и труднодоступных местностях;

разработка, реализация, обеспечение отраслевого и межотраслевого соответствия государственных программ Российской Федерации, государственных программ субъектов Российской Федерации и муниципальных программ в сфере государственной национальной политики Российской Федерации;

е) в сфере обеспечения условий для сохранения и развития русского языка как государственного языка Российской Федерации и языка межнационального общения, а также языков народов Российской Федерации:

создание оптимальных условий для использования русского языка как государственного языка Российской Федерации, языка межнационального общения и одного из официальных языков международных организаций, а также для сохранения и развития языков народов Российской Федерации;

обеспечение прав граждан на изучение родного языка и других языков народов Российской Федерации;

оказание содействия при производстве теле- и радиопрограмм, аудио- и видеоматериалов, создании интернет-ресурсов, издании печатной продукции на языках народов Российской Федерации;

оказание поддержки соотечественникам, проживающим за рубежом, в сохранении, изучении и развитии русского языка и языков народов Российской Федерации;

увеличение количества российских культурных центров, популяризация российской культуры в ближнем и дальнем зарубежье, создание центров изучения русского языка в иностранных государствах;

ж) в сфере обеспечения условий для социальной и культурной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации и их интеграции в российское общество:

создание экономических и социальных условий для добровольного переселения в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом;

содействие созданию и расширению в государствах постоянного проживания иностранных граждан условий для изучения русского языка, истории и культуры России и основ законодательства Российской Федерации;

недопущение социальной и территориальной изоляции иностранных граждан в Российской Федерации, устранение способствующих этому условий;

разработка, внедрение и реализация государственными органами и органами местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества и работодателями программ адаптации иностранных граждан в Российской Федерации и их интеграции в российское общество;

повышение роли институтов гражданского общества в социальной и культурной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации, содействие участию институтов гражданского общества в деятельности многофункциональных центров, а также организаций, предоставляющих иностранным гражданам юридические, социальные, образовательные и иные услуги.

**Извлечение из Указа Президента Российской Федерации от 31.12.2015
№ 683 «О Стратегии национальной безопасности
Российской Федерации»**

II. Россия в современном мире

7. Государственная политика в сфере обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития Российской Федерации способствует реализации стратегических национальных приоритетов и эффективной защите национальных интересов. В настоящее время создана устойчивая основа для дальнейшего наращивания экономического, политического, военного и духовного потенциалов Российской Федерации, повышения ее роли в формирующемся полицентричном мире.

8. Россия продемонстрировала способность к обеспечению суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности, защиты прав соотечественников за рубежом. Возросла роль Российской Федерации в решении важнейших международных проблем, урегулировании военных конфликтов, обеспечении стратегической стабильности и верховенства международного права в межгосударственных отношениях.

9. Экономика России проявила способность к сохранению и укреплению своего потенциала в условиях нестабильности мировой экономики и применения ограничительных экономических мер, введенных рядом стран против Российской Федерации.

10. Позитивные тенденции наметились в решении задач укрепления здоровья граждан. Отмечаются естественный прирост населения, увеличение средней продолжительности жизни.

11. Возрождаются традиционные российские духовно-нравственные ценности. У подрастающего поколения формируется достойное отношение к истории России. Происходит консолидация гражданского общества вокруг общих ценностей, формирующих фундамент государственности, таких как свобода и независимость России, гуманизм, межнациональный мир и согласие, единство культур многонационального народа Российской Федерации, уважение семейных и конфессиональных традиций, патриотизм.

12. Укрепление России происходит на фоне новых угроз национальной безопасности, имеющих комплексный взаимосвязанный характер. Проведение Российской Федерацией самостоятельной внешней и внутренней политики вызывает противодействие со стороны США и их союзников, стремящихся сохранить свое доминирование в мировых делах. Реализуемая ими политика сдерживания России предусматривает оказание на

нее политического, экономического, военного и информационного давления.

13. Процесс формирования новой полицентричной модели мироустройства сопровождается ростом глобальной и региональной нестабильности. Обостряются противоречия, связанные с неравномерностью мирового развития, углублением разрыва между уровнями благосостояния стран, борьбой за ресурсы, доступом к рынкам сбыта, контролем над транспортными артериями. Конкуренция между государствами все в большей степени охватывает ценности и модели общественного развития, человеческий, научный и технологический потенциалы. Особое значение в этом процессе приобретает лидерство в освоении ресурсов Мирового океана и Арктики. В борьбе за влияние на международной арене задействован весь спектр политических, финансово-экономических и информационных инструментов. Все активнее используется потенциал специальных служб.

14. В международных отношениях не снижается роль фактора силы. Стремление к наращиванию и модернизации наступательного вооружения, созданию и развертыванию его новых видов ослабляет систему глобальной безопасности, а также систему договоров и соглашений в области контроля над вооружением. В Евро-Атлантическом, Евразийском и Азиатско-Тихоокеанском регионах не соблюдаются принципы равной и неделимой безопасности. В соседних с Россией регионах развиваются процессы милитаризации и гонки вооружений.

15. Наращивание силового потенциала Организации Североатлантического договора (НАТО) и наделение ее глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, активизация военной деятельности стран блока, дальнейшее расширение альянса, приближение его военной инфраструктуры к российским границам создают угрозу национальной безопасности. Возможности поддержания глобальной и региональной стабильности существенно снижаются при размещении в Европе, Азиатско-Тихоокеанском регионе и на Ближнем Востоке компонентов системы противоракетной обороны США, в условиях практической реализации концепции "глобального удара", развертывания стратегических неядерных систем высокоточного оружия, а также в случае размещения оружия в космосе.

16. Сохраняющийся блоковый подход к решению международных проблем не способствует противодействию всему спектру современных вызовов и угроз. Активизация миграционных потоков из стран Африки и Ближнего Востока в Европу показала несостоятельность региональной системы безопасности в Евро-Атлантическом регионе, построенной на основе НАТО и Европейского союза.

17. Позиция Запада, направленная на противодействие интеграционным процессам и создание очагов напряженности в Евразийском регионе, оказывает негативное влияние на реализацию российских национальных интересов. Поддержка США и Европейским союзом антиконституционного государственного переворота на Украине привела к глубокому расколу в украинском обществе и возникновению вооруженного конфликта. Укрепление крайне правой националистической идеологии, целенаправленное формирование у украинского населения образа врага в лице России, неприкрытая ставка на силовое решение внутригосударственных противоречий, глубокий социально-экономический кризис превращают Украину в долгосрочный очаг нестабильности в Европе и непосредственно у границ России.

18. Практика свержения легитимных политических режимов, провоцирования внутригосударственных нестабильности и конфликтов получает все более широкое распространение. Наряду с сохраняющимися очагами напряженности на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке, Южной Азии, на Корейском полуострове появляются новые «горячие точки», расширяются зоны, не контролируемые властями каких-либо государств. Территории вооруженных конфликтов становятся базой для распространения терроризма, межнациональной розни, религиозной вражды, иных проявлений экстремизма. Появление террористической организации, объявившей себя «Исламским государством», и укрепление ее влияния стали результатом политики двойных стандартов, которой некоторые государства придерживаются в области борьбы с терроризмом.

19. Сохраняется риск увеличения числа стран - обладателей ядерного оружия, распространения и использования химического оружия, а также неопределенность относительно фактов обладания иностранными государствами биологическим оружием, наличия у них потенциала для его разработки и производства. На территориях соседних с Россией государств расширяется сеть военно-биологических лабораторий США.

20. Критическое состояние физической сохранности опасных объектов и материалов, особенно в государствах с нестабильной внутривнутриполитической ситуацией, неконтролируемое распространение обычного вооружения повышают вероятность их попадания в руки террористов.

21. Все большее влияние на характер международной обстановки оказывает усиливающееся противоборство в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением некоторых стран использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения своих геополитических целей, в том числе путем манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории.

22. Появляются новые формы противоправной деятельности, в частности с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий. Обостряются угрозы, связанные с неконтролируемой и незаконной миграцией, торговлей людьми, наркоторговлей и другими проявлениями транснациональной организованной преступности.

23. Осложняются мировая демографическая ситуация, проблемы окружающей среды и продовольственной безопасности. Более ощутимыми становятся дефицит пресной воды, последствия изменения климата. Получают распространение эпидемии, многие из которых вызваны новыми, неизвестными ранее вирусами.

24. Возрастающее влияние политических факторов на экономические процессы, а также попытки применения отдельными государствами экономических методов, инструментов финансовой, торговой, инвестиционной и технологической политики для решения своих геополитических задач ослабляют устойчивость системы международных экономических отношений. На фоне структурных дисбалансов в мировой экономике и финансовой системе, растущей суверенной задолженности, волатильности рынка энергоресурсов сохраняется высокий риск повторения масштабных финансово-экономических кризисов.

25. Государства в качестве реакции на рост международной нестабильности все чаще берут на себя ответственность за дела в своих регионах. Региональные и субрегиональные торговые и иные экономические соглашения становятся одним из важнейших средств защиты от кризисных явлений. Повышается интерес к использованию региональных валют.

26. Для предотвращения угроз национальной безопасности Российская Федерация сосредоточивает усилия на укреплении внутреннего единства российского общества, обеспечении социальной стабильности, межнационального согласия и религиозной терпимости, устранении структурных дисбалансов в экономике и ее модернизации, повышении обороноспособности страны.

27. В целях защиты национальных интересов Россия проводит открытую, рациональную и прагматичную внешнюю политику, исключаящую затратную конфронтацию (в том числе новую гонку вооружений).

28. Российская Федерация выстраивает международные отношения на принципах международного права, обеспечения надежной и равной безопасности государств, взаимного уважения народов, сохранения многообразия их культур, традиций и интересов. Россия заинтересована в развитии взаимовыгодного и равноправного торгово-экономического сотрудничества с иностранными государствами, является ответственным участником многосторонней торговой системы. Цель Российской Федерации заключа-

ется в приобретении как можно большего числа равноправных партнеров в различных частях мира.

29. В области международной безопасности Россия сохраняет приверженность использованию прежде всего политических и правовых инструментов, механизмов дипломатии и миротворчества. Применение военной силы для защиты национальных интересов возможно только в том случае, если все принятые меры ненасильственного характера оказались неэффективными.

III. Национальные интересы и стратегические национальные приоритеты

30. Национальными интересами на долгосрочную перспективу являются:

укрепление обороны страны, обеспечение незыблемости конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации;

укрепление национального согласия, политической и социальной стабильности, развитие демократических институтов, совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества;

повышение качества жизни, укрепление здоровья населения, обеспечение стабильного демографического развития страны;

сохранение и развитие культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей;

повышение конкурентоспособности национальной экономики;

закрепление за Российской Федерацией статуса одной из лидирующих мировых держав, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях полицентричного мира.

**Извлечение из Распоряжения Правительства РФ от 29.02.2016
№ 326-р (ред. от 30.03.2018 «Об утверждении Стратегии
государственной культурной политики на период до 2030 года»**

II. Современное состояние и сценарии реализации Стратегии

**1. Современное состояние и основные проблемы
государственной культурной политики**

Анализ ситуации в сфере культурной политики позволяет выявить ряд рисков.

Одними из основных рисков являются постепенное сокращение в силу разных причин присутствия и влияния российской культуры в мире (в том числе и как следствие распада СССР) и снижение в 90-е годы экономических возможностей поддержки отечественной культуры за рубежом, которые происходили на фоне формирования образовательной и культурной политики независимых государств – бывших советских республик, сопровождавшегося сокращением инфраструктуры, обеспечивающей изучение российской культуры и русского языка в этих странах, и численности людей, изучающих и знающих русский язык. Следствием этого стала низкая степень адаптивности поздних миграционных потоков, прибывающих в Российскую Федерацию с плохим знанием русского языка, российской истории и культуры. Однако изменения, внесенные в российское миграционное законодательство и обязывающие трудовых мигрантов сдавать экзамен на знание русского языка, истории и основ законодательства Российской Федерации, стали дополнительным стимулом для изучения этих дисциплин. Кроме того, в последние годы предпринимаются усилия по развитию российской системы открытого образования, введению электронного обучения и дистанционных образовательных технологий.

В силу ряда причин, в том числе и геополитического характера, происходит снижение объемов международных гастролей и выставочных проектов, организованных российскими учреждениями культуры за рубежом. Сокращаются масштабы переводов русской классики и современной российской литературы на иностранные языки. Не прекращаются попытки фальсифицировать российскую историю, подвергнуть ее ревизии, в том числе в целях пересмотра итогов Второй мировой войны. В этих условиях важнейшим условием успешности мягкой силы российского гуманитарного влияния за рубежом является осуществление действенной культурной политики.

Существует угроза единству культурного пространства на фоне недостаточного использования потенциала культуры как фактора социально-экономического развития Российской Федерации, его национальной безопасности и территориальной целостности. Культура сохраняет огромный потенциал для формирования и укрепления гражданской идентичности, обеспечения единства российской нации, сохранения единства культурного и языкового пространства Российской Федерации. Необходимы меры по сохранению и усилению роли русского языка как государственного языка и как языка межнационального общения. При этом необходимо учитывать федеративное устройство Российской Федерации, разделение полномочий между федеральными, региональными органами власти и органами местного самоуправления, этнокультурное многообразие. Региональные диспропорции в доступе к услугам, в расходах на культуру, в инфраструктурном развитии также формируют риски для сохранения единства культурного пространства. Существуют угрозы проявления и пропаганды расовой, национальной и религиозной нетерпимости, в том числе в средствах массовой информации и социальных сетях информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», осуществления экстремистской деятельности под видом гуманитарной, культурной и псевдорелигиозной деятельности, в том числе со стороны иностранных организаций.

При этом информационная среда Российской Федерации как совокупность печатных средств массовой информации, систем теле- и радиовещания, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также распространяемой с их помощью информации, текстовых и визуальных материалов, созданных и создаваемых цифровых архивов, библиотек, оцифрованных музейных фондов задействована в противовес этим угрозам недостаточно эффективно во многом потому, что уровень информационной грамотности населения Российской Федерации, то есть состояние знаний, способностей и навыков, необходимых для получения информации, ее оценки и использования, приобретаемых как в процессе обучения в профессиональных и образовательных организациях, так и вне их, остается невысоким.

Кроме того, действующие документы стратегического планирования Российской Федерации не в полной мере учитывают стратегическую значимость потенциала культуры.

Региональные диспропорции в развитии культуры проявляются в зависимости от обеспеченности объектами культуры, финансирования и доступности культурных благ для широких слоев населения.

Наблюдается переизбыток кадров в столицах и их дефицит в регионах.

В сложном положении, требующем системного стратегического подхода, оказалась сельская культура, исторически выполнявшая роль хранительницы традиционной культуры и нематериального культурного наследия.

При этом материально-техническая база значительной части сельских учреждений культуры, являющихся муниципальными, сформирована в 70-е – 80-е годы и в 42 процентах из них не обновлялась. Треть зданий сельских учреждений культуры находится в неудовлетворительном состоянии, 32 процента требуют капитального ремонта, износ оборудования в среднем составляет 70 процентов.

Значительная часть малых городов Российской Федерации является средоточием уникальных памятников культурного и природного наследия, центрами культурно-познавательного туризма. В 2014 году в рамках программы поддержки сельских территорий и малых городов Российской Федерации почти 3 млрд рублей было направлено на комплексное развитие учреждений культуры, 38 малых городов получили гранты на воссоздание и сохранение исторических центров, более 1,5 тыс. учреждений культуры приобрели современное оборудование и музыкальные инструменты.

В настоящее время 44 населенных пункта на территории Российской Федерации имеют статус исторического поселения федерального значения. Главным принципом сохранения исторических поселений является установление границ территорий, в пределах которых утверждается предмет охраны этого поселения. Статус исторического поселения - это шанс заявить об историко-культурной ценности застройки в установленных границах территорий как мощном градообразующем факторе и тем самым выйти из разряда моногородов, предложив своим гражданам новый путь развития - сохранение своей исторической самобытности и создание положительного образа, что является основным фактором для привлечения инвестиций и посетителей.

Большинство малых городов, в том числе исторических поселений, неспособно самостоятельно решать многочисленные проблемы городского хозяйства. Значительное количество памятников истории и культуры в таких поселениях требует реставрации либо консервации, а большинство жилых и общественных зданий исторической застройки нуждается в модернизации, недостаточно развита социальная инфраструктура.

Работы по восстановлению исторической застройки порой входят в противоречие с хозяйственными и бюджетными интересами исторических поселений. Для устойчивого развития исторических поселений необходима разработка качественной градостроительной документации, учитывающей цели развития туризма за счет строительства объектов инфраструктуры, создания новых туристических маршрутов и проектов приспособления

исторически ценных зданий, поэтому содержание и структура генеральных планов для таких населенных пунктов нуждается в существенном пересмотре. Требуется разработка пилотных проектов, направленных на развитие туристического потенциала исторических городов, а также разработка экономических механизмов для обеспечения получения налоговых льгот, преференций или дополнительного финансирования.

Также одним из рисков является и недооценка потенциала культуры для гармонизации общественных отношений. Несмотря на большое количество некоммерческих организаций, занимающихся вопросами культуры, сохраняется недостаточная активность и слабая вовлеченность общественных институтов в реализацию культурной политики. Так, несмотря на увеличивающиеся с каждым годом объемы грантовых средств на творческие проекты и реализацию гражданских инициатив, а также на привлечение внебюджетных средств в сферу культуры, значительная часть общественных инициатив осуществляется при условии доступа к бюджетному финансированию. Особых мер культурной поддержки требуют социально уязвимые группы населения, включая инвалидов.

Ослабление роли семьи и семейных отношений в системе ценностных ориентаций граждан Российской Федерации способствует тому, что происходит фиксируемый социологами разрыв прежде устойчивых социальных связей (дружеских, семейных, соседских), а также рост индивидуализма и числа разводов.

Компетенции в образовании могут стать общественным благом только при обеспечении ценностно ориентированного воспитания, базирующегося на лучших отечественных традициях. Массовая культура воспитывает потребителя, но не активного участника культурных процессов. Также проблемой является некоторое сокращение инфраструктуры профессионального образования в сфере культуры.

Вследствие низких темпов модернизации и развития инфраструктуры, а также недостаточной ресурсной обеспеченности сохранения объектов культурного наследия основной задачей является обеспечение сохранности объектов культурного наследия всех видов и категорий в интересах настоящего и будущего поколений населения Российской Федерации.

Доля объектов культурного наследия, находящихся в федеральной собственности, состояние которых является удовлетворительным, в общем количестве объектов культурного наследия составляет 39 процентов. Поскольку состояние объектов культурного наследия регионального значения значительно хуже, то ежегодно увеличивается число региональных памятников в руинированном или неудовлетворительном состоянии.

Необходимы меры по передаче подобных бесхозных и разрушающихся памятников на условиях, обеспечивающих сохранность объекта

культурного наследия, проведение реставрационных работ, привлекательных для нового пользователя или собственника. Также неудовлетворительным является состояние памятников деревянного зодчества - самой оригинальной и своеобразной части архитектурного наследия Российской Федерации, еще в XIX веке определявшей облик большинства российских деревень и уездных городов, а на Русском Севере - даже губернских. Другая проблема - это сохранение археологического наследия, в том числе его защита от грабительских раскопок. Наконец, серьезной проблемой является разработка и установление зон охраны объектов культурного наследия, что является важнейшим условием сохранения любого памятника истории и культуры.

Низкие темпы модернизации культурной инфраструктуры в ряде регионов Российской Федерации, моральный и физический износ сооружений, технического и профессионального оборудования требуют дополнительных инвестиций в развитие инфраструктуры.

Одной из важнейших творческих индустрий является кинематограф, который наряду со средствами массовой информации оказывает серьезное влияние на формирование мировоззрения современного человека. Большинство ведущих стран оказывает протекционистские меры в отношении своего национального кинематографа, вводя квотирование для иностранной кинопродукции и вырабатывая меры налогового и иного стимулирования развития своего национального кинорынка. С одной стороны, это осложняет продвижение отечественной кинопродукции на зарубежные рынки, с другой стороны, оказывает давление на отечественный кинематограф со стороны иностранных компаний на внутреннем кинорынке.

**Извлечение из Распоряжения Правительства РФ от 29.11.2014
№ 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной
политики Российской Федерации на период до 2025 года»**

Новые вызовы, связанные с изменениями в глобальном мире, новые цели социально-экономического развития страны требуют системного обновления, развития задач и механизмов государственной молодежной политики.

Приоритеты Российской Федерации ориентированы на укрепление воспитательной роли семьи, общества и государства. Российская молодежь все ярче демонстрирует активную позицию по развитию гражданского общества, формируются механизмы создания молодежью общественных благ.

В государстве в целом сложилась и действует система формирования и реализации молодежной политики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Интересы и потребности молодежи учитываются при реализации программ социально-экономического развития.

В последние годы удалось переломить ряд негативных тенденций и достичь заметного улучшения социально-экономического положения молодежи в Российской Федерации. Уменьшилась смертность среди молодежи, усилилось стремление к ведению здорового образа жизни, снизился уровень молодежной безработицы и наметилось снижение преступности (в том числе среди несовершеннолетних). Российская Федерация является одним из мировых лидеров по количеству молодых специалистов, получивших высшее образование. Многие представители молодежи входят в число победителей и призеров международных спортивных соревнований, творческих конкурсов и олимпиад.

Вместе с тем существует тенденция нарастания негативного влияния целого ряда внутренних и внешних факторов, повышающих риски роста угроз ценностного, общественного и социально-экономического характера. Проблемным фактором является деструктивное информационное воздействие на молодежь, следствием которого в условиях социального расслоения, как показывает опыт других стран, могут стать повышенная агрессивность в молодежной среде, национальная и религиозная нетерпимость, а также социальное напряжение в обществе.

Снижение численности молодежи вследствие демографических проблем прошлых лет может оказать системное влияние на социально-экономическое развитие страны, привести к убыли населения, сокращению

трудовых ресурсов, росту пенсионной нагрузки и ослаблению обороноспособности Российской Федерации.

Молодежь в Российской Федерации достойна того, чтобы получить и реализовать новые возможности для построения своего будущего и будущего страны.

Важно выработать в молодежной среде приоритет национально-государственной идентичности, а также воспитать чувство гордости за Отечество.

Стратегическим приоритетом государственной молодежной политики является создание условий для формирования личности гармоничной, постоянно совершенствующейся, эрудированной, конкурентоспособной, равнодушной, обладающей прочным нравственным стержнем, способной при этом адаптироваться к меняющимся условиям и восприимчивой к новым созидательным идеям.

Ключевой задачей является воспитание патриотично настроенной молодежи с независимым мышлением, обладающей созидательным мировоззрением, профессиональными знаниями, демонстрирующей высокую культуру, в том числе культуру межнационального общения, ответственность и способность принимать самостоятельные решения, нацеленные на повышение благосостояния страны, народа и своей семьи.

Государство и общество должны создать базовые условия для полноценной самореализации молодежи в социально-экономической и общественно-политической сферах жизни России, чтобы молодежь, развивая индивидуальные качества, проявляла высокий уровень социальной активности.

Совокупность указанных факторов обуславливает необходимость формирования основ государственной молодежной политики, соответствующих современным реалиям и новым вызовам времени.

Эффективная реализация государственной молодежной политики должна обеспечивать устойчивый рост числа молодых людей, мотивированных на позитивные действия, разделяющих общечеловеческие и национальные духовные ценности, обладающих хорошим физическим здоровьем, занимающихся физической культурой и спортом, не имеющих вредных привычек, работающих над своим личностным и профессиональным развитием, любящих свое Отечество и готовых защищать его интересы, прилагающих усилия для динамичного развития сильной и независимой Российской Федерации.

Главным результатом реализации государственной молодежной политики должно стать улучшение социально-экономического положения молодежи Российской Федерации и увеличение степени ее вовлеченности в социально-экономическую жизнь страны.

**Извлечение из Распоряжения Правительства РФ от 17.11.2008
№ 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-
экономического развития Российской Федерации на период
до 2020 года»**

I. Стратегические ориентиры долгосрочного
социально-экономического развития

2. Вызовы предстоящего долгосрочного периода

В середине текущего десятилетия российская экономика оказалась перед долговременными системными вызовами, отражающими как мировые тенденции, так и внутренние барьеры развития.

Первый вызов - усиление глобальной конкуренции, охватывающей не только традиционные рынки товаров, капиталов, технологий и рабочей силы, но и системы национального управления, поддержки инноваций, развития человеческого потенциала.

Основными характеристиками развития мировой экономики, оказывающими серьезное влияние на социально-экономические процессы в России, в ближайшие 10 - 15 лет будут:

вероятное возобновление в 2010 году, после преодоления кризиса, динамичного роста мировой экономики (в среднем около 4 процентов в год). Это предъявляет высокие требования к темпам и качеству роста российской экономики, необходимым для увеличения ее экономического веса в мире, обеспечения регионального лидерства и сокращения отставания от развитых стран;

превращение Китая и Индии в основные локомотивы мирового экономического роста, появление новых мировых центров экономического развития в Азии и Латинской Америке, рост их влияния в результате финансового кризиса;

преодоление энергетических барьеров роста, в том числе за счет повышения энергоэффективности и расширения использования альтернативных видов энергии при сохранении тенденции к удорожанию энергоносителей;

усиление влияния экологических факторов, рост дефицита пресной воды и изменение климата, что создает дополнительные возможности для России, имеющей огромные запасы пресной воды и экологически благополучные территории;

сохранение и возможное усиление дисбалансов в области мировой торговли, движении капиталов, что будет способствовать изменению курсов мировых валют и перестройке институтов мировой экономики (мирового экономического порядка), мировой финансовой архитектуры;

старение населения в развитых странах на фоне быстрого роста населения в развивающихся странах, что будет интенсифицировать мировые миграционные процессы и увеличивать нагрузку на социальные системы развитых стран.

Предстоящий период характеризуется структурной перестройкой мирового хозяйства, связанной с изменением баланса между ее экономическими центрами, возрастанием роли региональных экономических союзов. Дальнейшее развитие мировой экономики будет определяться балансом между сложившейся тенденцией поступательной глобализации мировой экономики и тенденциями регионализации как реакции на рост напряженности между мировыми центрами силы и накопление диспропорций в мировой торговле и финансовой системе.

Следствием мирового финансового кризиса может стать развитие кризиса производства, сопровождаемого снижением сырьевых цен и замедлением темпов роста мировой экономики в 2009–2010 годах. Сочетание кризисных процессов с высокими темпами роста инфляции может привести к развитию стагфляции, которая наблюдалась в мировой экономике в 80-е годы. Кризисные явления в мировой экономике обуславливают необходимость повышения устойчивости экономики России и ее способности нейтрализовать негативные воздействия мировых рынков. Динамика курсов акций и цен на сырьевые товары повышают актуальность перехода России на инновационный тип экономического развития, а также формирования в стране самостоятельной мощной финансовой системы.

Развитие глобальной экономической конкуренции сопровождается усилением геополитического соперничества, в том числе за контроль над сырьевыми, энергетическими, водными и продовольственными ресурсами.

Для России трансформация мировой экономики создает новые возможности для развития внешнеэкономической интеграции, укрепления и расширения позиций на мировых рынках, импорта технологий и капитала.

Второй вызов - ожидаемая новая волна технологических изменений, усиливающая роль инноваций в социально-экономическом развитии и снижающая влияние многих традиционных факторов роста.

В ближайшее десятилетие развитые страны перейдут к формированию новой технологической базы экономических систем, основанной на использовании новейших достижений в области биотехнологий, информатики и нанотехнологий, в том числе в здравоохранении и других сферах.

Для России наличие научно-исследовательского потенциала и высокотехнологичных производств создает условия для:

обеспечения технологического лидерства по ряду важнейших направлений;

формирования комплекса высокотехнологичных отраслей и расширения позиций на мировых рынках наукоемкой продукции;

увеличения стратегического присутствия России на рынках высокотехнологичной продукции и интеллектуальных услуг;

модернизации традиционных отраслей экономики, в том числе за счет развертывания глобально ориентированных специализированных производств.

В то же время отставание в развитии новых технологий последнего поколения может снизить конкурентоспособность российской экономики, а также повысить ее уязвимость в условиях нарастающего геополитического соперничества.

Третий вызов - возрастание роли человеческого капитала как основного фактора экономического развития.

Уровень конкурентоспособности современной инновационной экономики в значительной степени определяется качеством профессиональных кадров, уровнем их социализации и кооперационности. Россия не сможет поддерживать конкурентные позиции в мировой экономике за счет дешевизны рабочей силы и экономии на развитии образования и здравоохранения. Для России ответ на этот вызов предполагает преодоление имеющихся негативных тенденций в развитии человеческого потенциала, которые характеризуются:

сокращением численности населения и уровня занятости в экономике;

растущей конкуренцией с европейскими и азиатскими рынками в отношении квалифицированных кадров;

низким качеством и снижением уровня доступности социальных услуг в сфере здравоохранения и образования.

Четвертый вызов – исчерпание потенциала экспортно-сырьевой модели экономического развития, базирующейся на форсированном наращивании топливного и сырьевого экспорта, выпуске товаров для внутреннего потребления за счет дозагрузки производственных мощностей в условиях заниженного обменного курса рубля, низкой стоимости производственных факторов – рабочей силы, топлива, электроэнергии.

Кроме того, в условиях трансформации мировой экономики конъюнктура мирового рынка энергоносителей весьма неустойчива. При этом конкурентоспособность российских энергоресурсов может несколько снизиться, в том числе в связи с повышением требований к их качеству,

стремлением стран-импортеров к расширению источников поставок и сокращению доли России в топливно-энергетическом балансе. Необходимость укрепления потенциала российского топливно-энергетического комплекса, его модернизации, развития ресурсной базы и инфраструктуры требует значительных финансовых ресурсов, что может привести к повышению уровня издержек в экономике.

Обозначились новые внутренние ограничения роста, обусловленные недостаточным развитием транспортной и энергетической инфраструктуры и дефицитом квалифицированных инженерных и рабочих кадров. При сохранении сложившихся тенденций действие данного фактора может привести к резкому замедлению темпов экономического роста.

Действие структурных ограничений усиливается нерешенностью ряда социальных и институциональных проблем, важнейшими из которых являются следующие:

- высокий уровень социального неравенства и региональной дифференциации;

- высокие риски ведения предпринимательской деятельности в России, в том числе в связи с наличием коррупции, излишними административными барьерами, недостаточным уровнем защиты прав собственности, непрозрачностью системы земельных отношений, низкой корпоративной культурой;

- слабое развитие форм самоорганизации и саморегулирования бизнеса и общества, низкий уровень доверия в сочетании с низким уровнем эффективности государственного управления;

- низкий уровень конкуренции на ряде рынков, не создающий для предприятий стимулов к повышению производительности труда;

- недостаточный уровень развития национальной инновационной системы, координации образования, науки и бизнеса.

Научное издание

Султанов Ахсан Харисович
Бондаренко Юлия Викторовна
Каримов Рим Римович

**МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА В ЭПОХУ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)**

Монография

Редакторы: Л. Т. Курбанова, Е. А. Ермолаева

Подписано в печать	14 июня 2019	
Гарнитура Times		Формат 60x80 ¹ / ₁₆
Уч.-изд. л. 8,3	Заказ № 29	Усл. печ. л. 8,5
Тираж экз. 50		

*Редакционно-издательский отдел
Уфимского юридического института МВД России
450103, г. Уфа, ул. Муксинова, 2*

*Отпечатано в группе полиграфической и оперативной печати
Уфимского юридического института МВД России
450103, г. Уфа, ул. Муксинова, 2*